

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3'2025

К 125-летию

В. И. Абаева

Васо АБАЕВ
Осетины-
аланы

Зоя
САЛАГАЕВА
В. И. Абаев
и литература
Очерк

Литературное наследие

Темирболат
МАМСУРОВ
Думы
Стихи

Цветная вклейка

Сергей СЕКИРИН
Живопись

Проза и поэзия

Васо МАЛИЕВ
В поезде
Поэма

Наши переводы

Аркадий ЗОЛОЕВ
Из немецкой
поэзии

Юбилейные даты

Руслан ГАЛАЗОВ
Записки
эмигранта
Отрывок
из повести

Ирлан ХУГАЕВ
Творцы дворцов
Стихи

ТЕМА НОМЕРА

В. И. АБАЕВ —
лингвист и философ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

В Л А Д И К А В К А З
2 0 2 5

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

* * *

ВЫХОДИТ С 1991 ГОДА

16+

Главный редактор

А. И. ЦХУРБАЕВ

Зам. главного редактора

О. Э. ТОТРОВА

Редакционный совет:

И. Г. ГУРЖИБЕКОВА

М. С. ДЗАСОХОВ

В. О. КОЛИЕВ

Т. А. САЛАМОВ

И. А. ТАБОЛОВА

Ф. С. ХАБАЛОВА

А. Л. ЧИБИРОВ

В. Т. ЧШИЕВ

Адрес редакции:

362040, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 1

Телефоны: (8672) 53-60-30

(8672) 53-58-10

(8672) 54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru

http: www.darial-online.ru

Свидетельство

о регистрации средства массовой информации

ПИ №ТУ 15-00144 от 22.05.2017

Выдано Управлением Федеральной

службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель:

Комитет по делам печати и массовых

коммуникаций Республики Северная

Осетия-Алания

Адрес: 362040, Республика

Северная Осетия-Алания,

г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 102

Телефон: (8672) 33-33-69

Рукописи не возвращаются

и не рецензируются

Мнение редакции не всегда

совпадает с мнением авторов

Выход в свет 30.06.2025

Формат бумаги 60 x 90^{1/16}

Бум. офсетная

Гарнитура шрифта MyriadPro

Печать офсетная

Усл. п. л. 15 + 1 п. л. цветная вклейка

на мелованной бумаге

Заказ № 267

Тираж 600 экземпляров

АО «Осетия-Полиграфсервис»

362015, г. Владикавказ,

проспект Коста, 11

Телефон: (8672) 25-97-94

Цена свободная

3'2025 (188)

МАЙ — ИЮНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

© ДАРЬЯЛ № 3/2025

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ
4 Васо МАЛИЕВ В поезде. <i>Поэма.</i> <i>Перевод с осетинского</i> <i>М. Синельникова</i>	130 Тимур КИБИРОВ Иллюстрации к роману «Негодный». <i>Стихи</i>
20 Петр ЙИЛЕМНИЦКИЙ Компас в нас. <i>Отрывки</i> <i>из романа (окончание).</i> <i>Перевод со словацкого В. Пукиша.</i> <i>Литературная редакция</i> <i>И. Хугаева</i>	136 Руслан ГАЛАЗОВ Записки эмигранта. <i>Отрывок из повести</i>
42 Батрадз ХАРЕБОВ Моя Москва. <i>Автобио-</i> <i>графическая повесть.</i> <i>Продолжение</i>	156 Ирлан ХУГАЕВ Творцы дворцов. <i>Стихи</i>
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	ГОСТЕВАЯ КНИГА
78 Темирболат МАМСУРОВ Думы. <i>Стихи.</i> <i>Перевод с осетинского</i> <i>М. Синельникова</i>	162 Татьяна КОСТАНДОГЛО И землю вражай, не жалея огня. <i>Стихи</i>
К 125-летию В. И. АБАЕВА	168 Ибрагим ШАОВ Саксофонист. <i>Рассказ</i>
84 Васо АБАЕВ Осетины-аланы	180 Татьяна ПАРСАНОВА Бесценный клад воспоминаний. <i>Стихи</i>
94 Тамир САЛБИЕВ Васо Абаев: уроки древнеперсидского. <i>Очерк</i>	ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПРОЗЫ
104 Зоя САЛАГАЕВА В. И. Абаев и литература. <i>Очерк</i>	186 Станислав ЛЕМ Два молодых человека. <i>Рассказ</i>
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	НАУКА И КУЛЬТУРА
126 Из немецкой поэзии. <i>Перевод А. Золоева</i>	192 Дзерасса ХЕТАГУРОВА Post mortem: феномен образа живого покойника в поэзии модернизма (В. И. Нарбут, Б. Ю. Поплавский, Б. Брехт, Г. Г. Малиев)
АНТОЛОГИЯ ОДНОГО	210 Аслан ГАЛАЗОВ К вопросу этимологии этнонима «русы»: очерки славяно- иранских культурно- исторических связей. <i>Окончание</i>
СТИХОТВОРЕНИЯ	238 АВТОРЫ НОМЕРА
129 Шамиль ДЖИКАЕВ Васо Абаев. <i>Перевод Н. Куличенко</i>	

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА

Сергей СЕКИРИН

Живопись

Васо МАЛИЕВ

В ПОЕЗДЕ

ПОЭМА

ПЕРЕВОД С ОСЕТИНСКОГО М. СИНЕЛЬНИКОВА

I

Взволнуется перрон в последнее мгновенье,
Не сможет немоты и жажды побороть.
Прощальный чей-то смех — души оцепененье,
Трепещущей душой оставленная плоть.
Но ветер, одержим тревогою полета,
Не в силах обогнать вагонное окно.
Пытается настичь, остановить кого-то.
Тебя или меня?
Но я и ты — одно.
И лишь прощальный миг
Рассыпанные звенья
Рассеянных времен собой соединит,
В моей судьбе
Твое отыщет продолженье,
Разъединенье душ разрушит, разрешит.
Оставь меня, двойник, приникший тенью к тени,
В былое отступи, останься, отойди...
Среди беспечных звезд, обманчивых видений
Не отыщу твой свет, мерцающий в груди.
Я ниспроверг тебя в разбег водоворота,
Не призову друзей, не протяну руки.
И в омуте минут — забвенье, и дремота,
И равнодушных волн ползущие круги.
Теней небытия не воскресит мой голос,
Не вызовет на свет ушедшего давно.
Идет за кругом круг, и круга тонкий волос
Обводит на воде туманное пятно.

Печатается по изданию: Синельников М. И. Разноцветная башня: Переводы из осетинской поэзии. Стихотворения. Орджоникидзе: Ир, 1987. С. 138–155.

Что было — все твое,
 И вручена дороге
 Не память прошлых лет, но будущие дни.
 Оставь мне лишь печаль и тайные тревоги,
 И горечь первых встреч с возлюбленной верни.
 Я из семьи планет, но ты — моя орбита,
 С маршрута не сойду, не прокляну в тоске.
 Прощай...
 Но с кем прощусь?
 Кто строит из гранита
 Цепную цитадель на дремлющем песке?
 Так пусть колесный стук раздавит мирозданье,
 В пространственную тишь ворвется паровоз.
 О, материнский взор в секунду расставанься,
 Растерянный укор благословенных слез!
 Прощайте же, друзья!
 Вино мы пили вместе,
 Но вы спокойный ум сумели сохранить
 И различить в душе тревожный проблеск чести,
 Свечения судьбы чуть брезжущую нить.
 И в тот суровый час невыразимой боли,
 Лишь только жребий мой качнулся тяжело,
 Переломило лук железо вашей воли
 И молнию стрелы от сердца отвело.
 Вот кружится вокзал, сжимается, ложится
 И точкой отбежал...
 Вагонный тяжкий зной
 Дорожный ветер пьет.
 Так ветра жаждет жница
 Под сению небес паляще-навесной.

II

Несется рой колес туннелями артерий,
 И стонут рельсы вен — виски стучат, стучат...
 Безумный счетовод, огромные потери
 Не в силах подсчитать, отчаяньем объята.
 Я пренебрег в жару ошибкой вычисленья,
 Я сочетаньем числ вытягивал в дугу
 Прямолинейный строй земного измеренья.
 Теперь найти просчет вовеки не смогу.

Одно из одного в тоске неисцелимой
Я долго вычитал. И вычел целиком...
С усмешкой скажешь ты, что мы — неразделимый,
Невиданный досель молекулярный ком.
Я на тебя смотрю,
а взор у нас — единый.
Из зеркала
глядишь,
насуплен и сутул,
В морщинах поселён, теснит мои седины
Бесцельно-бурных лет неторопливый гул.
Прогрохотал табун, промчались жеребята,
Невзнузданных минут уносится орда.
Так протопочет жизнь... Падет роса заката
В молниеносный прах копытного следа.
Перегони печаль, крылатый просвист ветра,
Железный суховей, за временем поспеи!
Чтоб горизонт гремел, выламывая недра,
Вращал, как жернова, окружая степей.
Пугливые стада деревьев придорожных
Отпрянут, услышав скрежещущий состав.
Мне ничего не жаль: желаний невозможных,
Отвергнутых забот и призрачных забав.
Все счастье души — от радости движенья,
Ракетоносный клин пылающей чертой
Промчится, трепеща...
И головокруженье
Быстрее быстроты, сравнимой с быстротой.
А ты?
Изведал ты ночное верховенство,
Владычество и власть
бессонниц и теней?
Сигарный синий дым — жестокое блаженство —
Кружился в темноте над головой твоей.
Ты истину в вине
изыскивал прилежно,
Забыл, что ты — поэт, втесался в карнавал,
А женский взор манил так ветрено и нежно,
И ты к его лучам восторженно припал.
Но более всего
боялся ты опасной,
высокой и святой крылатой красоты.

О муза!
 Стала ты лишь мукою безгласной,
 Под модной мишурой себя сокрыла ты...

III

Шел вечер голубой над пустошью потемок
 И шалью синевы окутал мой шалаш.
 Притихшая луна — фарфоровый обломок —
 Упала из окна в тревожный вечер наш.
 Затишья волшебство.
 Все небо в крупных звездах.
 И льется с высоты, как медленный рассказ,
 Скрестившихся лучей кристально-хрупкий отзвук,
 Невыразимый свет неповторимых глаз.
 И дальний, дальний хор слепому сердцу внятен:
 То крик ночных теней за смутной гранью сна.
 Они взвились во тьме, как стаи с голубятам,
 И на порог времен обрушилась луна.
 Распалась цепь веков, глубинный слой столетий
 Столпотворенье толп втолкнул в грядущий день.
 О, вера в чудеса! В твоём парящем свете
 Я видел бытия конечную ступень.
 Когда притихла песнь в полях опустошенных,
 Пастуший огонек блеснул издалека,
 Раздался голос твой средь звуков приглушенных,
 И тихий мой шалаш наполнили века.
 Гремит и блещет медь
 доспехов македонца,
 Неистовый пророк диктует свой Коран...
 Но где ж тот уголек, зажегший светоч Солнца,
 И кем сигнальный знак потоку жизни дан?
 Как вышел мой исток из хромосомных копей,
 Хранивших точный срок, поставленный ему,
 Как избежать штыков и тысяч, тысяч копий,
 Как миновать войну и черную чуму?
 Ужель в моей душе — конец его начала,
 И все, что на моей табличке восковой
 Рука земной судьбы когда-то начертала,
 Сотрет земная смерть холодною рукой?
 Зачем же эту цепь
 Сквозь времени горнило
 Природа провела, расплавила в огне?

Иль, может быть, она
Нечаянно открыла
Ошибку давних дней, забытую во мне...
Как в кузнице кузнец стучит, гудит и свищет
Над медью, ни на миг не прекращая труд,
Так звонкой стрекозы зеленое жилище
Под каплею росы переполняет гуд.
Затерян в синеве, в сиянии вселенной
Мой маленький шалаш, заброшенный в прибой.
Подобна эта ночь и первой, и нетленной
Любви, родной, как сон туманно-голубой.
Бессмысленная дрожь, нелепое горенье,
Но лунная печаль бездонна и светла.
Рассыпалась звезда, роняя оперенье,
Течет собачий лай с околицы села.
И вдруг! В семейство звезд, в их близкое соседство,
Из темной тишины ущелия и сна
Делившая со мной мое босое детство
Роксана ранних лет
была вознесена.
И запах молока и черствого чурека,
Разлуки горький дым несет ко мне земля...
Стоит передо мной дитя иного века,
Как пленница мечты у трапа корабля.
Как будто в этот мир с вершины белой башни
По камню облаков
ко мне сошла она.
И в глубине зениц мерцает день вчерашний,
И медленной слезы бездонна глубина.
Давно угас очаг
в ее пустынном доме...
Ладоней теплота перетопила лед.
Так в лепестках цветка и в золотой соломе
Живого солнца луч сверкает и поет.
Но жалкий, мудрый взгляд
Намного старше тела.
И зеркало души
бестрепетно, как медь.
Давно порог весны оно перелетело,
Но вот худым ногам за взором не поспеть.
Чугунный гром войны
сломил, обрушил своды

Небесно-голубой
 свободы детских лет.
 На худеньких плечах
 непрожитые годы
 Нависли, как большой, изношенный бешмет.
 Послевоенный сон...
 Сосулек сталактиты.
 Блистают острия их ледяных штыков.
 И видит сон во сне разбитое корыто,
 Как падает мука
 рассыпчатых снегов.
 Схватившись за бока, приплясывает сито,
 Забывшее муку, лишённое забот.
 Стоит в ночном окне и косится сердито
 Лихой голодный год, послевоенный год.
 Стучится чей-то прут отчаянно в калитку,
 И ставни дребезжат и стонут, грохоча...
 О Истины весы!
 Как вынести вам пытку?
 Как и у нас, людей, у вас лишь два плеча.
 Шатаются весы. Стальные гнутся чаши...
 А прошлое свежо.
 Печально склонена
 над черным прахом битв,
 Безмолвной встала стражей,
 Как плачущая дочь, цветущая весна.
 Отважный кум!
 Ценой
 каких манипуляций
 окопов и смертей ты избежал едва?
 И занялся теперь отсчетом облигаций,
 Ретиво засучив по локоть рукава...
 Но почву режет плуг.
 Весны поющий голос
 В полях звучит и днем, и ночью голубой.
 Вот птица пронесла пшеничный новый колос,
 И хлебный дух воскрес над дымовой трубой.
 И замерло село. Небес притихла просинь,
 Как будто синева несет благуя весть.
 С поставками зерна разделается осень
 И к нашему столу осмелится присесть.
 Пусть закипят рога сияньем благородным!
 Как упряжь скакуну и гнет ярма волю,

Приличествует здесь, на пиршестве народном,
Нести убранства груз народному столу.
В тот урожайный год
своей дождется смены
смиренной нищеты единственный наряд.
Что ж, тени детских лет бессонно и бессменно,
Как отблески зарниц, со мною говорят?
Бессонница вовек не сменится дремотой...
Седая мать бойца
все те же видит сны —
как будто наяву — в десятый раз и в сотый:
На свадьбе пляшет сын, вернувшийся с войны.
И не помочь ничем
той девочке, Роксане...
Ей снятся чудеса без видимых причин.
Но тщетны все слова, напрасны все старанья.
Ты слишком запоздал, волшебник-витамин!
И две больших войны
бушуют в малом теле.
Одну из них ведет огромная страна.
Другая есть болезнь...
Так что же, неужели
Победа лишь одна? Победа лишь одна!
Увы, не победить всемогущей природы,
Но без таких побед
не ставлю я ни в грош
Всех лучезарных грез спасительной методы,
Рецептов и брошюр торжественную ложь.
Забывтая война таится воровато,
И в клетках наших тел ей все предрешено...
И наших мыслей цепь разорвана когда-то,
Куда-то от нее отпрыгнуло звено.
Искажена бедой скудель телосложенья,
Растущая душа невинно казнена.
Но станет скрытых сил и на два поколенья,
И пламени страстей не утаит стена.
Не примирить души с несправедной утратой,
И завершенных черт возжаждал черновик.
...Ты спряталась, Луна, за облачной оградой!
Обидой грозовой исполнен бледный лик.
Ты встала на пути,
поникшая Роксана,
Тебя долит печаль, как мать хранит дитя.

Но памяти моей запекшаяся рана
 отвергла навсегда бальзамы забвения.
 И все мое добро
 подобно мысли краткой:
 Всю жизнь мою — тебе
 в десятый, в сотый раз.
 И я гляжу, гляжу в твои глаза украдкой,
 И плаваются лучи моих кричащих глаз...
 Нет участи честней, и нет достойней доли,
 И мужества прямей, и верности святей,
 Чем этот честный хлеб ежевечерне с поля
 Нести для торжества и радости детей.
 Оберегая сны,
 стояла мать над нами,
 Дыханье сторожа, поддерживая кров,
 Чтоб десять человек не сделались рабами,
 Не гнули десяти младенческих голов.
 И вырос я большой,
 свою правдой гордый,
 Равно силен и слаб своей неправотой.
 К премудрости наук иду дорогой твердой,
 Но учит прямоте и камень под пятой.
 Я друга не предаю и брата не отрину,
 В далеком далеке, как старый долг, верну
 Глоток живой воды и хлеба половину,
 Едва на час, на миг Роксану вспомяну...
 И что могу еще! Немого приговора
 Безжалостной судьбы уж не изменит суд.
 Ужели я уйду и станет прахом скоро
 Твоей живой души надломленный сосуд?
 Я жертвы приносил, но жертвоприношений
 Роксана не ждала, и жертвенности дух
 Преображал ее, и жизни был нетленной,
 И зажигал собой и зрение, и слух.
 Свечение души, придавленное телом,
 Затеplилось во тьме и вырвалось крича.
 Так в сакле бедняка под сводом закоптелым
 Одолевает ночь последняя свеча.
 Когда в твоих чертах
 пленительность сольется
 Возлюбленной моей и матери моей,
 Из сердца твоего, из глубины колодца,

Как эха перелив, зальется соловей.
 Услышав эту песнь,
 я вздрогну, ослепленный.
 Так выбежав на чернь, на бархатную ткань,
 Зажжется глубина жемчужины сверленной,
 Забрежит не одна непознанная грань.
 Звучит морских пучин пронзительное пенье,
 И молнией грозы озарены миры.
 Теперь ударит в грудь. Прольет долготерпенье
 Свой исступленный свет, дремавший до поры...
 Роксана!
 Ты опять у моего порога.
 И чуден твой приход, как тихий ропот вод,
 Безмолвие небес и лунная дорога,
 Застывших облаков задумчивый поход.
 Не уместить души в телесной оболочке,
 И словом стать вполне предмету не дано.
 Летят под колесо
 обочины и кочки,
 И длинный-длинный сказ прядет веретено.
 Торжественно встает сидящий на нихасе¹,
 Провозглашая тост за траур вечеров.
 Субботний темный день аскетом в черной рясе
 Уходит из села, прекрасен и суров.
 А рядом, на пиру, — блаженное веселье,
 Счастливый женский смех, и красное вино,
 И вера в лучший день, и праздника похмелье,
 И утра первый луч, ворвавшийся в окно.
 Под свадебной фатой
 от счастья плачет дева,
 И падает фата, как снег весенний с гор,
 Текут ручьи речей — благословенье чрева...
 Так малое дитя выносит приговор².
 А мы спешим,
 Спешим, меняем дни за днями,
 На крыльях легких снов за будущим летим.
 Об этом не сказать убогими словами,
 И не дано смолчать безмолвием твоим.
 Не выразить всего ни вымыслом, ни словом...

¹ Нихас — место мужских собраний в ауле.

² Имеется в виду ритуал снятия фаты в доме жениха; это обычно делает мальчик, произносящий традиционное пожелание.

Мой праведный отец!
 Вот так, наверно, ты
 Под грубым и прямым надгробием дубовым
 Не можешь отыскать могильной пустоты.
 Когда устал я ждать урока иль исхода,
 Свобода, ты меня за чем-то повела,
 И на плечах моих — одежда пешехода,
 Дорожного плаща летучие крыла.
 И я ушел.
 Несу, как страннический посох,
 Как хлеб, на черный день оставленный в суме,
 И сожалений гнет, и песни отголосок,
 И память о тебе, оставшейся во тьме.
 Исчезнет высоты
 незримая опора.
 И вздрогнет, как звезда, уставшая душа.
 По темноте небес зарница метеора
 Прочертит свой зигзаг и скроется спеша.
 Есть угол на земле... И сердцу там не тесно.
 И молодой зари малиновый лоскут
 Оттуда, с края туч, сквозь сумрак неизвестный
 Усталые волны медлительно влекут.
 Там башня тишины
 под плесенью замшелой
 Скрывает шрамов сеть и клинопись времен...
 Стою совсем один на пашне опустелой.
 Один.
 Самим собой на части разделен.
 Как плачущий дервиш, который сном забылся
 И вожделенный рай так сладостно проспал...
 Во мне родился Ты?
 В тебе ли Я пробился?
 Но раздвоён души расколотый кристалл.

IV

О сердце,
 ты одно в глуши исповедальни,
 Два бешеных быка сцепились над тобой —
 Упорный молот бьет,
 и стонет наковальня,

И раненая сталь взвивается дугой,
И, в ледяной воде крестившись, отскочила,
И ринулась в огонь, как прежде запылав.
Но тайны дорогой старинного закала
Не выдает кузнец,
И слишком ломок сплав.
Осенний первый снег
Укрыл холмы и доли.
Снег на висках моих...
В уединенье злом
Умею я взгрустнуть под грохот радиолы,
Как будто увлечен никчемным ремеслом.
Многоголосый гам ревущего эфира,
Клокочущих речей взрывающийся тол...
Усталый человек — посередине мира —
Засох и поседел, глотает валидол.
Когда надменных мышц стремительная воля,
Ликующая сталь, несущаяся вскачь,
Расколет пустоту рокочущего поля,
Настигнет, повернет и в цель направит мяч,
Так вскрикнет целый мир, как будто бы событие
Он ждал не век, не два...
О, времени провал!
И я сходил с ума от радости наитья
и трепетом игры
рассудок убивал.
Пусть в емкости души заплещется хоть что-то...
Приметив, что ее опустошен кувшин,
Вотрется падший дух в зловещие пустоты,
Заселит их соблазн и облюбует джинн.
Как юность ни шумит, бурля и колобродя,
Косуля вновь придет на старый водопой.
И вождельня жар,
и жир чревоугодья
Заставят побежать протоптанной тропой.
...Немые времена растаяли незримо,
Но лишь двадцатый век,
пружина стремена,
Пегаса подстегнул гремящей розгой взрыва
И к звездам зашвырнул значки и письма.
Был славы звездный час
моей Земле подарен.

Но жизнями
 ее платили сыновья
 За сладкий миг побед, за славу.
 О Гагарин!
 Жестоко обожгла тебя любовь твоя.
 Лишь незакатный луч светящейся улыбки
 В кругу астральных тел остался навсегда.
 И странника в ночи
 огонь прощально-зыбкий
 Остывшего костра
 согреет в царстве льда...
 И я вблизи от звезд
 подобие притина
 Избрал на чердаке, в постылой проходной.
 Играет мой сосед, и брюхо тамбурина
 Вдыхает и гремит за тоненькой стеной.
 Ложатся на стекло
 ладоней отпечатки.
 Без усталости с утра стирают пыль с окна
 Две нежные руки, две женские перчатки,
 И выдавит стекло, наверное, одна.
 Да ведь одна из них — мечты моей подруга,
 Другая —
 черный бред, нелепица, мираж...
 Доколе эта дрожь ничтожного испуга
 Посмеет нарушать укромный отдых наш?
 И вечен будет страх, покуда слово Долга
 Не сломит гнусный грех, давно забывший стыд,
 Не одолеет зло хулы и кривотолка
 И силою добра беды не победит.
 Холопства подлый дух, сметенный семикратно
 С лица моей земли, ты удалился в глушь.
 Живучая болезнь! Твои чумные пятна
 Так ядовито жгут глубины наших душ.
 Ты мертвенной рукой
 притронешься к пыланью,
 И пепел зашумит, задышит смрадный тлен.
 Униженная лесьть угодливою дланью
 Снимает робкий пух с начальственных колен.
 А ты, мой весельчак,
 пируешь беззаботно,
 Как пахарь,
 урожай сложивший в закрома.

И там тебе, двойник, привольно и вольготно,
Где мука для меня, темница и тюрьма...
Играет светотень. И лунная долина
То в тучах, то в огне. Луна полутемна.
И сам я как луна... И сердца половина
Для вас всегда светла. Другая не видна.

V

Как редкостный заклад, забытый в ссудной кассе,
Великая мечта давно во мне жила,
Все знала обо мне и об урочном часе
И срока своего уверенно ждала.
Мне чудился полет
отважного орлана.
Но ветер обломал упругие крыла.
Но ярмарка чудес, но ширма балагана
Меня в свои шатры манила и влекла.
В болоте суеты засасывала тина,
А на семи морях стерег меня шайтан,
И ледяной горы огромная хребтина
Загромождала путь в открытый океан.
Блуждают мелочей проломленные челны,
Блаженства утлый плот расколот пополам.
Тщета привычных дел, однообразья волны
Несут меня к чужим, враждебным берегам.
О сонм
высоких душ, бессмертных и отважных,
О вечности гонцы, вы где-то за кормой.
Как будто паруса корабликов бумажных
Сияют голубой печальной белизной.
Неужто и во мне прекрасная частица
Утраченной мечты навек погребена,
Ужели и слеза — прохладная водица,
И чистая любовь желанию равна?
Кто бы сказал тогда о человеке жалком:
«Он выше муравья. Разумный муравей!»
...Но, плача, шла толпа за мрачным катафалком,
И лег на бронзу плеч железный гнет скорбей.
Когда же тень легла
на пыльные камни,

На черные столбы кладбищенских оград?
 Вчера, в прошедший час, в истекшее мгновенье?
 Иль начался закат столетие назад?
 Вдали от милых гор, сородичей и братьев
 Негаданную весть мне принесла молва...
 И снилась мне моя Роксана в новом платье.
 Безмолвна и светла, прекрасна и мертва.
 Так вот она, моя последняя разлука!
 Затрепетала грудь, порывисто дыша.
 Подобно тетиве приспущенного лука,
 Затихла, замерла, расслабилась душа.
 Но ты
 не дорожил обычаем участия
 К несчастью, к беде. Ты не умерил спесь,
 Ты отыскать сумел и в бездне горя счастье
 И сделал из него лекарственную смесь.
 «Плачь!» — слышу голос твой, прогрохотавший рядом,
 «Плачь!» — эхо говорит, колебля зеркала.
 «Жила в тебе печаль нерасточенным кладом,
 Великая тоска в твоей груди спала.
 Страдание твое — багряной славы роза.
 Горят ее лучи.
 Бери же в дальний путь
 Восторженных минут сочувственные слезы,
 В них — века твоего единственная суть...»
 И снова голос твой гудит, как отзвук донный:
 «Довольствуйся добром, не брезгуй добротой!»
 То Истина сама под маскою Сирдона³
 С улыбкою его склонилась надо мной.
 Я доброте твоей
 давно изведаль цену.
 Ты щедр лишь оттого, что ты всего лишен.
 Я обнажу твою бесстыдную измену
 И скрытый твой кинжал достану из ножен.
 Отчетливый рубеж оберегая грудью,
 Меж нами проведу незримую черту.
 Что ж, как понурый раб,
 к Твердыне правосудья
 С повинной головой, отчаявшись, иду?
 Вот предо мной пролет бездонного провала...
 Пустынного ничто безмерная тоска...

³ Сирдон — персонаж осетинского эпоса, воплощение лживости.

Над чем смеешься ты?
Иль Время миновало,
И мне пора упасть, и смерть моя близка?
«Ты Истину искал? Но вся ее загвоздка
Всегда в тебе самом упрятана,
И я —
тот мост, что воспарил над высотой громоздкой,
Из области мечты — к пространствам бытия.
Когда идет игра сияния и тени,
На белом полотне рисующих Любовь,
То Истина дана в их непрерывной смене,
В их ссоре, в их борьбе, кипящей вновь и вновь.
Когда трещит костер,
над площадью алея,
И плавится, хрипя, крутая головня,
То держат свой ответ
Два
вечных Галилея,
И в имени одном едины Ты и Я.
Один из них умрет, коленопреклоненный,
Чтобы сумел другой бежать от палачей.
А я хранил тебя,
как панцирь меднобронный
Хранит сердца бойцов от копий и мечей...
Спускаюсь в тишине
с вершины правосудья.
И вновь прекрасен мир, как в первый день Земли,
И снова мир един, и неделимы люди,
И Солнца красный круг все ширится вдали.
Так что такое я? Что подлинно, что лживо?
Но поздно, может быть...
И поезд мой в пути.
Меня везет к тебе,
бежит неторопливо
Вдоль станции одной, где надо бы сойти.

Петр ЙИЛЕМНИЦКИЙ

КОМПАС В НАС

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА

ПЕРЕВОД СО СЛОВАЦКОГО В. ПУКИША
ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕДАКЦИЯ И. ХУГАЕВА

* * *

На другой день, тоже под вечер, мы снова сидели на крыше дома и, словно был какой-нибудь праздник, ели осетинский хабизджын¹ и пили по очереди вино из большого воловьего рога, украшенного серебром, которым пользовались только на свадебных торжествах.

— Давайте вернемся к тому, о чем мы говорили вчера, — неожиданно начал Чермен и повернулся ко мне. — Вернемся к твоему вопросу. Мне кажется, что история, рассказанная дедом, очень поучительна. Богатство и жажда наживы подобны проказе, они часто делают человека несчастным, бесчестным, злым. Они порабащают человеческую душу и извращают смысл жизни. Ну, мы уж сделали свое. А теперь учимся... смотреть на мир иначе. Те, кто придет после нас, будут лучше, чем мы.

— Они будут счастливее, — ответил я. — Счастливее настолько, насколько станут богаче в духовном плане, и этому ничто не будет мешать. Узнают, что такое искренняя дружба, любовь... даже не поверят, что было когда-то время, когда разум подчинялся мамоне и ненасытной алчности. Время тьмы, умственной ограниченности и несчастья... Говорю вам: они даже не поверят... Но до той поры еще очень далеко.

Мы все умолкли на какое-то время.

Наверное, потому, что каждый из нас пытался представить себе ту счастливую эпоху, когда люди перестанут заботиться только о личном благе и оскорблять и унижать друг друга, освободятся от нынешних страстей, откажутся от бессмысленной суеты и научатся жить истинной жизнью.

Дед Тото заерзал, как будто рассердился на что-то, после чего встал и вышел, не говоря ни слова. Обидел ли я его чем-нибудь?

Окончание. Начало см.: Дарьял. 2025. № 2.

¹ Пирог с сыром.

Он был суровым человеком, молчаливым, как камень, — я не знал, чего от него ожидать. В следующее мгновение мы увидели, как он ходит туда-сюда по двору, как треплет за холку пса, положившего передние лапы ему на колено. Затем он поднялся на родовую башню, давно уже бесполезную, и смотрел оттуда на горы.

— Мы были бедны, потому что с нас богатели другие, — отозвался отец Чермена. — Держали нас во тьме, чтобы мы оставались слабыми. Да и жили мы не как люди... и в своей глупости сами призывали к себе многие несчастья...

Он, видимо, собирался о чем-то рассказать, но меня не покидала мысль, что я чем-то обидел старика, и я попросил их объяснить мне, чем я мог причинить ему боль. Они уверили меня, что я напрасно беспокоюсь, и Казбек приступил к своей истории.

О Любви, которая была тяжким бременем во времена, когда пели любовную песнь Сагесы

Наш дед смотрит уже только назад, в прошлое. Что ж, годы есть годы, по-другому у нас тут и не бывает. А ему ведь уже около ста. О чем он думает? Вы и сами слышали: Дзедзелов уже давно лежит в земле, уже и кости его истлели, и весь его род вымер, — а он все не может его забыть. Наше время он признает хорошим только потому, что сейчас Дзедзелова отдали бы под суд.

А все остальное, говорит, плохо. Мы, по его мнению, уже не горцы, не заботимся о чести рода; мы не могли бы уйти в горы, в абреки, чтобы мстить. Жизнь у нас такая... никчемная, скучная. Недавно так мне говорил: «Вы совсем другие. Нет в вас ни моей крови, ни моей веры. Даже Богу не молитесь. Старую веру забыли, а новой не научились. А мы — вот: крестить себя позволили, но держались за свое. Кто из вас может спеть древние песни предков, например, о покровителе охотников Афсати² или о злом Аларды³, насылающем оспу на людей? Сказители — кадагганаги — вымирают. Зачем они вам нужны? Сегодня каждый поет лишь революционные песни Исака Харебова⁴, Антона Дриаева⁵ и бог знает каких там еще новых героев... а то вот еще: я услышал, как поют русские

² Афсати (*миф.*) — дух-покровитель охоты и «хозяин» диких (нехищных) зверей.

³ Аларды (*миф.*) — божество оспы, кори и глазных болезней.

⁴ Харебов Исаак Семенович (1887–1918) — герой Гражданской войны, революционер-большевик.

⁵ Дриаев Антон Бадилаевич (1869–1905) — герой первой русской революции, командир сотни Лехурского ущелья Южной Осетии.

частушки. Нет, ты слышишь? Русские частушки! И распевали их дети! Да, вы уже забыли о древней славе абреков! Кто вспомнит сегодня песни Тате Джиоева⁶? Кто сможет спеть хотя бы начало любовной песни Сагесы⁷?»

Я молчал. Что с ним, с дедом? Какая его муха укусила? Он уже не в состоянии понять, что тут у нас происходит. Унесет свой старый золотой век с собой в могилу. Ведь уже и я много чем новым не воспользуюсь, но знаю, что начинается новая жизнь. Новая и справедливая. Был я как-то ранней весной в горах — живет у меня там хороший друг. Когда добрался я до него через горные потоки и глубокие снега, он сказал мне: «Ты явился в такое время — у меня как раз будет рожать невестка. Если не удастся уделить тебе должного внимания, не обессудь». Я помнил, как там было раньше, и видел, как стало теперь: через снега и разбушевавшиеся ручьи к ним верхом прискакала акушерка! Только спешила — сразу же надела белый халат, подготовила роженицу и все, что нужно, к родам, — а когда ребенок уже закричал, когда искупала и уложила его, сказала: «Теперь делайте так, как я вам велела. Я должна ехать дальше в горы: невестка Кокиевых тоже не сегодня-завтра будет рожать. Потом вернусь к вам». Оставила самое необходимое для ребенка и матери, села на коня и умчалась.

Я вспомнил об этом, когда отец выговаривал мне, с тоской вспоминая старые времена и увещевая вернуться к прежним представлениям о чести и достоинстве. Это правда: были у нас сказители, исполняли они и любовную песнь Сагесы. Но песня — это еще не все. Сагеса была красива, но осталась несчастной. Когда гляжу я на тебя, мой сын, гляжу на тебя, Чермен, всегда вспоминаю твою мать. Радовалась бы за тебя — а вот лежит в земле. Если бы наша жизнь не была такой тяжелой, то и теперь она была бы с нами. Дед и сейчас еще иногда поднимается на родовую башню, оглядывает горы и размышляет о старых временах. Но ведь в те старые времена и любовь для женщины была тяжким бременем.

Я встретил твою мать на одной свадьбе в Пронском ущелье. Стояла посреди девушек что твой цветок. Когда стали танцевать лезгинку, как голубка влетела она в круг. Ух, как тогда играл фандыр! Хорошо помню — на мне была старая черкеска, ничего но-

⁶ Джиоев Тате (вт. пол. XIX в.) — легендарный главарь абреческой группы.

⁷ Эта «Сагеса» также представляла собой известную проблему, поскольку фольклор осетин не знает никакой «любовной песни Сагесы». Предположительно, осетинское «сагъæс» (горькая дума, печаль) было воспринято или интерпретировано П. Йилемницким как женское имя собственное.

вого из одежды не было, но тем не менее я бросился ей вслед, вихрем закружился вокруг нее, кровь во мне закипела, и я и сам не заметил, как обнаженный кинжал оказался в моих зубах.

«Арц-тох, Казбек! Арц-тох, Казбек!» — кричали знакомые. Но я их не слышал. Я хотел только, чтобы мелодия лезгинки никогда не умолкала, — пусть лучше разорвется фандыр, чем остановится музыкант.

Потом я стал заезжать в Пронское ущелье. Иногда мне удавалось встретиться с Ниной. И я постарался сделать так, чтобы об этом узнали ее родители. Когда же мне передали, что старый Габараев готов принять меня в своем доме, я почувствовал себя не очень уверенно: были мы не из самых бедных, но излишков не нажили, и мне пришлось предстать перед ними в той же потрепанной черкеске и в старом седле. Лишь кинжал был у меня красивый, с рукоятью и ножнами, отделанными серебром.

Впрочем, старый Габараев, отец Нины, был не богаче, чем мы. Они жили в плохоньком старом доме в два этажа, как и у нас: внизу, рядом с хлевом, жили женщины, наверху — мужчины. Все было там унылым, сад был запущен, но меня это не интересовало: ведь я пришел к ним не за домом и садом, а за Ниной! Мне было даже приятно, что они не будут слишком пристально осматривать мою изношенную черкеску и мы скорее сможем договориться. Но я ошибался. Не знал я старого Габараева; не так просто с ним было вести беседу. Он, как и мой отец, превыше всего ставил древнюю честь горцев и во всем придерживался старых обычаев. Когда я поднялся к нему, у него в руке был рог, наполненный аракой, и был он уже в подпитии⁸. Он приветствовал меня весьма напыщенно и церемонно, в соответствии с нашим этикетом. Мне было не по себе. Но стало еще хуже, когда он по обычаю предков принял меня расспрашивать:

- Есть ли у вас родовая башня?
- Есть. Поставил ее мой прадед, — отвечал я ему.
- Есть навозная куча при доме?
- Есть.
- Есть мельница?
- Есть.

Старик выпил. Он был спокоен и, видимо, удовлетворен моими ответами. Наполнил рог и подал мне. Я только пригубил: арака не шла мне в глотку. Меня возмутило, что он расспрашивает о вещах,

⁸ Совершенно нетипично для осетин той эпохи. Тем более для человека, который придерживается «старых обычаев» и «превыше всего» ставит «древнюю честь».

которых нет у него самого, и я подумал: «Или арака сказала на его рассудке? Неужели, не будь у нас башни, навозной кучи и мельницы, он не отдал бы за меня Нину?» Нет, я, конечно, знал о важности навозной кучи в быту горца. Ведь если ты хочешь иметь кусок пахотной земли, то должен сначала собрать с нее камни, затем огородить, затем удобрить и защищать. И без мельницы жить у нас нелегко: человек становился зависим от других, был стеснен в ведении хозяйства. Но тогда я думал лишь о Нине, а старого Габараева лучше бы не видел и не слышал.

Когда мы договорились, он повеселел. Он похвалил мой кинжал, спросил, какой у меня конь, умею ли я джигитовать, метко ли стреляю и далеко ли от нашего дома родник.

— У нас во дворе колодец, — сказала я ему, — а к роднику далеко спускаться. Есть у нас пять коров...

— О, об этом не переживай, — он понял мои опасения. — Когда женишься, жена обязана будет приносить тебе воду хоть из ада, это уж ее забота. А Нина девушка ловкая, у нее легкие ноги. Не бойся, не оставит твой скот без воды.

Потом, может быть, чтоб не перехвалить ее, он сказал:

— Нина умеет все, лишь одно не умеет делать хорошо: гнать араку.

— Это не беда, — засмеялся я. — Зачем мне арака?

Старик вздрогнул и насутился:

— Что такое?! Ты не мужчина? Ты не осетин?

Наконец старик позвал Нину, и тогда мне стало легче.

Вскоре мы сыграли свадьбу. То было веселье согласно нашим традициям: мы забили баранов, нажарили шашлыков, накурили араки и наварили пива⁹. Все прошло как было заведено предками. Когда уже оседлали коней и пора было выбираться к нам домой, шафер позвал нас в дом, к очагу, над которым висел на надочажной цепи котел.

— Попрощайся со своим очагом! — сказал он невесте.

Еле сдерживая рыдания, невеста попрощалась с Бынатыхицау¹⁰, умоляя его простить ее и не гневаться за то, что она покидает отцовский дом. Нина плакала так искренне, что, когда мы выходили из дома, ее пришлось поддерживать под руки. Тогда же шафер полоснул кинжалом по надочажной цепи, и Нина уже разрыдалась в голос, потому что хорошо знала, что значит этот

⁹ В оригинале — «гречишного пива», что неверно.

¹⁰ Бынатыхицау (букв. «хозяин места») — персонаж осетинской мифологии, покровитель жилища, аналог русского домового. В оригинале — «Буна-тихидсау» (Bunaticheidsau).

удар кинжала: все кончено, разорвана ее связь с отцовским домом, с родным очагом и цепью Сафа¹¹.

Когда мы приехали к нам, шафер снова подвел ее к очагу, чтоб она вручила себя покровителю рода Беджызаты. Они трижды обошли вокруг очага, затем Нина прикоснулась к цепи, приблизившись к ней так, как будто бы хотела обвить ее вокруг своего горла, — и с той минуты была уже спокойна. Теперь она на самом деле стала членом нашей семьи.

Жили мы душа в душу и были здоровы. Я делал по дому все, что было нужно, а часто, когда она уставала, помогал ей и с женской работой. Отец иногда насмехался надо мной, говоря:

— Ты, Казбек, совсем сдурел. Брось свой кинжал и надень передник, думаю, так будет правильной. Где это видано, чтоб мужчина ходил за водой? Я твою мать тоже любил, но ее работу не делал.

Но я не обращал внимания на такие речи, и жили мы хорошо.

Когда прошло четыре года или около того, позвал меня как-то отец в сад и сказал мне:

— Вы уже достаточно порадовались друг другу, Казбек. Теперь пора и о детях подумать. У вас уже должно было быть два-три ребенка. Заметь, у нас всегда так: на смену веселью приходят заботы о детях.

Это произошло как раз тогда, когда жена мне призналась, что беременна, так что я мог смело отвечать отцу:

— Не пройдет и года, как тебя станут звать «дада»¹².

Но когда подошел срок, и ты, Чермен, должен был родиться, на твою мать напал великий страх.

— Милый мой Казбек, — говорила она, — мне страшно! Я единственная женщина в доме, а до села, знаешь ведь, далеко. Кто мне поможет, если мне станет худо? Я так боюсь. Хочу рожать дома, с матерью.

Я очень любил твою мать, Чермен, но ума у меня было не больше, чем у других. Я нигде никогда не бывал, жили мы по старым законам и соблюдали древние обычаи. Я сказал самому себе: «Жена права, что буду с ней делать, когда начнет рожать?» И я решил отвезти ее и отдать на попечение матери.

Мы едва успели. Я был в отчаянии.

— Что мне делать? — бегал я из угла в угол, хватаясь за голову, когда услышал крики боли и стоны. — Что делать? Чем помочь?

Конечно же, я и не подумал о докторе. Он был далеко, да и не бывало у нас такого, чтобы доктора помогли роженицам.

¹¹ Сафа — дух-покровитель надочажной цепи (*рæхыс*), священного предмета в осетинском доме.

¹² Дада — дед, дедушка.

Пока женщины занимались Ниной, мы сидели во дворе, и старый Габараев смеялся:

— Похоже, ты, Казбек, страдаешь больше, чем Нина. Не стыдно тебе? Или ты не знаешь, что должен делать муж, когда жена рождает?

Тут в комнатах раздался вопль, такой страшный, что я не узнал в нем голос Нины. Я вскочил и бросился к дому. Не успел я добежать до порога, как навстречу мне вышла ее мать.

— Что там?! Что с Ниной?! — закричал я.

У нее в глазах стояли слезы. Она сказала:

— Бедняжка, у нее тяжелые роды. Женщины завернули ее в рогожу. Они говорят, что...

Она не успела закончить, как вдруг одна из женщин закричала из дома:

— Казбек, стреляй! Не жалея патронов, Казбек!

Тут я вспомнил смех моего тестя. Вспомнил и то, как часто слышал я в подобные минуты стрельбу, и мне уже ничего не надо было объяснять.

Я встал под окно, вытащил пистолет и начал палить, почти не соображая и не слыша выстрелов. Старый Габараев зашел в дом, вернулся с ружьем, протянул мне его и сказал:

— Стреляй из моего ружья! Это будет громче!

И я стрелял и из пистолета, и из ружья. Это должно было, сын мой, помочь тебе явиться на свет. Да, вот какие мы были темные: стрелять под окном дома — это единственное, чем мы могли облегчить страдания жены при родах.

Вот при таких обстоятельствах ты и родился, тянулся в мир, подрастал, и скоро уже наступил день, когда ты в первый раз сел на коня. Но что случилось с твоей матерью? Ты, Чермен, и сам это знаешь. Болела с тех пор до самой смерти. Добрая, работящая женщина — а работать уже почти не могла. Как ты помнишь, она почти никогда не смеялась. Она заслуживала гораздо больше радостей, чем досталось на ее век.

А когда на нас в двадцатом году напали грузинские меньшевики, когда мы вынуждены были оставить все — свои дома, села, стада и пастбища — и бежать через Кавказский хребет, через снега и ледники на север, осталась твоя мать здесь, на юге. Утонула в Большой Лиавхи вместе с другими — стариками, женщинами и детьми. Не перенесла она тех ужасов, тех страшных испытаний, ты ведь знаешь, что она едва могла ходить. И меня не было рядом с ней — мы отбивались от врага, прикрывая их отступление, и ты был со своим отрядом. Да если бы она и укрылась в горах, все равно нашли бы ее и зарубили. Ведь грузины и деникинские казаки тогда словно взбесились!

Если бы моя жена не болела, могла бы уйти на север, а через полгода вернуться с нами, и сейчас могла бы быть счастлива. А так — дала тебе жизнь, а свою в конце концов потеряла. А все это из-за той нищеты, из-за темноты, в которой мы тогда жили, из-за старых предрассудков и обычаев, которые твой дед до сих пор так хвалит.

Поэтому я и говорю: да, здесь когда-то пели любовную песнь Сагесы, но где было тогда счастье? Где была любовь?

Уходят сказители, и никто уже не поет эту песнь.

Зато твоя жена, Чермен, твоя Гуга выходила за тебя без того, чтоб ее отец расспрашивал тебя о боевой башне, навозной куче и мельнице. А когда рожала тебе сына, при ней был врач, и ты сам рассказывал, что она не боялась. Вы счастливы и можете иметь еще много детей.

Но — чем там занимается ваш малыш Тасолтан? Привези его как-нибудь, хоть порадуюсь на него...

* * *

— Когда мы вчера рассуждали о том, насколько счастливее будут те, кто придет после нас, потому что их любовь и вся эмоциональная жизнь не будут зависеть от материальных интересов или предубеждений других людей, я заметил, что до этого еще очень далеко. Но я не хотел бы, чтобы вы восприняли это как маловерие. Нет. <...>

Мы смотрели на горы. И хотя мои хозяева слушали меня, я не закончил свою мысль, потому что моим вниманием овладел волшебный вид. За вершинами горных хребтов возникло вначале едва видимое свечение, которое усиливалось с каждым мгновением, так что их очертания вырисовывались все точнее на этом фоне, наполненном таинства и красоты. Очертания эти постепенно светлели, превращаясь из черных в серые, серебряные, затем золотые, и наконец растворились и разлились, словно в огромном небесном горне, — горделиво изогнутый рожок месяца вскарабкался в седло горных вершин и через мгновение поскакал по горной гряде.

Мы молча наслаждались этой красотой до тех пор, пока месяц не оторвался от извилистой линии горизонта. <...>¹³

¹³Здесь в романе П. Йилемницкого следует вторая история, рассказанная гостем дома Беджызаты, — «Случай Эвы Бурдовой, которой пытались преградить путь к любви (новелла из жизни причерноморской советской деревни, где живут чешские и словацкие поселенцы)».

Ах, как ладно связывалась у нас одна история с другой! Мы и не предполагали, что так может быть. А меньше всего надеялся на это я, когда, вспомнив поумневшего оппозиционера Молчанова, захотел понять, при каких условиях может человек почувствовать себя свободным и счастливым. Тот вопрос вырвался у меня произвольно и был в некотором смысле праздным. Я ведь уже знал, что человек, объятый одними лишь материальными интересами, богач, эгоист и скупец, лишает и себя самого, и других людей многих составляющих радостной жизни, внутренней свободы и счастья. Но я знал и то, что удалить это основополагающее зло еще не значит тотчас же сделать людей лучше. Это значит лишь отвалить камень, преградивший долгий и трудный путь.

И сегодня, в третий вечер, когда мы снова отдыхали на крыше дома, я как-то подсознательно ощущал, что нам еще нужно что-то довести до конца, чтобы полностью прояснить для себя эту вещь. В моем сознании мелькал тот снимок Чермена в грубо сделанной рамке, его великолепное снаряжение, частью которого был компас. Мысли мои унеслись далеко, словно морские воды отливом, и вернулись с приливной волной: в эту минуту Чермен встал, взглянул на потемневшие вершины гор и задал вопрос, ответ на который заполнил весь вечер и изгнал из моей головы все посторонние соображения.

— Нравится тебе у нас? Хотел бы тут жить?

— У вас красиво, — подтвердил я. Но на второй вопрос я так и не ответил.

Тогда он сказал, будто отвечая на свой же вопрос:

— После войны, когда мы вынуждены были бежать из этих гор, давали нам хорошие земли на Кубани и Тереке. Мы могли там поселиться. Но мы вернулись. Это было нелегко, нам пришлось за это побороться. Как же — на Кубани! Или на Тереке! Разве мы могли променять их на родину? Могли бы там жить, как здесь?

Я был удивлен его неожиданным признанием, высказанным взволнованно, я бы сказал, даже страстно.

Мне мало было известно о том, что им пришлось вытерпеть после войны, когда они были вынуждены покинуть свои родные вершины, и я попросил его рассказать мне об этом.

Он отступил от края крыши, хотел было скрестить ноги под собой и сесть, как вдруг зашипел от боли и выругался:

— Будь неладна эта нога!

После этого он сел не спеша поудобнее, вытянул перед собой правую ногу и повел свой рассказ.

О том, как осетины воевали за свою родину

Давай вернемся к тому первому дню, когда мы встретились в горах. Я был так рад увидеть тебя через столько лет, что соскочил с коня, забыв про свою больную ногу. А ты тогда спросил: «Что с твоей ногой? Почему ты так застал? И почему нахмурился тот старик, который как раз проходил мимо нас, почему с такой злостью посмотрел на тебя?»

Не хотелось мне тогда рассказывать, как и при каких обстоятельствах я сломал ногу, ни обо всех подробностях этого дела. Теперь же, когда я собираюсь поведать тебе свою историю, я вижу, что должен начать издали, с самого начала.

Отец уже говорил, как погибла моя мать: когда мы бежали с родных мест, утонула в Большой Лиахви. А почему она бежала? От кого? Куда? Почему бежал весь наш народ? Об этом я и должен рассказать тебе прежде всего. Вот, слушай.

До конца мировой войны у нас в Южной Осетии все было в руках грузинских князей, помещиков и нескольких наших богатеев. Когда война встряхнула их власть, когда на севере за Кавказом разгорелась революция, здесь тоже засверкали зарницы нового дня. Господа из Грузии доверились меньшевикам, было создано новое правительство. Много говорили о народе, о свободе, о культуре... но были то одни только слова. Свободу не дали. Даже школы у нас отобрали. Ни одно из обещаний не было исполнено.

Солдаты возвращались домой с фронтов. Были мрачны и озлоблены, хотели мстить за все перенесенные страдания, за несправедливость, которая была и раньше и которую новые господа прикрыли новой личиной. Не было ничего проще, чем призвать голодный народ к бунту и мятежу: все жили в нищете, но у многих было еще и оружие. Бунтовали деревни, люди выгоняли помещиков, отбирали у них земли, отказывали им в послушании. Открыто смеялись над распоряжениями властей. Недовольство росло; каждый день то здесь, то там вспыхивали новые мятежи.

В это время возвращался и я из своего полка. По всем селам, которые я проходил, летел слух: «Будут требовать гала¹⁴! Будут требовать сабалахо¹⁵! Налог с земель и пастбищ за весь семнадцатый год! Придется возвращать землю помещикам! Пойдем в суд!» То была правда. Власти издали такое распоряжение. Во дворе цхинвалского комиссариата я увидел группу вооруженных всадников. Это были князья и помещики (я узнал среди них князя

¹⁴ Гала (груз.) — подать, выплачиваемая зерном.

¹⁵ Сабалахо (груз.) — денежная подать, взимавшаяся с крестьян за пасть-
бу скота на казенных землях.

Михо Эристов), были и милиционеры, выезжавшие в села для сбора налогов.

Народ бурлил: «Это та свобода, которую нам обещали? Это плата за то, что вначале мы воодушевленно приветствовали новую власть? Нас обманули! Не нужно нам такое правительство!» Так говорили рабочие. Так говорили солдаты, вернувшиеся домой с оружием. Бушевал целый край. Ждали, когда поднимет голову грузинский пролетариат, — а увидев, что он молчит, наши люди восставали сами.

Из селения в селение ходили возвращавшиеся из России рабочие, солдаты чистили свои ружья. Но бунты возникали стихийно, в отдельных селах и ущельях, и их всегда относительно легко подавляли.

Летом 1918 года мы понесли две большие утраты.

Был ранен Исак Харебов, крестьянин и один из лучших партизанских командиров. Его отнесли в родное селение, где он и умер. Помнишь, как дед сердился: забыла, дескать, наша молодежь старые абреческие песни и поет теперь героическую песню об Исаке? Ну вот, это дед о нем. Исак был славным воином. Он и не мог умереть иначе.

В том же месяце, в июле, постиг нас еще один удар: Хосро Джиоев, самый непреклонный революционер, был злодейски убит, когда возвращался вечером домой. Если представишь себе тропинку в горах, утомленного заботами дня человека, идущего домой, где ждет его беспокойная жена, — невольно придет тебе на ум вопрос: за что его убили? Почему устроили ему засаду в густом лесу? А я тебе скажу почему: потому что от одного только имени Хосро Джиоева у помещиков, купцов и попов по телу мурашки бегали. Хосро участвовал еще в революции 1905 года. За это его арестовали, два года он просидел в тюрьме в Тифлисе и был приговорен к повешению. Потом этот приговор был заменен на пожизненный срок. Десять лет сидел Хосро в саратовской тюрьме, закованный в кандалы, десять долгих лет не знала его измученная жена, вернется ли он когда-нибудь. Вернулся. Вернулся в 17-м году. Не отдыхал ни минуты — в первый же день возглавил восставших, а его враги, которые тешили себя тем, что Хосро давно пришел конец, еще больше затряслись от страха перед ним. В бою его не достали. Сёла его не выдали — за Хосро Джиоева встали бы все как один. Избавились от него иначе: при помощи подлого убийства. Если бы ты сейчас приехал в село Гнелис, увидел бы, что жена Хосро и доньне не снимает траур по мужу, от которого осталась у нее его сабля — как память о его борьбе за нашу свободу.

Я в то время ни на минуту не показывался дома. Знал, что следят за каждым, кто вернулся с фронта и распространяет «заразу»

бунта. Да и работы у нас было выше головы. Росла партия, росли организации революционного крестьянства, объединялась молодежь. Целый край, от Казбека до Куры, вышел из-под власти новых господ. Они потеряли власть. Лишь очень слабая горсть богатеев тайно была заодно с властями, обеспечивавшими их существование и кое-как оберегавшими их от народного гнева. Но были и отдельные районы, где меньшевики и правительство смогли удержать свое влияние.

Весной 1919 года, когда стало ясно, что ситуация обострилась настолько, что удержать порядок, как его себе представляли господа, без насилия не удастся, была к нам выслана первая карательная экспедиция. Войска двигались от села к селу. Были облавы, были аресты, были расстрелы. То тут, то там загорались дома ответственных работников, ходивших по горам и призывавших народ к борьбе. Обоюдное насилие воцарилось по всему краю.

Осенью вспыхнуло вооруженное восстание в Джавском ущелье. Власти выслали к нам вторую карательную экспедицию. Что мы могли сделать? Наше восстание было подавлено по указанию тифлисского правительства, потому что нам не удалось поднять на борьбу весь край. Мы распустили партизан и крестьян по домам. Для нас, ответственных за организацию, не было другого выхода, кроме как отступить перед меньшевиками через Главный Кавказский хребет на север, где при власти были советы, и уже оттуда вести подпольную работу.

То был страшный путь. Нам пришлось в прямом смысле закапываться в снег, ползти на брюхе между скал, опасаясь, что массы снега, часто висевшие у нас над головами, сдвинутся с места и засыпят нас либо ввергнут вниз, в пропасть. От села к селу — осторожно, чтобы нас не заметили белогвардейцы — мы двигались шаг за шагом, налаживая связь с товарищами и с крестьянами, утверждали их в вере, что это лишь начало и небольшая передышка перед главной атакой, что мы вернемся, и тогда уже начнется решающий бой. Но все равно это было отступление, и все несогласные с нами то и дело выпускали свои когти и вели себя необычайно смело.

Повсюду стояли меньшевики и белогвардейцы. Казалось, что мы не сможем сладить с народом, угнетенным, запуганным и наказываемым за каждое слово свободы. Но мы возвращались и ходили из дома в дом, мы вдохновляли села и целые ущелья, мы организовывали все новые и новые партизанские отряды, работали над тем, чтобы подчинить их единому командованию. И нам это хоть с трудом, но удалось. К весне 1920 года, когда меньшевики считали, что они уже надолго покорили нашу Осетию, и оставили там лишь малочисленные гарнизоны, мы снова подняли массовое

вооруженное восстание. Мы воспользовались самым удобным моментом: восстание успело разгореться одновременно и по всем ущельям раньше, чем меньшевики смогли захватить перевалы и переходы через Кавказ, к чему они готовились.

Партизанские отряды наступали от сел, расположенных высоко в горах, вниз на юг, в ущельях объединялись в крупные формирования и вытесняли оттуда немногочисленные неприятельские гарнизоны. Их сопротивление было бессмысленным. Власти поняли, что они спасутся лишь в том случае, если выиграют время. Послали к нам делегатов для ведения переговоров о перемирии. Они уверяли нас, что мы все — грузины и осетины — братья. Мы говорили им: «Мы не воюем против грузинского народа. Мы воюем против грузинской и осетинской реакции».

Наше движение было чрезвычайно мощным. Восстала вся Южная Осетия. И так после тяжелых боев захватили мы в начале мая нашу столицу, Цхинвал, и провозгласили советскую власть. Однако и меньшевики к тому времени опомнились. Собрали все свои силы и на четвертый день ударили. У них было численное преимущество. Было у них много оружия, была и артиллерия, и аэропланы.

«Восстанет ли грузинский пролетариат? Ослабит ли он силы нашего общего врага?» — эти вопросы можно было прочитать в глазах каждого нашего повстанца даже тогда, когда мы начали отступать. Но ответа мы так и не дождались.

То, что произошло потом, невозможно даже описать. Мы оставляли село за селом, ущелье за ущельем. Жители бежали, оставляя все добро в своих домах, а мы охраняли их тылы. За нами шли меньшевики и белогвардейцы — занимали наши земли, угоняли наш скот, грабили наши дома, а где уже нечем было поживиться — поджигали целые села.

Ох, какие это были страшные дни! Переполненные дороги, опасные горные тропы, бушующие весенним половодьем реки. Никогда не забуду тот день, когда мы подошли к плохоньким деревянным мостам через реки Пацу и Большую Лиахви. Мосты не могли выдержать нескончаемый поток людей, бежавших лишь с самым необходимым домашним скарбом и гнавших скот вверх по горным кручам: нужно было идти вброд через разбушевавшиеся потоки. Сколько стариков погибло там! Сколько женщин и детей! Так погибла и моя мать — измученная и больная. Ей и по дому ходить было тяжело, а пришлось идти через горы и реки. Недалеко ушла, ведь была одна: дед затерялся в горах, отец прикрывал отступление, а я со своим отрядом дрался в арьергарде. Куда там было ей одной перейти вброд эту взбесившуюся реку! Так и осталась там навсегда. Никогда больше мы ее не видели.

Говорю тебе: то было ужасно! Никогда осетины не переживали такого несчастья. Весь наш народ поднялся и бежал через Кавказ, не взяв ничего, отчаявшийся и обнищавший, бежал по ущельям, карабкаясь вверх по голым кручам. Когда останавливались на минутку, чтобы оглядеться по сторонам, не слышно было ничего, кроме проклятий, воя и плача. В эти жаркие майские дни мы видели под собой весь наш край, объятый дымом, вечерами залитый огнем бесконечных пожаров. Горели наши села, и эти пожарища освещали наш скорбный путь. Горела вся наша земля...¹⁶

Из других ущелий, от других отступающих частей приходили к нам тревожные, удручающие известия: «Вооруженные отряды не могут отразить натиск белых! Нет хлеба, едим одну дичину! Голодаем! Иссакает боеприпас!» Но помощи не было. Нужно было бежать.

Когда уже наши люди перешли через Кавказский хребет на север, мы пытались организовать оставшиеся вооруженные отряды на последний бой. Но в это время распространились слухи, что кулаки и бандиты на севере нападают на наших беженцев, отбирают у них последнее, что те перенесли с собой через горные вершины, крадут девушек, убивают стариков, угоняют скот. Только этого нам еще не хватало! Наши партизаны стали рассеиваться — мужчины спешили на север помогать своим женам и детям.

Что оставалось нам делать? Что оставалось делать небольшому отряду Мате Санакоева¹⁷, в котором воевал и я? Осталась нас лишь горстка бойцов. Мы отступали к Рокскому перевалу, скрываясь за утесами и под сенью нависающих круч. Под нами в селе Рук уже собрались неприятельские части. Было там до пяти тысяч штыков. Видели ли они нас? Станут ли преследовать? Артиллерия непрерывно обстреливала Рокский перевал, к которому мы приближались. Хотели преградить нам путь, это было ясно.

Мы остановились, прикрытые скальной стеной, у самого гребня седловины. Командир сказал:

— Тембол Парастаев, пойдешь в разведку! Если послали за нами пехоту, примем последний бой! Не медли!

¹⁶ Трагические картины этого перехода описаны в рассказе Арсена Коцоева «Саломе» (1921), в поэме Харитона Плиева «Салимат» (1931) и др. произведениях осетинской классики.

¹⁷ Санакоев Мате Кибилевич (1886–1937) — югоосетинский революционер, активный участник установления советской власти в Южной Осетии, организатор ополченческих отрядов; после установления советской власти занимал ряд ответственных должностей: инструктор райкома партии, командир отряда особого назначения, заместитель прокурора, военный комиссар Южной Осетии.

Тембол лег на живот и пополз между скал, чтобы осмотреться. Местность была коварной: ты мог отбиваться, мог прятаться за валуны и стрелять в неприятеля, но и он мог так же хорошо скрываться, преследуя тебя по пятам. И действительно, через минуту Тембол приполз обратно с вытаращенными глазами и упавшим голосом сообщил:

— Они в ста шагах от нас!

Мате, наш командир, сразу же понял наше отчаянное положение: с двух сторон от нас пропасть, перед нами горная седловина под непрерывным артиллерийским обстрелом, а позади — отряд белогвардейцев.

— Лучше погибнем здесь, но живыми они нас не получат! — отрезал Мате.

Мы нашли место, откуда открывался хороший вид на тропу, и залегли. Гвардейцы шли друг за другом.

— Достанут нас... — усомнился кто-то из наших.

Был в этом сомнении и страх. Но Мате Санакоев лишь выругался, а затем приказал:

— Огонь!

Ошеломленные и разреженные первым залпом, белогвардейцы дрогнули. Тогда Бзе Гассиев крикнул:

— Они бегут! Бей их!

Мы, словно проснувшись, вскочили на ноги и уже стоя стреляли по ним. Белые и в самом деле спасались бегством. Мы не пожалели даже последних патронов. Наши ружья онемели. Теперь мы могли немного передохнуть. Тембола Парастаева ранили в голову. У нас не было воды, чтобы промыть его рану, и мы просто перевязали ему голову и дожидались вечера, мучимые жаждой, голодом и изможденные до смерти.

Пушки некоторое время еще стреляли, но потом умолкли и они. Надвинулась тьма, наступила безоблачная ночь, около десяти вечера показалась луна. Мы двинулись к Рокскому перевалу. Там остановились. Под нами лежала наша Осетия, наша земля, которую мы хотели освободить и откуда все мы вынуждены были бежать. Лежала под нами, униженная бесконечными пожарами сел, и громадные столбы дыма вздымались к небу, словно руки, просящие милости Бога. Такой мы оставляли ее... Такой скорбный образ родины отпечатался в нашем сознании.

— Сколько же дней держалась у нас советская власть? — спросил Бзе Гассиев, когда мы уже миновали перевал и спустились вниз, на север.

— Шестнадцать!

Тогда мы еще раз обернулись и посмотрели назад, и Мате Санаков сказал:

— Мы еще воскресим ее! Будет у нас советская власть!

И, гляди, не прошло и года, как мы ее воскресили. Но было то очень трудное время; почти весь народ — без родины, с пустыми руками, раздетый и голодный, выкошенный холерой и тифом. Пока старики, жены и дети мучились во времянках, мы, молодые, воевали под Боргустаном¹⁸ на Кубани, чтобы хотя бы здесь, на севере, укрепить новую власть. Наши ряды поредели. Вести, доходившие до нас о жизни наших семей, были безрадостны. Но все-таки мы выстояли.

Мы ждали до февраля 1921 года, когда стало известно о восстановлении бедняков в Грузии. Эти новости ободрили нас. Мы поняли, что пришло наше время. В конце февраля мы пошли в новое наступление. То был небывалый поход через Кавказ. Кавказ в феврале — это не шутка. Лавины, ледники, снежные бураны. Но мы перешли Кавказский хребет, да еще и с боеприпасом и в полном вооружении, предварительно разобрав на части пулеметы. Разведка принесла новость: от Казбека вниз по течению реки Лиавхи аж до Цхинвала вообще нет крупных военных гарнизонов. Стояли лишь небольшие заставы и вооруженные мохевцы и хевсуры, поселившиеся на наших землях.

Тогда — вперед! С обеих сторон крутые, истрескавшиеся стены скал, покрытые тяжелым, плотным снегом, тропы тут и там закованы льдом. Взяли по пояс в сугробах, на четвереньках ползли по льду, за собой на санях таща разобранные пулеметы, — таков был наш путь. Когда наконец добрались до первого села, оставшиеся в нем старики, увидев нас, не поверили своим глазам. Это и в самом деле было невероятно: сотни наших товарищей покaleчили, многие ослепли от сияющего снега. Но мы пришли.

Вниз мы уже валились как лавина. Ничто не могло нам помешать. Забирали назад свои родные села, ущелье за ущельем, и в начале марта заняли уже весь свой край.

Что было дальше, думаю, рассказывать не нужно. Ты проехал по нашему краю, увидел много всего. Мы завоевали свободу, работаем, живем из года в год лучше. Там, где были руины и пепели-

¹⁸ Боргустанский хребет недалеко от Кавказских Минеральных Вод. В Боргустанском районе, по свидетельству председателя ревкома Южной Осетии А. М. Джатиева, с 9 по 19 сентября 1920 года потери 2-й Юго-Осетинской бригады составили 1 333 человека, из них около 600 погибших были уроженцы Южной Осетии. Память героев Боргустана увековечена в осетинской культуре: о них сложена народная песня и написаны оратория «Бургустан» (композитор Феликс Алборов) и одноименная поэма Георгия Бестауты.

ще, выросли новые дома. Там, где вражеские войска вытоптали землю, сейчас цветут новые сады, зеленеют колхозные поля и пастбища. Там, где люди умирали без помощи на высоких горных вершинах, сейчас бывают врачи и медицинские экспедиции. Народ снова стал смеяться и веселиться. Начал ощущать радость жизни. Учится жить по-новому. Учится работать так, чтобы радовал его каждый день. Доказав после войны свою любовь к родине, сейчас он смог бы защитить ее еще лучше. Потому что он понял вкус свободы и уже ни на что в целом мире не променяет ее.

Теперь — хочешь верь мне, хочешь не верь — я чувствую себя моложе на двадцать лет. Работаю в редакции и в разных организациях, вокруг меня всегда молодежь — и мне хорошо. Сажу за редакторским столом, читаю новости со всех концов нашей области, и от этих новостей о вдохновенном и радостном труде моих земляков мне хочется танцевать. Перед глазами у меня стоят молодые, серьезные и улыбающиеся лица людей, пишущих эти статьи: часто мне кажется, что я жму все эти руки, которые их написали... Куда бы я ни пришел, я вижу, что мы живем в новом мире, что мы принесли такое время, в котором волосы могут сесть, но сердце остается молодым.

Поэтому не удивляйся, если я признаюсь тебе, что недавно я стал заниматься легкой атлетикой, хожу в походы и пропагандирую альпинизм. Здесь у нас уже есть очень хорошие результаты: в восхождении на Казбек мы заняли второе место после красноармейцев! Это был для нас большой праздник! Такой, что нам захотелось его повторить. И мы предприняли новое восхождение. Вот здесь и будет объяснение, которого ты ждешь начиная со дня твоего прибытия: на ледниках Казбека, у самой его вершины, я сломал ногу. Так мы и не дошли. Вниз меня несли на руках.

Это было обиднее, чем если бы где-нибудь дома мне отрезали обе ноги. Тем более что новость об этом разлетелась по краю быстрее ветра. Почему? А вот почему.

Среди наших стариков до сих пор бытует видоизмененная древнегреческая легенда¹⁹ о Прометее, которого Зевс приковал на вершине нашего Казбека. Говорят, что сейчас у старого воина седые волосы и борода, спускающаяся до самых его пят, а все тело титана покрыто инеем. Его бедра, руки и ноги прикованы цепями к скале. Мало кто из людей видел его, потому что для этого надо преодолеть отвесные скалы и ледники. И тот, кто видел его однажды, никогда не сможет увидеть снова, и никогда еще не вернулся обратно тот, кто попытался взойти на гору во второй раз.

¹⁹ Речь идет об осетинском Даредзановском эпосе и его главном герое Амране Даредзанты.

Несколько стариков, которые говорили с ним, теперь одиноко доживают свой век в горах. Они не имеют права рассказывать то, что видели и слышали. Известно лишь одно — старый воин всегда задает одни и те же вопросы:

— Совершают ли чужеземцы набеги на наш край?

— Строятся ли у нас города и села?

— Ходят ли наши дети в школу?

— Хороший ли урожай дают фруктовые сады?

И, если ответы его огорчают, он склоняет ниже свою седую голову.

Так вот: когда я вернулся домой после первого своего восхождения на Казбек, с дедом сидели двое стариков из нашего села, которые спросили меня:

— Видел его?

Я вначале не понял, о ком это они. Но призывок тайны, который я услышал в их голосе, помог мне. Я вспомнил древнюю легенду, представил себе вершину Казбека как седую главу старца со сходящей с нее бородой ледников и, с особой остротой осознав радостное время, в котором мы живем, рассмеялся и сказал им:

— Да, я видел его. Хоть и не говорил с ним. Но я пойду туда еще раз. И тогда скажу ему: «Мы освободили свою родину, и навек в ней наступил мир. Строятся города и села, люди работают, радуются и живут счастливо. Все дети ходят в школу, учатся, они веселы и здоровы. Мы работаем на нашей общей земле, цветут и ширятся наши сады, и даже дички дают обильный урожай!» Пойду на Казбек еще раз, еще раз встречусь с ним и расскажу ему!

Услышав это, оба старика и мой дед резко поднялись и угрожающе зашипели:

— Даже не думай об этом! Не смеешь нам перечить... Не вернешься оттуда!

Я ответил им:

— Это все сказки! Вот увидите!

А потом случилось это несчастье. Я тогда едва не погиб. Молва об этом пошла по всему краю. И старики открыто говорили:

— Что бы они ни делали, правда наших предков навсегда останется в силе!

Теперь ты понимаешь, почему это меня так расстраивает. И понимаешь, почему на меня так сердито взглянул старик, с которым мы встретились в тот первый день в горах. Но я таки пойду на Казбек. Очень хочется мне взойти на его вершину, чтобы еще раз окинуть взглядом всю нашу любимую Осетию... И слова, что я сказал тогда старикам, я прокричу там на весь мир.

* * *

Я мог бы вполне хорошо объяснить, почему не смогли бы осетины жить на Кубани и на Тереке так же радостно, как живут здесь, даже если бы у них были там такие же условия для свободного развития и большие заработки.

Чермен будто услышал мои мысли:

— У нас была возможность решить: поселиться там, на севере, на равнине, воспользовавшись уже готовой свободой, или освободить свою землю и работать дома. Мы выбрали второе. <...>

— Я как раз вспомнил, — сказал я Чермену, — о наших рабочих, уехавших в Среднюю Азию из Чехословакии. Вы были вынуждены бежать, но не согласились выбрать для себя новую отчизну, предпочтя вернуться назад; они же ехали добровольно, поселились в местах, куда раньше царь ссылал преступников, и не возвращаются. <...>²⁰

* * *

Было уже поздно, когда я закончил. Месяц уже давно выкатился из-за вершин гор и сейчас висел у нас над головами.

Ночь была глубокой, как колодец. И безмолвной. Случайный звук овечьего колокольчика, кошачьего визга или лая собак торчал в ней, словно кол.

Через минуту Чермен заговорил:

— Когда ты вспомнил о рабочих, уехавших из Чехословакии в Среднюю Азию, я спросил тебя, счастливы ли они там. Теперь вижу, каким нетерпеливым я был. Насколько бесполезный вопрос! Если бы я сначала слушал тебя, никогда бы не пришел он мне на язык. Ведь уже из того, что я сам вспоминал из истории нашей борьбы, выясняется ответ.

Однако не было это все так просто. Я сказал ему:

— Я не говорю, что они там несчастны! Нет, они вполне счастливы своими успехами, радуются своим творческим возможностям, наслаждаются трудом, который не обкладывается никакими повинностями... Они познали свободу. Смогли, наконец, развить свои способности, ум, проявить себя, свою силу... Чего еще недостает им для счастья? Дай бог, чтобы все их друзья, оставшиеся на родине, могли жить в таких условиях, чтоб у всех людей на земле была работа, способная радовать и обеспечивать... чтобы всем жилось так, как им. Понимаешь — всем и везде! Тогда, наверное, они вернулись бы домой.

— Чтобы стать еще более счастливыми?

²⁰ Здесь следует «словацкая» новелла «О кооперативе "Интергелпо" и земляках, вынужденных оставить родину, ибо искали счастье в труде».

— Ну да.

— То-то и оно! — живо ответил Чермен, как будто бы сделал важное открытие. — Значит, мало освободиться из-под гнета материальных интересов, денег, жажды богатства, мало сделать свободным источник тех чувств, что делают человека человеком... Нужна еще отчизна. Чувство, что ты таинственно связан с землей, с людьми, со всем окружающим... Вот совершенное счастье...

Пала роса. Стало прохладно. Мы спустились в дом.

* * *

Когда в последующие дни мы вспоминали эти три вечера, было нам хорошо, как друзьям, которые едят из одной тарелки. Интерес к этому вопросу — о человеческом счастье — у нас не пропал. Напротив, чем больше мы его обсуждали, тем больше он занимал наши мысли.

Как-то раз, когда мы лежали на заднем дворе под ясенем, сквозь листву которого струились солнечные лучи, Чермен неожиданно произнес:

— И все-таки этого никогда не будет...

Дед Тото вздрогнул, будто ото сна, оперся на локоть и уставился на внука; в его остром взгляде было такое выражение, будто он ожидал от Чермена какой-нибудь новой несуразности. Дед Тото понятия не имел, о чем думал Чермен.

Я спросил:

— Думаешь, счастья?

— Нет, не так. Счастье есть. Я имел в виду... совершенное счастье. А его нет. И никогда не будет.

Старик побагровел от злости, резко встал и закричал:

— Все мудрствуешь! Все тебе не так. Ни с чем не согласен! И все вы, молодые, такие же... все мало вам. Понятия не имеете, как было когда-то. Были времена — мы грызли одни лишь кукурузные зерна и спали на камнях. И были довольны. Все лишь мелете языком... так-то надо было бы, да эдак надо было бы... Эх-х!

Тото плюнул и ушел.

Отец Чермена сложил руки козырьком над глазами, проследил за стариком и сказал:

— Видишь, снова ты рассердил деда. Знаешь же, что он всегда сердится, если...

— Старики часто сердятся на то, что говорит молодежь, — сказал я. — Потому что молодым никогда не будет довольно того, чем довольствовались старики. Оно всегда так было. Вечное недовольство...

Наступило молчание.

— Вечное недовольство... — повторил Чермен как во сне. Затем опять вернулся к своей мысли: — Но ведь да! И я так говорю. Мой дед, к примеру, ни читать, ни писать не умеет, не мучил голову, грыз себе кукурузу, спал и на камнях, это правда, но он забывает, что когда-то его предкам не было гарантировано даже такое благополучие. Людям никогда не будет хватать того, чего хватало их предкам. Мы живем лучше и хотим жить еще лучше...

Мне показалось, что отец Чермена дремлет и не слышит нас. Но я ошибался. Как раз наоборот — хоть глаза его и были закрыты, он внимательно следил за тем, о чем говорил его сын. Он спросил:

— А почему ты думаешь, что люди никогда не будут полностью счастливы?

— Почему? Ну вот... Каждый человек хочет чего-то, мечтает, ищет... то, что мы ищем, — это какая-то правда жизни. Мы хотим быть счастливы — но что такое счастье? В чем счастье? Может быть, в воплощении своей мечты в жизнь? В преодолении препятствий, оказывающихся на пути нашей правды?.. <...> после нас... жизнь не закончится. Продолжится. И именно прогресс, улучшение жизни, борьба за ее более совершенные формы — вот, собственно, единственное мыслимое человеческое счастье. Всегда только большее. Но всегда лишь частичное. Никогда не полное. Так?

Я подтвердил. Казбек молчал.

Солнце склонилось к закату, и его луч, дрожа, как пила, подрезал ясень, под которым мы лежали. Золотистые пылинки проплыли у нас перед глазами.

* * *

Наступил последний день. Нужно было расставаться.

Мы стояли в комнате. Все, что мы обсуждали, так и осталось нерешенным и казалось почти напрасным, как это часто бывает перед расставанием. Напоследок Чермен вынул из столика фотокарточку.

— Это тебе на память, — сказал он.

То была копия фотографии, висевшей на стене. Я еще раз рассмотрел амуницию, которой был опоясан и обвешан мой друг. И снова привлек мое внимание компас.

«Так ли уж он был ему нужен? — размышлял я. — Ведь чтобы человек освободился, чтобы нашел свой путь к счастью, он должен иметь компас в себе, в голове, в сердце... компас со стрелкой, которая одним концом показывает, что нужно ненавидеть, а другим — за чем нужно следовать».

Батрадз ХАРЕБОВ

МОЯ МОСКВА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Часть 3

Мой научный руководитель Михаил Яковлевич был типичным советским профессором, но как человек был личностью неординарной и заслуживающей внимания. По национальности он был евреем, но не ортодоксальным. По крайней мере, в синагогу он не ходил, Тору не читал, Хануку не отмечал и, скорее всего, даже обрезанным не был. Он жил в русском окружении, и это его вполне устраивало. Русской была его жена, русскими считали себя и его взрослые сын и дочь. Большинство его друзей и коллег к еврейству касательства не имели. Да и его ученики представляли собой советский интернационал.

К моменту нашего знакомства ему было под семьдесят, а уже к концу нашей совместной работы справил свой юбилей и по этому поводу подарил мне свой фотографический портрет с надписью: «Перешел в восьмой класс».

Тогдашняя профессура выработала для себя особые возрастные отсечки. Терпя лишения, во всем себя ограничивая, упорно трудясь, стремились к тридцати годам защитить кандидатскую диссертацию. Теперь, не теряя темпа, следовало максимально удачно трудоустроиться, а для лучшего финансового обеспечения обязательно вести педагогическую деятельность. С тридцати до сорока следовало (для тех, кто еще не успел) создать семью, родить детей и обзавестись своим жильем. Обеспечив себе житейскую стабильность, можно было неспешно приступить к написанию докторской диссертации. Отметившись в научном сообществе и обзаведясь нужными связями, эта процедура обычно проблемы не составляла. После этого карьерный рост зависел уже от амбиций самого ученого (но чаще их жен). При подобном раскладе большинство готово было довольствоваться достигнутым. Но

Продолжение. Начало см.: Дарьял. 2025. № 1–2.

были и те, кто не смог соразмерить свои аппетиты, поверил в свою особую роль и, ступая по головам, ввязываясь в самые неблагоприятные интриги, выгрызал для себя звание академика и должность директора института.

Как и в каждой науке, в экономике были свои подвижники — те, кто вырабатывает идеи, находит новые решения и обозначает пионерские направления. Это ограниченный круг высококвалифицированных специалистов, обладающих особым мышлением и искренне желающих сделать что-то новое, прорывное и полезное, к тому же чаще думающих о том, как бы быстрее выйти из очередного тупика и избавиться от привнесенных поветрий. В мое время это были академики Леонтьев, Абалкин, Аганбегян, Маслаков. Иногда намечались отдельные направления со своими создателями и лидерами. За каждым из них выстраивались адепты из профессорского массива, что уже предопределяло «борьбу школ».

Что касается моего шефа, он был далек от всяких нездоровых научных боданий. Он разрабатывал тот раздел экономики, который касался трудовых ресурсов. Эта тема никогда особо злободневной не была, популярностью не пользовалась, присутствовала постольку поскольку, и вокруг нее не ломались копыя. Михаила Яковлевича такая периферийность нисколько не беспокоила, его вполне устраивало то место на пестром научном поле, которое он сам для себя определил. Его все уважали, в своих кругах он пользовался авторитетом, причем это пришло не столько за счет научных достижений или опубликованных монографий, а вследствие характера. Он был активен, общителен, инициативен, всегда знал, откуда ветер дует и где ему, Михаилу Яковлевичу, следует в первую очередь отметиться. У него было много друзей и доброжелателей, а сам он всегда не раздумывая готов был прийти на помощь даже малознакомым людям. Он никогда и никому не переходил дорогу, был далек от всяких склок и разборок. Но при этом за себя всегда мог постоять, а свою точку зрения — отстаять. На самых высоких научных собраниях (сам тому свидетель) Михаил Яковлевич всегда был в своей тарелке, вокруг него то и дело возникали некие завихрения. Словом, комплексовать по какому-либо поводу у него не было никакого желания, да и незачем было.

Меня с самого начала озадачила та легкость, с которой профессор Сонин согласился стать моим научным руководителем. Говорить о том, что я сразу произвел на него неизгладимое впечатление, было бы наивным. Моих работ он не читал, да и демографом он не был. Мои сотоварищи-аспиранты рассказывали, ка-

ких трудов им стоило пробиться в головной институт Академии наук СССР, как их будущие руководители артачились и набивали себе цену, какие условия и требования выдвигали. Сам я об этом шефа никогда не спрашивал. Но потом пришли некоторые сообщения. На тот момент лекций он больше не читал, у него был один аспирант, которого он держал в виде технической подмоги, а во мне он рассчитывал видеть того, кто займется латанием научных прорех. Надеюсь, что хоть как-то оправдал ожидания.

Между нами с первых дней сложились доверительные рабочие отношения, которые к концу срока начали обретать личностный характер, отодвигая на второй план научную составляющую. Люди мы, конечно, были разные, и здесь возрастной разрыв не был определяющим. Мы получили разное воспитание, наше окружение разнилось по всем направлениям, и вообще мы вращались на разных ментальных орбитах. Но это нисколько не сказывалось на наших отношениях и работе. Поначалу шеф разглядывал меня как некий экзотический экземпляр. Часто просил высказаться по тому или иному вопросу и, услышав ответ, неопределенно хмыкал. Позже стал советоваться по более серьезным и предметным вопросам, а это уже приводило к обмену мнениями, диалогам, спорам. Его советы всегда бывали дельными, а суждения ненавязчивыми. Но я к таким высказываниям относился со всей серьезностью, даже если дело касалось чисто бытовых вещей.

Поскольку вопросами демографии он никогда серьезно не занимался, в мою работу особо не вмешивался. Нашел другой способ, направляя меня с моими «откровениями» к кому-нибудь из корифеев. Те отказать не могли, но с порога давали понять, что я отнимаю у них драгоценное время. Потом проявляли большую заинтересованность и время общения затягивалось. После таких визитов я возвращался с отчетом, а Михаил Яковлевич каждый раз произносил нечто об апломбе и самомнении тех, к кому меня направлял.

Каждый научный руководитель, помимо всего, имеет в отношении своих аспирантов некий практический интерес. Те из них, кто работает в вузах, привлекают аспирантов в качестве дублеров для чтения лекций и проведения семинаров и коллоквиумов. Как уже говорилось, у Михаила Яковлевича было два аспиранта. Один из них был Гена Трапезников. Над чем он конкретно работает и какую тему раскрывает, никто не знал. Подозреваю, что и шеф был по этому поводу мало осведомлен. Гена занимался хозяйственными вопросами. Ему давались поручения по дому, он производил какие-то закупки, оплаты по счетам, контактировал со всякими

электриками, сантехниками и другими нужными спецами. Иногда ему поручались весьма специфические дела, а тот по своему душевному укладу все выполнял буквально, как небезызвестный Швейк рьяно выполнял поручения поручика Лукаша. Доходило до конфузов.

У Михаила Яковлевича был друг, который работал в ООН. В Москве у него оставалась супруга — светская дама в возрасте. Она любила ходить в театры, на концерты, светские мероприятия, но, будучи в летах, считала не очень приличным посещать такие места в одиночку. Пожаловалась Михаилу Яковлевичу — и тот сразу нашел выход. Он поручил Гене сопровождать сановную даму, строго наказав прилично одеваться, вести себя вежливо и исполнять все капризы театрал-меломанки. Тот принял за дело с большим энтузиазмом, буквально восприняв слова шефа. На время мой однокашник выпал из поля зрения. Однажды я застал нашего руководителя в весьма возбужденном состоянии, что с ним случалось крайне редко. И он поведал удивительную историю. Решил посетить лично ту самую супругу друга, чтобы узнать, в чем она нуждается и не нужна ли ей помощь. Каково же было его удивление, когда он обнаружил там не совсем одетого Гену. Живописуя эту сцену, шеф метал громы и молнии. Я стал защищать бедолагу, говорил, что он, добрейшая и безотказная душа, угодил в ситуацию, из которой не нашел выхода. Шеф слушал меня и помаленьку успокаивался, а под конец стал даже ухмыляться, еле сдерживая смехок.

Что касается меня, то мне был прописан другой функционал. К тому времени Михаил Яковлевич наукой уже практически не занимался, активно участвуя в общественной работе и поддерживая новые веяния в плане поддержки здорового образа жизни. Он еще кое-что переиздавал из своего трудоресурсного наследия, и здесь мне поручалось делать вставки, ссылки на новые издания, редактирование всего текста. Кроме того, мне передавались некие тексты, где я по прочтении должен был отметить места, на которые шефу следовало обратить внимание. Ему все чаще заказывались статьи для популярных журналов («Здоровье», «Работница», «Наука и жизнь»), он никому не отказывал и активно привлекал меня к их написанию. Как-то раз такое сотрудничество сыграло мне на руку.

Когда я вернулся в Цхинвал и восстановился в институте, нашлась некая личность, которая стала катать на меня доносы в Академию наук Грузинской ССР. Там в отношении этих клеветнических писулек сильно возбуждались и требовали немедленной

реакции со стороны нашей дирекции. Узнав об этом, Михаил Яковлевич прислал развернутое письмо директору института, где отметил, что у него было много учеников, но меня он может поставить в один ряд с академиком Аганбегяном. Это был явный переклест, но письмо произвело сильное впечатление. К посланию был приложен журнал «Коммунист» с его статьей, где красным фломастером были выделены фрагменты текста, написанные мной. Тогда этот журнал был главным печатным органом ЦК КПСС, а его авторы автоматически причислялись к лику святых. Наш директор, немало впечатлившись, переправил журнал в обком партии. Там тоже текст вызвал большой интерес, и меня пригласили в высокие кабинеты, где предложили перейти к ним работать. Уже во второй раз я вежливо отказался.

Несмотря на высокую мобильность и всегдашнюю активность, мой руководитель серьезно болел, причем уже давно. У него был лейкоз, который тогда (да и сейчас) плохо лечился. О своей болезни он знал все, несколько ей не поддавался, а выработал свою индивидуальную систему сопротивления. Тот самый друг, который находился в ООН, присылал лекарства, которых в Союзе просто не было. У него была своя диета, включающая хлеб с овсом, мясо диких животных, какую-то экзотическую зелень. Кроме того, в течение дня он должен был на время отключиться, и такие отключки он называл релаксацией. Такие перемены могли длиться час, а могли занять минут двадцать — все зависело от того, насколько запрограммирован внутренний будильник. Из таких коротких перерывов «мастер релаксации» возвращался удивительно бодрым и отдохнувшим. Если эта процедура настигала его в институте, то он бежал в квартиру Гены Трапезникова, которая находилась в трех минутах бега, и моментально отключался на диванчике. Но главным в этой борьбе сам шеф считал бег. Он бегал всегда и везде, заменив им ходьбу.

Сказать, что профессор Сонин был фанатом бега — не сказать ничего. Он был президентом клуба любителей бега, собрав под свое крыло большое число таких же помешанных на беге, как и он сам. Они где-то собирались, проводили какие-то мероприятия и на всех площадках пропагандировали свою систему борьбы с любыми недугами и жизненными проблемами. Непрерывный бег требовал соответствующей экипировки. Михаил Яковлевич круглый год ходил в трениках, кедах и только в мороз напяливал лыжную шапочку. В таком виде он являлся в институт, Дом ученых и другие присутственные места. Народ мог с интересом наблюдать, как по улице бежит тщедушный старичок в спортивной форме, а за ним,

пыхтя и потея, несется кавалькада молодых бугаев в шубах, меховых шапках с кейсами в руках (это о его студентах и аспирантах).

Такая жизненная позиция сблизила его со всемирно известным кардиохирургом Николаем Амосовым, они дружили. И когда академик приезжал из Киева в Москву, он обычно останавливался у Михаила Яковлевича. Вечно занятый своими сложнейшими операциями, он задерживался в столице на день-два, успев прочесть лекции о здоровом образе жизни, которые пользовались бешеной популярностью. Шеф познакомил меня со светилом, и я присутствовал почти на всех его выступлениях. Запомнилось, как однажды академика спросили, можно ли пить в меру. «Можно, — отвечал он, — но кто знает эту меру?»

Близость с таким выдающимся медиком и собственная болезнь сделали его весьма осведомленным в области медицины. Однажды я не пошел на назначенную встречу, так как разболелся зуб и щеку раздуло. Я позвонил шефу и рассказал о своем несчастье, ожидая сочувствия с его стороны. Но в ответ получил целую отповедь. Мне сказали, что надо стыдиться, когда молодой интеллигентный человек не может в профилактических целях раз в полгода посетить стоматологический кабинет. Стыдно мне было, но совету не последовал. В другой раз вдруг почувствовал за груди́нные боли и решил, что это сердце. При каждом вдохе в груди что-то перехватывало. Рассказал об этом руководителю. Тот внимательно выслушал и велел сделать рентгеновский снимок, предположив, что у меня сломано ребро. Немало удивившись, я пошел к врачам, те просветили мой организм и сообщили, что у меня трещина в ребре. И тут я вспомнил, что мы недавно дурачились в аспирантской общаге и какой-то кабан врезал мне локтем в бок.

Встречаться с шефом мы могли в институте, Доме ученых, у него дома или в каком-либо заранее обговоренном месте. Контакты в институте обычно бывали малопродуктивными, поскольку происходили в присутственные дни, когда проводятся заседания секторов, отделов. Профессора также бывали заняты общением друг с другом. Поэтому удавалось только накоротке пообщаться с шефом, получить очередное задание и наскоро отчитаться о своих делах. Для более полного общения я приходил к нему домой в большую квартиру на Профсоюзном проспекте, где он жил с супругой. Ее он тоже приобщил к бегу, поэтому даже дома она бывала в тренировочном костюме и очень напоминала учительницу физкультуры. Так и хотелось повесить ей на шею свисток и вложить в руку секундомер. Эта большая добрая женщина

по старинке считала, что студенты и аспиранты все еще являются голодающим племенем и поэтому все время пыталась меня накормить. Это было испытанием, поскольку Сонины питались исключительно дичью. Мясо изюбря, лося, медведя или кабана доставлялось из магазина, который располагался в соседнем доме. Меня убеждали, что это вкусно и исключительно полезно. Я соглашался, но, для того чтобы пережевать этот продукт, требовались стальные зубы.

Болезнь сестры в корне изменила мой распорядок. Ежедневные посещения больницы, заказ еды, приготовление свежевыжатого сока, поиски лекарств отнимали много времени. Да и переключиться на что-то другое в тот момент не представлялось возможным. Михаил Яковлевич прекрасно все понимал — избавил меня от нагрузок и давал дельные советы. Однажды он дал мне упаковку лекарств — наверное, тех, что присылали ему из Нью-Йорка. Когда я показал таблетки лечащему врачу, тот вскинул брови и спросил, откуда такие возможности. А затем с сожалением сказал, что это, конечно, чудодейственное снадобье, но в данном случае оно не подходит (а может, запоздало).

За три года общения и совместной работы мы с шефом, можно сказать, привыкли друг к другу. Наше сотрудничество было комфортным для обоих. Я много узнал, многому научился. Ну а мой руководитель мог хотя бы на мне проверить свои предположения, узнать мое стороннее мнение, как субъекта из другой парадигмы, по ряду обсуждаемых вопросов. Видя мою нерешительность и то, что я временами тушуюсь перед московскими горлопанами и выпендрейниками, он говорил, что перед такой публикой надо держать себя так же нагло и высокомерно. «Не надо, — говорил он, — безосновательно и заранее думать, что кто-то лучше, умнее и достойнее тебя, всегда надо знать себе цену».

По всей вероятности, Михаил Яковлевич имел планы на наше дальнейшее сотрудничество. Он полагал, что я, как и многие, попытаюсь закрепиться в Москве, и был готов поддержать такое решение. Говорил, что без проблем найдет мне достойную, хорошо оплачиваемую и перспективную работу. От меня только требовалось прописаться в столице. Того же плана придерживалась наша московская община. Здесь даже рассматривался вариант с фиктивным браком и подбирались кандидаты для проворачивания столь щепетильного дела. Кое у кого был в этом отношении личный опыт. Причем, что удивительно, планируемый ими расчет на временное супружество превращался в твердый брак. Что касается меня, то Москва в моих дальнейших планах места не имела.

Сюда можно было приезжать, проводить время, но для жизни и работы этот полис мне никак не подходил.

Михаил Яковлевич Сонин, неутомимый бегун и отъявленный оптимист, скончался вскоре после моего отъезда из Москвы. Какое-то время мы перезванивались: его интересовали мои дела, он требовал подробного отчета. На здоровье, как и раньше, не жаловался, обмолвился только однажды, что анализы нехорошие. О его смерти я узнал с большим опозданием, даже телеграмму послать не успел. Можно было, конечно, зайти как-нибудь к ним домой, но я не представлял, как это будет выглядеть и что в таких случаях надо говорить. От шефа как память осталась та самая юбилейная фотография, а еще книги с автографами, высказывания и советы на все случаи жизни.

* * *

Но аспирантские будни не могли ограничиваться только институтом и библиотеками. Был еще и досуг, который в масштабах Москвы мог быть каким угодно, в зависимости от личных предпочтений. Погружаться в полосу развлечений и праздного времяпрепровождения в одиночку было малопродуктивно и не придавало должной остроты. Поэтому наш осколок большой московской осетинской диаспоры, состоящий из южан с «примкнувшими к ним лицами», собирался в мебельном магазине на Ленинградском проспекте, где директорствовал Коля Цховребов. И дело не только в том, что географически и в транспортном плане этот пункт был удобен для всех, главное заключалось в личности хозяина этого торгового центра.

Эта неординарная и яркая личность сполна заслуживает того, чтобы на ней особо остановиться. Коля был моим дальним родственником, но ни он, ни я не могли четко выстроить структуру нашего родства. Когда однажды его московские знакомые в очередной раз поинтересовались, кем я довожусь Коле, тот задумался, потер затылок и брякнул: «Бабкин внук». Такой ответ вопрошающих позабавил, и меня какое-то время именно так и величали.

Учились мы в одной школе, и, несмотря на то что он был двумя классами выше — большая разница для нашей возрастной группы, — мы дружили. Учился Коля хорошо, вечно был в движении, исканиях, его все время обуревали какие-то идеи. А поскольку был он из весьма обеспеченной семьи, то и возможности для осу-

ществления, пусть локальных и минимизированных, фантазий имелись. Скажем, он прилично играл в настольный теннис, входил даже в сборную области, и такой экипировки, а также профессиональной ракетки китайского производства, как у него, у других увлекающихся этим видом спорта не было. Он приобщил меня к коллекционированию марок. Конечно, таких собирателей и без нас хватало, но если те ограничивались отпариванием гашеных марок от конвертов и обменом, то Коля находил более продвинутые каналы для пополнения своей коллекции. Например, именно он открыл, что какие-то марки и даже серии и блоки можно заказывать через газетный киоск у здания почты. Мы там так примелькались, что, когда в область пришло приглашение на участие в первом филателистическом съезде Грузии, то не смогли никого найти, кроме нас. Коля повез в Тбилиси свое собрание марок, посвященных спорту и космосу, а у меня направленность и вовсе была экзотической: марки колоний Британской империи.

Сближала нас и еще одна пикантная ситуация: Коля был влюблен в мою одноклассницу. Его выбор меня удивил, я полагал, что вокруг много более привлекательных и достойных особ. Но тот и слушать ничего не хотел, а меня использовал как передаточное звено — я на словах или записками переправлял некие месседжи, но ответов, как правило, не было. Станным образом эта юная особа на пылкость моего друга реагировала холодно, что меня возмущало. Но Коля никогда не останавливался, настойчиво продвигаясь к цели, так было и сейчас. Дошло до того, что уже в пору студенчества он чуть не каждую неделю ездил из Москвы в Тулу, чтобы только повидать свою избранницу. Но на ту даже такие порывы впечатления не производили. Роман увял, не войдя даже в стадию расцвета. И тут сказала свое слово Москва, которая не терпит тягототины, а выхватывает и кружит в своих крепких объятиях.

После школы Коля поступил в наш пединститут, но представить себя школьным учителем он не мог даже в страшном сне — душа его рвалась в эфиры. Невероятно, но факт — его отцу и многочисленной и многосильной цховребовской родне удалось осуществить перевод Коли с первого курса пединститута в элитный московский вуз — Институт советской торговли им. Плеханова (в народе «Плешка»), который готовил будущих торговых атташе, директоров крупных торговых центров и других функционеров той же специализации. Учился Коля без хвостов, преподаватели выделяли его вовсе не за красивые глаза. Он уже тогда знал, куда ему двигаться и где он хочет быть. Собственно, выбор цели и твердая

поступить к ее осуществлению позволили достичь желанного быстро и оптимально.

Еще будучи студентом, Коля начал работать в большом магазине одежды в качестве продавца-практиканта. Мне довелось побывать на месте его стартовых практик. Он пока еще не тяготился положением мальчика на побегушках, был исполнительным и ответственным, создавал впечатление надежности. Но вместе с тем многому учился, в том числе и торговым фокусам на грани фола. В тот период он снимал очень удобную комнату на Чистых прудах, куда можно было попасть не только через дверь, но и через окно прямо из примыкающего сквера. Освободившись от учебы и работы, Коля внедрял меня в московский быт, развлекал как мог, знакомил со своими новыми друзьями.

Квартира находилась рядом с типографией, где печатали очень популярную газету «Футбол-Хоккей». Купить ее было не так-то просто. Каждую неделю выходил воскресный выпуск, но мы добывали оттиск прямо из печатного цеха еще в субботу, а то и в пятничный вечер. Однажды пошли на футбол, устроились на трибуне, Коля развернул газету и углубился в текст. Сидящий рядом мужик мельком бросал взгляды на газетные страницы. Наконец он не выдержал и спросил: «Это что, завтрашняя газета?» — «Да, — не моргнув глазом ответил Коля. — В ней даже сегодняшней счет есть». Последовала долгая пауза, затем наш сосед неуверенно поинтересовался: «А какой будет счет?» Следящая за диалогом трибуна рухнула.

Коля был патологически азартным человеком — играл во все возможное, считал себя великим профессионалом. Такая черта характера и исключительное самомнение не раз в течение жизни ставили его на грань краха. Но до этого было еще далеко, а тогда однажды поутру обнаружили, что у нас остался последний червонец. Новый москвит сказал, что это не дело и с такими финансами столицы не завоевать, а поэтому следует принять срочные меры. Вспомнил, что из Одессы приехала его сколькотоюродная сестра, очень, по его разумению, денежная. Он позвонил и пригласил одесскую гостью. Та не заставила себя ждать. Мы поили ее чаем и вели светские беседы. Наконец Коля невинным голосом спросил: «Не перекинуться ли картишками?» Дама ответствовала, что можно, но просто за так она не играет. Начались баталии, а я, не в состоянии за этим спокойно наблюдать, пошел гулять по бульвару. Возвратившись, застал безрадостную картину: наш последний цирки покоем на половине гостьи. Более того, на ее плечи была накинута самая модная Колина рубашка. На мой инте-

рес по данному вопросу гостя ответила, что честно выиграла рубаху и, чтобы не забыть, накинула на себя. Это был крах, крушение всех надежд. Мы потеряли желание общаться и скорбно молчали, а намеченная в жертвы картежница весело прощелбетала: «Ну что, пацаны, приглашаю вас в кино. Могу и мороженое купить». Это был предел падения.

На долгое время, по разным обстоятельствам, наши пути-дорожки разошлись. В Москву я прибыл во второй половине 70-х годов уже на законных основаниях в качестве аспиранта солидной научной структуры. Коля к тому времени сильно забурел, называл себя старожилом, а нас — понаехавшими. Успел жениться на коренной москвичке Марине из интеллигентной семьи, с которой учился в «Плешке», и даже стал отцом сына Алана. Сильно продвинулся по службе, возглавив крупный мебельный магазин, который при нем стал популярным у элиты. В главке его ценили, в среде московской торговой верхушки пользовался заслуженным авторитетом, что сказывалось на личном финансовом благополучии. И все это было достигнуто не абы как и не на пустом месте. Что-что, а работать Коля умел и всегда отдавал себя делу без остатка. Вставал часов в пять утра, наскоро завтракал и приводил себя в порядок. Когда все директора еще спали глубоким сном, он успевал объехать центральные базы и снять пенки, поэтому и тянулся к нему косяком обеспеченный люд, что означало весомую прибыль.

Коля закрывал магазин в 7 часов вечера. К этому времени подтягивался наш кагал. Обменявшись новостями, решали, как завершить день. Вариантов было несколько: ресторан, культурная программа (кино, театр, концерт), кегельбан (новое веяние, вытесняющее привычный бильярд), сауна. Обычно побеждал ресторан, поскольку к этому времени все были голодны, а у самого Коли так вообще за целый день маковой росинки во рту не было, поэтому после нескольких рюмок он реально вырубался, но к концу застолья мог полностью отрезветь. Все оптимистично полагали, что только перекусят, а потом будет и кино, и кегли с баней. Это бывало глубоким заблуждением. Легкий перекус плавно перетекал в обильное застолье. Тогда не было еще роллов, суши и прочих заморских деликатесов — пицца и макдональдсовский фастфуд с пепси и фантой только пробивались в московский общепит. Но в ходу был новомодный жульен, которым наши гурманы предвеляли традиционные шашлык и пожарские котлеты.

Ресторанные предпочтения у нас временами менялись. Одно время посещали «Ленинградский», бывший «Яр», «Белград», ту же

«Пицунду», а затем отдавали предпочтение какой-нибудь неведомой ресторации где-то на юго-западе. Администрации заведений и официанты нас знали и привечали за щедрые чаевые. У этого были свои преимущества, поскольку в случае очередного скандала или драки, милицейской облавы персонал быстро уводил нас через черный ход, оберегая от ненужных неприятностей.

Коля от природы обладал могучим здоровьем, не встречал человека, кто бы выдержал его режим, заданный темп, — и так изо дня в день. Сверххранние побудки, колоссальная нагрузка на работе без сна и отдыха. А затем — или застолье с возлияниями, или карточный стол, который надолго затягивал. Даже в выходные его нельзя было удержать дома в кругу семьи, он вечно что-то придумывал, его носило. Это был механизм, который однажды завели, а дальше работал сам, ни в какой подзарядке не нуждаясь.

Отличная реакция, которую отточили занятия теннисом, помноженная на азарт, пришедший от увлечения разными играми, сделали его не только мастеровитым, но весьма рискованным водителем. По Москве он носился как по слаломной трассе, а вырвавшись на простор, выжимал из машины все до последней капли масла. Кроме меня и его жены Марины мало кто желал прокатиться с этим шумахером. Однажды на кольцевой стал накручивать километры. Приемник в авто был настроен на волну «Маяк», и вдруг зазвучала осетинская танцевальная музыка. Коля отреагировал моментально, машина заплясала. Пользуясь тормозом и вертя руль из стороны в сторону, он превратил шоссе в танцплощадку. Мы внутри испытывали настоящий драйв, а вот как себя чувствовали водители встречных машин, могу только предположить.

Весть, что в магазине Коли можно найти мебель на любой вкус, в том числе и ценовой, быстро разнеслась по Москве. К нему зачастили VIP-персоны самых разных направлений. Я сам встречал в торговом зале писателя Чингиза Айтматова, поэта Евгения Евтушенко, художника Илью Глазунова, космонавта Адриана Николаева, композитора Николая Каретникова, а перечисление артистов всех мастей и звезд спорта заняло бы слишком много места. Заметил, что работники магазина относятся к этим сановным посетителям без всякого пиетета (мне они говорили, что эти персоны слишком капризны и привередливы, к тому же о чаевых забывают), могли и нахамить. Коля же всегда был сама любезность, готовый услужить, внимательно выслушать пожелания, дать совет и пригласить зайти, если что надо. Это, конечно, вызывало ответную реакцию, и мы временами этим пользовались.

Об одной встрече надо рассказать обязательно. Однажды последовал звонок от Коли с требованием немедленно явиться. Это означало только одно: бросить все и мчаться со всех ног. Что я и сделал. В кабинете Коли застал четверых мужчин. Трое были в наимоднейших костюмах и при галстуках. Четвертый был невысокого роста, рыжеватый и слегка конопатый, в полном фирменном джинсовом костюме (редкость по тем временам). Но было понятно, что именно он главный в этом квартете, поскольку Коля оживленно с ним беседовал, остальные молчали. По всему было видно, что визит подходит к концу. Действительно, необычный гость стал прощаться, сказал, что едет в Японию, и обещал, вернувшись, общаться более плотно. Коле он оставил огромную пластинку в яркой обложке.

Пришельцы погрузились в несоветский автомобиль и отбыли. И только тогда Коля переключился на меня. Он спросил, узнал ли я того, кто у него только что был. Видя мою пробуксовку, объявил: «Так это же Владимир Высоцкий!» Меня как громом поразило, а выйдя из ступора, я был готов Колю задушить. Хотя сам виноват, мог бы по выговору, жестам, теме разговора кое-что понять. Да и транспорт многое объяснял: тогда в Москве «мерседесы» были только у Брежнева, Гагарина и Высоцкого.

Приезжал Владимир Семенович, ясное дело, за мебелью и, конечно, не для себя. Что касается пластинки с автографом, то это была запись песен Высоцкого в сопровождении симфонического оркестра, сделанная во Франции. Дать послушать ее мне было отказано, поскольку Коля боялся, что я расцарапаю диск. А на второй день этот драгоценный дар пропал, и поиски ни к чему не привели. Многим позже, находясь в гостях у одного своего знакомого, он обнаружил ту самую пластинку в куче другого винила.

Должен сказать, что, обустроившись в Москве, я был почему-то уверен, что обязательно встречу с Высоцким. Эту уверенность в меня вселяло то обстоятельство, что практически все мои московские знакомые говорили, что общались с поэтом и исполнителем, пользовавшимся тогда бешеной популярностью. Одни говорили, что жали ему руку, другие — что разговаривали с ним, ну а третьи клялись, что выпивали с этой незаурядной личностью. Очень хотел побывать на его концерте, но они не анонсировались, проходили чуть ли не в закрытом режиме. Он охотно отзывался на приглашения самых разных сообществ, будь то физики из академгородка, золотоискатели из Чукотки, космонавты из Звездного или ткачихи из Иванова. Этим обстоятельством как-то решили воспользоваться и мы. Известный цхинвальский меломан Феликс

Газзаев отправил в Москву телеграмму такого содержания: «Дорогой Владимир Высоцкий! Мы очень любим ваши песни. Очень просим приехать к нам и выступить с концертом. Оплату дороги и проживания берем на себя». Не знаю, получил ли тот это послание, но в Осетию он приехал, но не в Цхинвал, а во Владикавказ, и многие из вдохновителей той самой телеграммы на концерт смогли попасть.

Что касается меня, то, не попав на концерты всенародного кумира, я решил лицезреть его на театральной сцене. С превеликим трудом достал билеты на два спектакля театра на Таганке, где должен был играть Высоцкий. Каково же было мое разочарование, когда оба раза его замещал другой актер. А тут еще прохлопал такую возможность прямо в кабинете Коли.

Деятельная и инициативная натура Коли вместе с креативностью и азартом разжигали в нем жгучий интерес ко всему окружающему, особенно привлекали внимание новомодные штуки, технологические новинки. Тогда еще не было домашних компьютеров, сотовой связи, но уже стали появляться видеомагнитофоны и видеокамеры. Новые условия породили новые бизнес-интересы, он просто не мог полностью заикливаясь на одной только мебели. Коля за счет своих предпринимательских талантов и живого реагирования на меняющиеся реалии в сфере бизнеса вошел в некий круг торговой элиты. И если раньше его грело общение с видными представителями актерского цеха, спортсменами, другими публичными персонами, то со временем он все чаще стал встречаться с высшими чиновниками главков, директорами торгов, руководителями таможенных, страховых, налоговых и медиаструктур. Это позволяло поднять возможности включения в самые разные проекты, сулящие гарантированную прибыль.

Сейчас для расширения своих предпринимательских интересов можно создать некую фирму, фонд, другую структуру с самыми разновекторными предпочтениями, причем юридически защищенную. Но тогда следовало действовать в соответствии со своими возможностями, использовать все имеющиеся ресурсы. Возможности Коли были в сфере информированности и в наличии связей с торговыми тузами, а ресурс формировался за счет прибыли с продажи мебели, да и мы, его ближайшие и верные друзья, не оставались в стороне. Он стал привлекать нас к выполнению небольших, не очень обременительных поручений. Обычно следовало переговорить с некими конкретными людьми, передать позиции Коли, ознакомиться с документацией, если тако-

вая имелась. Он придумал порученческие группы из двух человек, в которые входили опытный переговорщик и я. Меня пристегивали, надо полагать, для солидности. Все наши всюду кичились, что среди них есть аспирант, будущее светило. Полагали, что если я пребываю в стенах головного экономического института, то я дока как по экономическим, так и юридическим вопросам. От меня требовалось чтение документов, нахождение в них сомнительных мест и осаживание моих переговорщиков, если их особо заносило. Иногда меня даже посылали в командировки. Мое участие поощрялось, но это были никак не фиксированные выплаты, да не за это я помогал друзьям. Но тем не менее мои квартиры оплачивались, не было проблем с одеждой, едой, культурным досугом. Да и карманные деньги всегда имелись, хоть и не позволяли беспричинно шиковать. Если предстояли какие-то солидные выплаты, то и тут проблем не было.

Дела в магазине у Коли шли хорошо, возможности росли, круг элитных покупателей расширялся. Все это способствовало стабильному финансовому благополучию, если бы не одна напасть — пристрастие к азартным играм. Он был прирожденным игроком, играл во все, что играется. Тягаться с ним в нарды или в «дурака» было безнадежно. В багажнике его автомобиля было все для игры: набор карт, клюшки для гольфа, походное казино и даже шары для игры в петанк. По-большому он играл с людьми опытными, поднаторевшими, среди которых могли затесаться и откровенные жулики. Карточные баталии затягивались, и это очень напоминало запой. Играл Коля мастерски, но его подводило то, что никогда не мог остановиться и поддавался на мелкие провокации. Были случаи, когда это пагубное пристрастие ввергало его в глубокую финансовую яму, из которой приходилось долго и трудно выбираться. К тому же это был еще и репутационный удар.

Однажды поздно вечером он заявился в Бибирево ко мне с Феликсом. Мы этому визиту сильно удивились, поскольку такого раньше не было. С собой притащил две коробки со всякой едой и выпивкой, сказал, что переночует у нас. Мы засиделись, говорили на разные темы, но я чувствовал, что тут не все просто. С первыми петухами Коля, по своему обыкновению, умчался по делам. Я весь день строил предположения по поводу ночного визита, а затем, не выдержав, позвонил. Мне было сказано подъехать к закрытию магазина. Прибыв в назначенное время, я обнаружил полное безлюдие на всем пространстве торгового зала — не было ни уборщиц, ни кассиров, подбивающих дневные итоги, лишь на входе в

одиночестве сидел Ролик Габараев. Он сказал, что велено ожидать, так как у Коли серьезный разговор с важным человеком. Мы и сидели, Ролик время от времени звонил по внутреннему телефону и получал указание повременить. Только часа через два появились собеседники, наш был явно воодушевлен — его просто распирало. «Важным человеком» оказался знакомый грузин, очевидно чем-то расстроенный. Он только умолял: «Одно прошу, Коля, никому об этом не говори». Тот горячо обещал. Но обещаний хватило только до момента, когда гость отчалил. Оказалось, что в тот день, когда Коля приехал к нам, он умудрился проиграть этому грузину около 70 тысяч рублей (уверен, что без шулерства здесь не обошлось), а это, считай, на тот момент пять автомобилей «Волга». Коля сразу отдал всю имеющуюся наличность, недостающую сумму должен был погасить на следующий день, да к тому же в конце недели отдать еще и свои «Жигули». Он также полагал, что его проигрыш обусловлен неким мухлежом, и решил ответить соответственно. День он провел в консультациях со специалистом из Северной Осетии. Тот наскоро обучил неким психологическим штукам, напоследок снабдив колодой карт с читающимися рубашками. Когда «победитель» пришел за деньгами, его попросили чуть подождать. Коля предложил, дожидаясь прибытия наличности, перекинуться картишками. Он сказал: «Ты уже все выиграл. Но у меня остался перстень, который тебе так нравится. Готов поставить его на кон». И тут, как говорится, жадность фраера сгубила. Игра затянулась, а в результате Коля не только полностью отыгрался, но еще и выиграл тысяч тридцать с машинкой. Не дожидаясь срока полной расплаты, проигравший просто исчез из Москвы. Его не было года два, а когда он появился на горизонте, Коля не стал его прессовать, но все еще упивался той далекой победой. К сожалению, не все карточные истории нашего друга имели такой благополучный исход.

* * *

За время моего отсутствия в Москве многое здесь успело поменяться. Застой, как нам объявили, сменился Гласностью и Перестройкой. Простой люд на эти политико-пропагандистские метаморфозы реагировал вяло, а вот деловые круги сделали для себя определенные выводы и стали негласно перестраиваться. Еще в мою московскую бытность было ясно, что Коля давно перерос должность торговца мебелью, пусть и в ранге директора. Все 80-е

он был в поиске, пробуя себя на разных поприщах, связанных с бизнесом и предпринимательством, и часто нарисовывались заманчивые перспективы. Но сиюминутный успех уже не устраивал. Требовался надежный и долговременный проект.

В то время я уже обосновался в Цхинвале, работал в НИИ и пользовался одной из опций этой научной структуры — месячная командировка. Я, как и многие, выбрал Москву. Казалось, что все здесь как прежде, но это только внешне. Более пристальный взгляд давал понять, что все не так просто. Атмосфера явно наэлектризовалась, стали активизироваться те слои населения, которые ранее в этом не замечались. Появились из ниоткуда люди, которые быстро достигли вершин. Но главное, если раньше все шло по накатанной — все знали где, с кем и в каких реалиях будет завтра, — то теперь тектонические сдвиги могли произойти без всяких предупреждений. Следовало быть начеку, держать нос по ветру, чтобы что-то не упустить, не опоздать. В этих условиях много значили обширные и разнонаправленные связи и своевременная информированность.

Буржуазная контрреволюция начала 90-х, приведшая к распаду СССР и возникновению диких рыночных отношений, породила для предпринимателей новые возможности и безграничные перспективы. Разобрав варианты и оценив возможности, Коля решил попробовать себя в игорном бизнесе (возможно, сказалась его тяга к этому времяпрепровождению). Ко времени моего очередного набега на Москву он уже был совладельцем одного из самых крупных и посещаемых казино в городе. Его экзотичность только добавляла в плане привлекательности. Игорный дом располагался на многопалубном круизном теплоходе «Александр Блок», навечно пришвартованном на набережной Москвы-реки. На входе посетителей встречал соответственно экипированный африканец. В теплое время года это забавляло, но зимой на этого страдальца жалко было смотреть.

На теплоходе было два игорных зала: один общий — для всех, другой — для особых гостей. Здесь же расположились элитный ресторан (фирменное блюдо — суп из улиток; для извлечения деликатесной плоти подавались специальные щипчики, при этом некоторые клиенты пытались их умыкнуть, намереваясь использовать как пассатижи), буфеты и закусовые, небольшая гостиница и другие помещения специального назначения. Посетители ВИП-зала были одни и те же, редко появлялись новые лица. Обстановка была спокойной, даже вяловатой. Деньги проигрывались легко, без истерик и попыток пустить себе пулю в лоб. Кто-то,

надо полагать, мог и выиграть, но это никак не афишировалось. Кроме того, для завсегдаев проводилась разовая лотерея с единственным выигрышем — автомобилем. В игорном зале был свой бар с бесплатной выпивкой. А это элитные виски, водка, коньяк и другие самые экзотические напитки. Самое интересное, что мало кто этой халявой пользовался.

Сам Коля в казино не играл, но продолжал регулярно играть в карты, где крутились очень большие деньги. Выигрыши здесь сменялись проигрышами, которые ставили на грань краха.

Что касается меня, то в игорный зал я временами заходил, но больше для того, чтобы понаблюдать за поведением игроков, а это было весьма интересно. Не мог пройти мимо безлюдного бара, где от наклеек марочных напитков рябило в глазах. Однажды, впрочем, сыграл в паре с одним дружкой. Имеющиеся двести долларов мы легко просадили за какие-то полчаса. И на этом успокоились.

Что касается нашего штаба, то он из кабинета в мебельном магазине переместился в каюту на корабле.

* * *

Перерывы моего посещения Москвы все больше растягивались, на что были весомые причины. Со временем и Коля перестал приезжать в Цхинвал. Общаться с ним по телефону было бесполезной затеей: он невнятно и не по делу отвечал, сам вопросов не задавал и, казалось, стремился быстрее закончить разговор. О его делах получал разрозненную информацию от общих знакомых. Но целостная картина не складывалась: он то ли работает, то ли нет, поменял квартиру, живет или не живет с женой, общается или не общается с детьми. Одно было очевидно: он нездоров, перенес несколько инфарктов и шунтирование. От некогда суперактивного, яркого, инициативного и притягивающего к себе человека мало что осталось. К тому же от него стали отходить люди из его окружения, даже ближайшего. При этом все винули в этом Колю: дескать, он их обидел, в чем-то беспочвенно обвинил, не выполнил обещания, был груб и так далее. Но тут дело в другом: кому нужен стареющий и слабеющий лев? Акела промахнулся.

Коля умер в больнице в возрасте 72 лет. Его госпитализировали после очередного инфаркта, а тут он еще стал жертвой ковида. Столь мощный двойной удар не смог выдержать даже его могу-

чий организм. Не могу сказать, кто провожал его в последний путь — какие-то разовые вбросы не позволяют узнать подробно-сти последней скорбной процедуры. Колю похоронили на Троекуровском кладбище, которое, после фактического закрытия Новодевичьего и Ваганьковского, стало в Москве самым престижным.

* * *

Наша цхинвальская московская община, зародившаяся в начале 70-х годов прошлого века, давно перестала реально существовать. А с уходом Коли можно поставить окончательную точку. Из ее активных участников остались только я, Ролик Габараев и Эдик Джаду. Но главная цель, к которой стремились, будущее, о котором мечтали, стало реальностью. Для нас независимость Южной Осетии была программой-максимум, а международное признание — это что-то из области фантастики. По моим запискам может создаться впечатление, что наши ребята в Москве исключительно бражничали, развлекались и занимались сомнительными, на первый взгляд, делишками. Это в какой-то мере было ширмой, отдушиной для нас. Судите сами: один из нас, Торез Кулумбеков, который тогда учился в партшколе, через пятнадцать лет провозгласит независимость Южной Осетии и станет ее первым главой. Его сотоварищ по этой же высшей партийной школе, Эдуард Котаев, станет главой президентской администрации, ну а я, отойдя от науки, стал одним из организаторов и руководителем Министерства информации и печати, усилиями которого за короткий срок было полностью сформировано медийное поле Республики Южная Осетия, что позволило построить еще один бастион, ограждающий от внешней агрессии и обеспечивающий безопасность населения.

Понятно, что московские студии способствовали получению новых знаний, повышению профессионального уровня, приобретению навыков действий в экстремальных ситуациях, а главное — мы научились делать верный (иногда единственный) выбор пути в направлении достойного будущего. Что касается тех, кто остался в Москве, то и они в судьбоносные для республики дни не сидели сложа руки — направляли нужные грузы, участвовали во всех акциях в поддержку Южной Осетии, принимали и помогали посланцам из Цхинвала.

Московские сталинирцы-цхинвальцы всегда были особой прослойкой в этом гигантском социально-национальном плавильном котле. Характер и особенности их миксации (как сказали бы этнографы) с местной средой были сложны и каким-то общим правилам не подчинялись. Наши без проблем и внутренних терзаний брали в жены девушек других национальностей, дружили и трудились с представителями разных народов, но главным связующим звеном всегда оставалась своя община. Это была особая среда обитания, которая позволяла сохранять крепость духа, уверенность в себе, позитивный настрой, веру в то, что при любом раскладе не останешься один и тебе всегда незамедлительно и безоглядно придут на помощь.

Южане в Москве делились на несколько профессионально-возрастных групп. Старшую из них составляли те, кто стал обосновываться в столице в конце пятидесятых — шестидесятых годах. Большею частью это были выпускники вузов, оставшиеся здесь после учебы. К ним следует добавить состоявшихся ученых, уже проявивших себя деятелей искусства, известных спортсменов. Это солидные, высокопрофессиональные люди, занимающие высокие должности и пользующиеся заслуженным общественным признанием. Всегда много было аспирантов и студентов, причем представляющих самые престижные вузы. Нацеленность значительной части южных осетин на высшее образование переросла в ментальную особенность. Единственный Юго-Осетинский пединститут не мог удовлетворить всех потребностей, поэтому выпускники школ устремлялись в вузы за пределами автономии. Их концентрация в Москве или Орджоникидзе-Владикавказе вполне понятна, но некоторые добирались до таких мест, как Благовещенск, Семипалатинск, Барнаул и др., которые еще надо было найти на громадной карте СССР. Скоро в Москву потянулись и те южане, которые хотели трудоустроиться с возможностью хорошо заработать. Эта когорта шла в торговлю, общественное питание, устраивалась на продуктовые и овощные базы. И надо сказать, здесь они ценились, добивались успеха, продвигались по службе. Их отличала трудоспособность и стремление двигаться вперед. При этом они проявляли инициативность, лидерские качества, а главное — они не позволяли вредным привычкам мешать их трудовой деятельности и высоким целям.

Чтобы регулярно общаться, нужны были стационарные точки, удобные для встреч, где бы нам не мешали и куда удобно доби-

раться. Конечно, приходя на Главпочтамт на улице Горького (нынешняя Тверская), можно было столкнуться с кем-то из земляков. Такой «центризм» был легко объясним. Во-первых, когда назначали встречу, то, не особо парясь, называли эту точку. Отсюда из переговорного зала звонили домой, а потом обменивались новостями. Здесь же получали денежные переводы (а я — свою тбилисскую стипендию). Разбогатевший люд тут же делился на группы по интересам и радиально разбегался по всей Москве, чтобы хоть в такой момент воспользоваться своей, хоть и временной, финансовой состоятельностью.

Была группа, которая обитала в пределах ресторана «Октябрь» на Новом Арбате, где они дневали и ночевали. Когда Феликс (Таманго) Джигоев устроился в одном из самых известных пивных баров, то и эта точка стала притягательной для наших. Помимо места общения, привлекало то, что можно было без очереди качественно отовариться. Кроме того, не следовало беспокоиться по поводу кружек, за которыми всегда была охота, как за шайкой в банях из рассказов Зоценко.

Наших в Москве легко было определить чисто внешне, особенно когда они выступали группой. Их можно было вычислить по ряду визуальных факторов. Даже в самый лютой мороз цхинвальцы ходили по улицам в легоньких куртках и без головных уборов. На резонный вопрос, не мерзнет ли у них голова, те гордо отвечали, что в эту емкость им вкачали антифриз. Был и другой характерный маркер. Если молодые люди при наличии подземного перехода совершенно спокойно и не дергаясь форсируют загруженную трассу поверху, то можно смело обращаться к ним по-кударски.

Своя манера поведения была у них и в магазинах. Они умели обходить самую свирепую очередь, источая самую любезность. Готовые удушить любого, очередники вдруг, видимо очарованные пришельцами, становились сговорчивыми и не роптали. А если кто-то в какой-то момент приходил в себя и начинал громко возмущаться, то один из нарушителей извинительно произносил: «Ну что вы хотите — грузины мы». После этого запоздало оправившаяся очередь начинала хором выражать свое мнение по поводу озвученной национальной принадлежности нахалов.

Бывали и другие приколы. Однажды один деятель, войдя в гастроном, оглядев зал и заметив славянской внешности продавщицу, вдруг заявил: «Спорим, эта женщина понимает по-осетински?» Видя недоумение на лицах товарищей, он подошел к

прилавку и уверенно произнес: «Иу (поднятый вверх указательный палец) кило кълбас (палец указывает на требуемый товар) мын æри». Продавщица, ничуть не удивившись, взвешивает колбасу, получает плату и переключается на следующего покупателя. Публика — в отрубe.

Но знание и использование иностранных языков не всегда бывает во благо. Однажды группа наших ребят отпраздновала встречу и решила воспользоваться такси. Во время поездки один из этих деятелей брякнул: «Ашы шоферæн шæй дебильтый рожа и». Услышав это, водитель медленно остановил машину, обернулся к пассажирам и вежливо спросил: «Уважаемые, это у меня дебильтый рожа?» После чего попросил болтливых клиентов покинуть авто. Обескураженные таким оборотом дела персонажи вынуждены были признать, что в Москве осетинским языком владеют не только продавцы, но и таксисты.

Своя манера поведения имела и в случае пользования метро. Долгое статичное нахождение в транспорте, причем в плотном окружении себе подобных, особой радости не доставляет и настроения не поднимает. Поэтому приходилось развлекать себя самим. Начиналось с бесед и разговоров. Причем не между собой, а с незнакомыми пассажирами. Всего забавнее это выглядело на эскалаторе. Наши умудрялись перекинуться парой фраз с теми, кто двигался навстречу, и даже взять номер телефона у понравившихся девушек. Но высший пилотаж заключался вовсе не в этом. Когда в движущемся потоке вдруг обнаруживался горбоносый и усатый субъект в кепке-аэродроме, его приветливо спрашивали по-грузински, не грузин ли он. Если он радостно тряс головой, подтверждая догадку, вслед ему неслись самые нелестные мнения о его ближайшей родне. Несчастный начинал метаться, изрыгать проклятия, но не мог же он прыгать через головы, не говоря уже о варианте сойти с одной лестницы и, перебравшись на противоположную, догнать обидчиков.

Конечно, в таком крупном мегаполисе, как Москва, существовало много национальных общин, культурных центров. Была такая и у осетин. Даже не одна, а несколько, поскольку и тут мы оказались максималистами в плане стремления к лидерству. Вдруг оказалось, что у осетин сразу несколько национальных центров, которые возглавляют самые разные люди. Вместо того чтобы объединиться или хотя бы плотно сотрудничать, одни говорили, что именно они главные, а все остальные — просто ренегаты. Такая разобщенность отталкивала, а наша цхинвальская группировка с

этими филиалами не контактировала, хотя предложения от некоторых из них регулярно поступали.

Сегодня ситуация в этом отношении коренным образом изменилась. Начнем с того, что в Москве уже более десяти лет назад открылось посольство Республики Южная Осетия. Еще раньше стало функционировать здесь представительство Республики Северная Осетия-Алания. Осетинская община стала сплоченнее. У нас есть своя церковь на Кулишках, культурный центр выделяется коллективом национального танца. Вместе справляют национальные праздники, организуют мероприятия, устраивают лекции, поддерживают тех, кто в этом нуждается. И это не может не радовать.

* * *

Москва всегда поражала своими масштабами, особенно тех, кто прибывал из небольших провинциальных городков, подобно нашему областному автономному центру. Было что-то труднообразимое в том, что проехать Москву с юга на север все равно что пересечь всю Южную Осетию с севера на юг. Не меньше впечатляло и то, что все население нашей области (включая младенцев, стариков, душевнобольных и военных) можно разместить на трибунах Лужников, еще и место останется. Но это тогда, когда столичный метрополитен заканчивался станциями «ВДНХ» и «Юго-Западная». Сегодня к мегаполису пристегнули еще и большие территории Московской области. Так что размеры и растянутость этого урбанистического монстра трудно даже представить.

В этих условиях существование горожан просто невозможно без удобной, доступной и разветвленной транспортной структуры. Спасение приходит от метро и электричек, с ними в наши дни стало соперничать такси, но в условиях крайней загруженности транспортных артерий и образования километровых пробок выйти в лидеры удастся не скоро. Говорят, что москвичи по своей живучести уступают только тараканам, поэтому извести их не представляется возможным. Но у меня несколько иное мнение. Полагаю, что москвичей достаточно лишить всего двух вещей, и им обеспечен карачун. И эти две вещи — метро и мороженое. С транспортом все ясно, а вот второе — это национальное лакомство столицы, к тому же легкодоступное и впечатляющее своим разнообразием. Картина, когда толпа, выплеснутая из недр метро

на улицу, в любой мороз устремляется к киоскам мороженого и с удовольствием вгрызается в холодную плоть, ввергает в ступор всех гостей Белокаменной. По причине особого пристрастия к мороженому уже давно следовало присвоить китайскому лидеру Си Дзиньпину звание почетного москвича.

Тогда метрополитен хоть и походил на осьминога, но до нынешнего охвата еще не дошел. Далеко было еще и до симбиоза метро с электричками. А таксисты вели себя как капризные дамы, не желая ехать по каким-то адресам и заламывая за свои услуги суммы, от которых счетчики краснели. В мое родное Бибирево, например, могли согласиться ехать таксисты только из шестого таксопарка, расположенного в соседнем Медведково. Поэтому когда хозяева приглашали гостей, то уже знали, что кое-кто из них останется ночевать.

Рутинные бытовые дела обычных населенных пунктов в Москве превращались в целое мероприятие, будь то поход в театр или кино, посещение парикмахерской или бани, вызов сантехника, визит в различные чиновничьи конторы. В совокупности на это событие мог уйти целый день. Добавим к этому посещение поликлиник, сопровождение детей в школы, секции и кружки, затаривание продуктами и еще многое другое. Чтобы хоть как-то облегчить и ускорить эти процессы, а также иметь улучшенное качественное обеспечение, необходимо было обзавестись знакомствами где только возможно. У нас это называлось «иметь блат». Это могли быть продавцы (особенно ценились те, кто торговал продуктами питания), держатели авиационных и железнодорожных билетов, парикмахеры, сапожники, портные, работники прачечных и химчисток, распространители театральных и концертных билетов и прочие «нужные» люди. Здесь могли выстраиваться целые цепочки. Одна из них очень ярко показана в блистательном исполнении В. Басова в кинофильме Г. Данелия «Мимино». Совсем неплохо было иметь знакомство в правоохранительных органах, адвокатских и нотариальных структурах и, конечно же, в муниципальных органах. Каждый москвич обязательно имел в наличии объемную записную книжку. Здесь были отмечены самые разные разделы: «зубной врач», «маникюрша», «сантехник», «электрик», «аптека», «фигурное катание», «мясник» и еще много чего с именами-отчествами и телефонами. Настоящий москвич должен был быть готов ко всему и встречать любой вызов во всеоружии.

Уже доводилось цитировать директора ЮОНИИ Зелима Цховребова, когда он напутствовал очередного командировочного, направляющегося в Москву. Он говорил, что одно знакомство с московскими афишами даст больше, чем многодневное высиживание в кабинетной тиши. И в этом он был абсолютно прав. Но многообещающие анонсы — это одно, а вот попасть в большую часть культурных святилищ было проблемой, а в иные и вовсе маловероятно. Плюс ко всему в публичное пространство то и дело устраивались вбросы, которые создавали бешеный ажиотаж у зрительской аудитории. Это мог быть спектакль, выставка или концерт. Москва тех времен была не только самым читающим городом в мире, но и культурно озабоченным. Все стремились быть сопричастными ко всем новинкам, вызывающим повышенный интерес. Для этого можно было пожертвовать содержанием денежной кубышки и втридорога платить за билеты, а кроме того, выстаивать многочасовые очереди. Но считалось, что все затраты и усилия более чем оправданы и пройти мимо такой возможности было бы большой ошибкой. Об этом событии долго потом вспоминали и передавали из поколения в поколение.

В этом ряду наиболее доступным было кино. Сеть кинотеатров была обширна, а цена на билеты — копеечная. В зале можно было уютно устроиться и в тишине и темноте следить за событиями, разворачивающимися на экране, не отвлекаясь на хруст попкорна и посасывание колы. Ближе всего как к библиотеке, так и к институту были два кинотеатра — «Ударник» и «Художественный». Первый (один из первых, если не первый в Москве) уже кино не крутит, а вот второй все еще действует. Были и главные площадки — «Россия», «Октябрь», «Зарядье». Но туда обычно всей командой ходили на премьеры или спецпоказы.

Как-то раз в «Зарядье» решили провести премьерный показ голливудского культового фильма «Апокалипсис сегодня» о вьетнамской войне с Марлоном Брандо в главной роли. Из Америки пригнали кучу спецтехники, говорили, что в зале будет никому не ведомый квадразвук. Билеты распределялись по особым спискам, но Коле удалось оторвать несколько заветных талонов для нашей братии. Сеанс назначили на поздние 11 часов, но он начался почти в два часа ночи, и, учитывая, что сама авторская версия длится более трех часов, домой я добрался уже утром. Задержка была вызвана накладкой того самого квадразвука. Народ толпился на лужайке перед кинотеатром и не особо роптал, поскольку

была теплая летняя ночь. В зале присутствовала вся московская элита. Я сидел на балконе, недалеко расположились художник Илья Глазунов и артист Ролан Быков. Они перекидывались приветствиями с другими известными людьми. Сам фильм вскоре (без квадрослуха) посмотрели миллионы граждан СССР. Присутствующих же он явно утомил. Во-первых, начался очень поздно, шел слишком долго. Но, главное, всех пугал этот чудо-звук. Когда на экране летали вертолеты или неслись катера, создавалось впечатление, что эти машины стремятся к тебе со всех сторон. Зрители инстинктивно пригибали головы и поджимали ноги. От набравшихся впечатлений я расплачивался потом жестоким приступом мигрени.

Иногда удавалось достать пропуск на спецпоказы (один из знаков благодарности Коле за оказанные услуги). Они чаще всего проводились на «Мосфильме». Нынешний владелец киногоганта Карен Шахназаров может подтвердить слова Александра Довженко, что на «Мосфильме» есть места, куда не ступала нога человека. Транспорт следовало оставить на входе, а потом быстрым темпом передвигаться по бесконечным просторам кинофабрики, а потом еще долго блуждать по коридорам и этажам, отвлекаясь только на таблички на дверях: «П. Тодоровский», «Г. Данелия», «П. Чухрай» и прочие знакомые имена. Кинопоказ состоял из демонстрации двух фильмов. Первый был продукцией «Мосфильма», а второй — очередной зарубежный «шедевр», который якобы наша цензура не пропускает в прокат. На выходе зрители громко обменивались впечатлениями. Общее мнение обычно было таковым: «А наш-то лучше».

Особое место в жизни столицы занимал Московский кинофестиваль, который проводился раз в два года, и на него тогда приезжали европейские звезды. Их можно было встретить близ центральных гостиниц и даже, если повезет, пообщаться. Фестиваль обычно длился две недели. Во многих кинотеатрах столицы проводились непрерывные показы. Почти у всех моих знакомых были абонементы, и, не имея возможности все время ходить в кино, они передавали эти квитки мне. Набиралось их такое количество, что эти фильмы не смогли бы посмотреть и два десятка отъявленных киноманов, не то что я один. Каждый показ состоял из демонстрации сразу двух фильмов. Поначалу у меня вырабатывался специальный режим: ранний подъем, поездка на первую пару, которая начиналась в десять утра. Затем переселение на другую площадку за следующим дуплетом, старт которому давался в два часа дня, ну и в завершение — вечерний показ. После

этого возвращение на ватных ногах домой и немедленный отбой. На следующий день все повторялось. Перекусить удавалось на ходу. Казалось, что если что-то не посмотреть, то упустишь нечто шедевральное. Но через несколько дней чем-то приходилось жертвовать. Когда этот кошмар заканчивался, подводились итоги для себя. Приходилось признать, что восемьдесят процентов просмотренного — время, потраченное впустую, поскольку никакой художественной ценности эти фильмы не представляли. Процентом пятнадцать можно было смотреть, а можно было и пропустить, и только оставшиеся пять — следовало по возможности смотреть.

С театром все было не столь фанатично. Попасть в театр, пусть и не самый популярный, было не так уж просто, а о театре на Таганке, «Ленкоме», «Современнике», театре Сатиры и говорить нечего. Наши в театр не ходили, поэтому надеяться на театральные опции не приходилось. Но как-то случайно прямо на улице я познакомился с одной женщиной. Она тащила неподъемную сумку, и я вызвался ей помочь. Та с недоверием осмотрела мою не очень презентабельную внешность, но сумку отдала. Когда, теряя последние силы и обливаясь потом, допер этот груз до нужного места, его хозяйка спросила, люблю ли я театр. Борясь со спазмами в мышцах, я выдохнул, что жить без театра не могу. Тогда она заинтересовалась моим отношением к музыке. Ответил, что родился и вырос в тотально музыкальном окружении. Мои ответы, видимо, удовлетворили мою новую знакомую, и она сообщила, что является кассиром билетного ларька на Смоленской площади, в самом центре Москвы. И пригласила обращаться. Я этим воспользовался, и вскоре оказалось, что простая распространительница билетов является тонким знатоком искусства. Припрятав для меня билеты, она звонила, а потом объясняла, в чем ценность и особенность ожидаемого мною действия и на что обратить внимание. Вовсе не уверен, что она видела все, на что продавала билеты, но ее оценки и мнения оказывались всегда точными и запоминающимися.

* * *

Все, кто оказывался в пределах Москвы, мечтали попасть в Большой театр, но никто не знал, как эту мечту воплотить в реальность. Он как бы существовал, чтобы улаживать интуристов и знатных гостей. Правда, вокруг театра шастали шустрые ребята,

которые шепотом и жестами предлагали билеты. Но эта услуга была слишком дорогой. К тому же режимный объект находился под особым контролем, и в этих условиях и продавцу, и покупателю могло серьезно прилететь. Но и тут выход нашелся. Мой однокашник Гена Трапезников, о котором речь шла выше, умудрился войти в доверие к старушкам-билетершам театра. За небольшую сумму нас пропускали в zákрома, пока у дверей не было толчеи. От нас требовалось не торчать в фойе, а забиться в самом верхнем ярусе. А театральные буфеты здесь просто притягивали: единственное место, где предлагались уже разлитое по бокалам шампанское и бутерброды с черной икрой. Именно в Большом (по крайней мере, до недавнего времени) были места, на которые билеты продавались, но оттуда сцена не была видна вообще. Оперу еще можно было слушать, а вот как оттуда смотреть балет? У нас была своя тактика. В первом акте подходили к барьеру и вычисляли пустые кресла в партере — некоторые почетные гости могли быть заняты более важными вещами. В антракте спускались вниз и занимали удобные места. Однажды, набравшись наглости, уселись в первом ряду, о чем скоро пожалели. Шел балет, и когда танцоры исполняли прыжковые элементы, поднималась пыль, которая раздражала чихательные рецепторы.

Но довелось посещать Большой на законных основаниях. Дело в том, что по воскресеньям в первой половине дня выдающийся дирижер Геннадий Рождественский проводил свои музыкальные встречи. Они проходили в небольшом Бетховенском зале, куда можно было разместить симфонический оркестр в усеченном виде. Надо сказать, что в просвещенной Москве мало оказалось чудиков, которые, вместо того чтобы хорошенько выспаться в воскресный день, встают спозаранку и несутся насладиться классической музыкой. Пусть и музыкальный коллектив под управлением маэстро всегда впечатлял и был выразительным, да и вход был свободным. Формат этих встреч был особым. Исполнение каждого фрагмента дирижер предварял небольшой лекцией о композиторе, истории написания исполняемого произведения, снабжая свой рассказ любопытными и малоизвестными фактами. Однажды довелось присутствовать на просветительном концерте Рождественского, в котором он собрал первые опысы известных композиторов. Это было нечто необычное.

Однажды кто-то из наших отдал мне билеты, сказав, что это какой-то модный балет, а у него нет ни времени, ни желания идти на него. Билетов было два, предложить второй кому-то из знакомых не успевал, и я забрал с собой одну из сотрудниц библиотеки.

Действо должно было состояться почему-то в Театре эстрады. Все подходы к театру оказались забиты народом, и это были не обладатели заветных билетов, а те, кто страстно желал их приобрести. Оказалось, что предстоит лицезреть единственное выступление в Москве всемирно знаменитой труппы прославленного балетмейстера Мориса Бежара. Во всех отношениях это был не тот балет, к которому мы привыкли, трудно даже было сравнить это с чем-то знакомым и понятным. Я сидел во втором ряду, поэтому смог разглядеть даже мелкие детали.

Случалось посещать концерты различных эстрадных коллективов и исполнителей. Уже тогда в Союз стали прибывать известные поп-, диско- и рок-группы. Присутствовал на выступлениях «Песняров», немецкой группы Puhdys, очень популярных Boney M., Modern Talking, джазовой исполнительницы Вильмы Рединг и других.

Посещение художественных выставок также входило в культурную программу. В Третьяковку я попал еще в мой первый приезд в Москву. Там было мало народу, в залах царили тишина и покой. До времени, когда в эти хранилища истинного искусства станут приносить сучья и бананы, выдавая их за шедевры и затеняя ими произведения истинных мастеров, было еще далеко. Здесь с восторгом лицезрели оригиналы классических творений, с которыми я знакомился по иллюстрациям журнала «Огонек». Поражало то, что к этим вызывающим восторг картинам можно было подойти вплотную и даже коснуться их, а многослойные иконы Андрея Рублева ковырнуть, лишь бы зрительницы не заметили.

Мимо Пушкинского музея я проходил чуть ли не каждый день, попасть туда не составляло труда, и здесь можно было часами переходить из зала в зал. Ажиотажная ситуация сложилась с приездом в музей «Джоконды» Леонардо да Винчи. Очереди выстраивались на часы. А когда удалось наконец добраться до великого творения, то тебя уже толкали в спину другие страждущие, не дав впечатлиться и восхититься. Один сотрудник нашего института, далекий от искусства, только из любопытства очередь отстоял, а потом говорил: «Ну что в ней нашли? Женщина как женщина, да к тому же совсем не симпатичная». Хотелось ответить ему словами Фаины Раневской: «Эта дама столько веков и на столько людей производила впечатление, что сейчас может сама выбирать, на кого производить впечатление, а на кого нет».

Вспоминается наделавшая шуму выставка Ильи Глазунова в Манеже. Здесь также был аншлаг, очередь змеей опоясывала все огромное строение. Было трудно представить, что один художник

может заполнить своими трудами эти нескончаемые пространства. А сам автор, который во время работы выставки не покидал ее пределов, был представлен во всех жанрах. Народ, конечно, толпился прежде всего перед монументальными полотнами живописца, с тысячами фрагментов и портретов. Но меня почему-то привлекла книжная графика, особенно иллюстрации к произведениям Ф. М. Достоевского. Подумалось, почему бы Глазунову не сконцентрироваться на графике, которая ему так блистательно дается. Возможно, эта мысль достаточно долго во мне сидела. Однажды посоветовал своему старому другу, художнику-лауреату Ирбегу Алборову, попробовать себя в графике. Тот вполне комфортно себя чувствовал, время от времени выдавая живописные работы, и от моего предложения отмахнулся. Много позже, уже в возрасте, преследуемый всяческими болячками, он вспомнил о моем совете — и это было прозрение. Получились прекрасные графические серии-иллюстрации к нартовским сказаниям и произведениям Коста Хетагурова.

* * *

Коллективно посещали разные спортивные соревнования. Чаще всего это был футбол летом и хоккей зимой. Когда лень было ездить на стадион или в ледовый дворец, собирались перед телевизором с пивом и картами. Однажды все вместе смотрели увлекательный хоккейный матч, в котором бились СССР и Чехословакия. Шел третий период, а результат был ничейным. Наши непрерывно атаковали, вратарь соперников творил чудеса, штанги и перекладины их ворот звенели от забрасываемых шайб. Гол назревал. Мы настолько увлеклись игрой, что забыли и о пиве, и обо всем на свете. В один момент Колю позвали к телефону. Вскоре он вернулся и предложил самому заводному из нас, Васе (Каши) Парастаеву, спор: если игра так и закончится вничью, то Коля получает 50 рублей, а если СССР забросит, то Каши выигрывает в два раза больше. Наши все наседали и должны были с минуты на минуту забить. Но этого, ко всеобщему удивлению, не произошло. Раздосадованный Каши отдал проигранную сумму не Коле, а его жене, приговаривая, что «муж и жена — одна сатана». Он прекрасно знал, что этих денег Коле не видать как своих ушей, и это была маленькая месть. Уже позже Коля мне признался, что во время матча ему звонил знакомый, который находился во Дворце спорта на той самой игре. Оказывается, там матч уже окончился, а мы

его смотрели с часовым опозданием. Таким образом, Коля, зная счет, спорил, ничем не рискуя.

Мы сами к тому времени активным спортом уже не занимались, хотя ранее большинство к этому было причастно. Тот же Каши был призером чемпионатов СССР по вольной борьбе, а Эдик Джаду некогда входил в юношескую сборную Грузии по футболу. Сейчас играли в футбол, в настольный теннис на даче. В бильярдную перестали ходить, когда Коле прямо в подсобке собрали классический бильярдный стол из дефицитных материалов лучшие мастера. Эту игру нам на какое-то время заменил новомодный боулинг. Со временем и здесь появились свои корифеи. Скажем, в один момент стал часто побеждать незрячий на один глаз Борис (Кутуз) Пухачев. По этому поводу юморист Торез шутил: «Еще бы он не выигрывал, ему даже глаз не надо прищуривать перед броском».

* * *

Выше в моих записках были затронуты многие стороны московской повседневности, особенности функционирования различных структур. Отдельными мазками обозначены научная жизнь, просвещение, культура и искусство, спорт, торговля, транспорт, общепит, сфера услуг, организация досуга и развлечений. Но пока ни словом не обмолвился о том, как обстояли дела с медицинским обслуживанием. Хотелось бы обойти эту тему, но уже не получится.

За три с лишним года, проведенных в Москве, я заболел лишь единожды. Проснувшись однажды зимним утром, почувствовал полный дискомфорт: кости ломило, видимо, от высокой температуры, горло саднило. Налицо были все признаки сильной простуды. Не зная, что делать, позвонил своему однофамильцу и однокласснику Руслану (Гусю) Харебову, который в то время стажировался в ЦИТО. Он приехал, потрогал мой лоб, а затем, заглянув в холодильник, сказал, что ему надо ненадолго уйти. Вернулся с лекарствами и продуктами. Дал мне сразу какие-то пилюли, а по поводу дальнейшего приема провел инструктаж. Затем ушел на кухню, и вскоре аппетитный запах приятно защекотал мне ноздри. Наконец он торжественно объявил, что отварил курицу и будет поить меня бульоном. «А что делать с мясом?» — нетвердым голосом спросил я. «А мясо я сам съем», — отрезал Руслан.

Выпив бульон и проводив своего спасителя, я почувствовал себя легче. Но на всякий случай позвонил еще и своему однокашнику Саше Алборову. Тот вскоре явился. Потрогал мой лоб, повертел в руках лекарственные упаковки и ушел. Вернувшись, сразу прошел на кухню. Спустя некоторое время он торжественно заявил, что сварил компот из сухофруктов и это именно то, что вернет меня к жизни. Саша также велел принять некие таблетки — наверное, сказало влияние тещи-фармацевта. Потрясенный тем, что мужики могут самостоятельно сварить бульон и даже компот, я моментально выздоровел и на следующий день был уже в институте.

Узнав о моем волшебном исцелении, Руслан и Саша обозвали меня симулянтом.

* * *

С настоящими врачами и медучреждениями Москвы мне пришлось иметь дело единожды. Я направлялся из Цхинвала в Белокаменную. Еще по дороге в аэропорт начал ныть зуб, перед посадкой пошло постреливание, а уже в самолете боль конкретно вступила в свои права. Во Внуково я высадился с намечающимся перекосом лица. Ходить по Москве с флюсом, терпя боль и глотая таблетки, не были ни желания, ни возможности. Я узнал, что для лиц, не имеющих московской прописки, есть одна круглосуточная зубная лечебница, символически расположенная на Лубянке, аккуратно напротив КГБ. Явился в клинику в девятом часу вечера. К моему удивлению, фойе и коридоры были забиты страждущими. Работал только один кабинет, где принимали трое врачей. Я взял талончик и затосковал, предполагая, сколько еще здесь предстоит торчать. И тут через динамик меня пригласили в кабинет, куда я и направился, вспарывая плотную очередь. Свое стремительное прохождение я мог объяснить тем, что в регистратуре что-то напутали. Но мне больше нравится версия, что впечатленная моим удрученным видом тетечка в окошке просто пожалела меня. Зарвавшийся зуб был ликвидирован быстро и без последствий. Воодушевленный таким оперативным решением проблемы, купил шоколадку в ближайшем магазине и презентовал ее регистраторше.

Но уже следующий мой контакт с медицинской сферой не был столь благополучным и оказался изнурительно затянувшимся во времени. Касался он моей старшей сестры. Неля была старше меня на одиннадцать лет, и вместе со старшим братом Юриком

они идентифицировали себя как мои вторые родители. По крайней мере, пытались вести себя соответственно: проводили воспитательные мероприятия, давали советы, следили за моим внешним видом. Я имел свои выгоды от двойного родительства, а потому терпел дополнительный патронаж. Денег у старших родителей не просил, но брал, когда давали, а вот брата с сестрой доил без угрызения совести. Даже подкрадывалась гадкая мысль, что, будь у меня пять сестер и столько же братьев, я бы как сыр в масле катался.

Сестре было под тридцать, она учила детей музыке, воспитывала сыновей. Короче, все у нее было хорошо. Люди ее любили за отзывчивость и коммуникабельность, и она отвечала им тем же. Беда, как всегда, пришла откуда не ждали. Сестра никогда особо на здоровье не жаловалась, но однажды, когда я находился в Цхинвале, как бы между прочим сказала мне, что у нее появилась какая-то припухлость. Когда по моему настоянию она показала то, что ее беспокоит, я пришел в ужас, но виду не подал. Повез ее с собой в Москву, и начались скитания по врачам и клиникам, советчиков вокруг оказалось достаточно. Последовали многочисленные анализы, консультации, консилиумы. Вердикт был самым худшим из возможных: злокачественная опухоль.

Зная реальное положение дел, следовало действовать быстро и эффективно. Тогда уже был введен в строй громадный онкологический центр в Москве, куда прибывали больные со всего Союза и где были, как говорили, лучшие врачи и лучшее оборудование. Но люди опытные посоветовали обратиться в больницу научного института онкологии им. Герцена. Он находился в проулках возле «Беговой». Это были два пятиэтажных здания, соединенные воздушным переходом на верхнем этаже. Одно строение было отведено под институт, где работали ученые, а второе было собственностью больницы, где уже на практике использовали теоретические наработки.

Лечащим врачом оказался достаточно молодой человек, но его рекомендовали как хорошего и инициативного специалиста, применяющего в своей практике все имеющиеся на тот день медицинские достижения в этой области. Он не стал умничать, а сразу сказал, что случай запущенный и тратить драгоценное время на лучевую и химиотерапию не следует, а надо готовиться к операции. Он объяснил тактику лечения, разбив все на пять этапов: продолжение сбора информации через анализы, медикаментозное и процедурное лечение, подготовка к операции, сама операция, послеоперационная реабилитация.

По времени весь процесс затянулся, то и дело возникали дополнительные обстоятельства. Все пришлось на последний период моего трехлетнего пребывания в Москве. Институт, библиотеку, работу над диссертацией пришлось отложить на неопределенное время. Научный руководитель, сам страдающий от онкологии, прекрасно меня понимал, освободил от всех нагрузок и помогал чем только мог. Делился даже наидефицитнейшими таблетками, которые ему присылали из Нью-Йорка. Никто из ребят не остался в стороне, действовали ненавязчиво, в результате в материальном плане никаких затруднений я не испытывал. Меня снабжали продуктами и медикаментами. В то время вокруг онкологии творились всякие чудеса. То и дело объявлялось о появлении нового чудодейственного препарата. Грузины открыли микстуру — вытяжку из плавников черноморской акулы-катрана (этим снадобьем не довелось воспользоваться). Эстонцы явили миру некую микстуру И-2 (ее из Таллина привез мне вышеупомянутый Берти, не взявший денег за достаточно дорогое средство, хотя это никак не соответствовало его торгашеской натуре). Московский еврей Марк через друзей в Израиле достал нечто воскрешающее из мертвых. А многочисленным советам, как и что делать, что еще предпринять и какими услугами воспользоваться, не было конца, и текли они непрерывным потоком. Никогда еще не испытывал такого всеобщего внимания, сочувствия, сопереживания, желания помочь.

Сестру положили в палату, где уже находилось десять подруг по несчастью. Себя они называли «амазонками». Вообще весь третий этаж стационара был отведен для больных с грудной онкологией, что говорило о частоте тяжелого недуга с этой локализацией. Самое интересное, что здесь была одна палата для мужчин.

Мой дневной график существенно изменился. В первую половину дня организовывал необходимое питание (через знакомых поваров), сам готовил свежавыжатые соки, ходил в поисках требуемых лекарств. К обеду я уже был в больнице. Часы посещения здесь соблюдались строго, но я быстро нашел выход. В любое время заходил в институт, поднимался на пятый этаж, где уже был припрятан врачебный халат. Облачившись, по переходу шел в больницу, а здесь уже проблем не было. Приходил я к сестре каждый день, кормил, поил соком, требовал полного отчета. Регулярно беседовал с лечащим врачом. Тот на контакт шел охотно, подробно рассказывал о динамике и тактике лечения. При этом не пытался меня успокоить или обнадежить. Говорил все как есть на самом деле, делился своими планами по поводу использования

новых методик и подходов, предлагал попытаться достать некий новый препарат. Как я понимал, его подход заключался в том, чтобы бороться до конца и использовать для этого все доступные возможности.

Перед операцией ребята собрали солидную сумму и велели передать хирургу, говорили, что так надо. Как раньше, так и теперь подобное приводит меня в полное замешательство, просто перестаю понимать, что надо делать и какие слова говорить. Превозмогая себя, вызвал врача на лестничную площадку, молча вручил конверт и ушел. Уже за день до операции слегка озабоченная сестра сказала, что приходил лечащий врач и положил ей в карман халата конверт — тот самый, который передал я. Это был во всех отношениях недобрый знак, но времени на разборки уже не было.

Операция, по словам хирурга, была тяжелой, но прошла в должном режиме и без осложнений. Сестра долго отходила от наркоза, какое-то время была слаба настолько, что ее приходилось кормить из ложечки. Затем началось послеоперационное восстановление. Врачи уверяли, что «все протекает в штатном режиме». Настроение улучшилось, надежда укрепилась. После больницы сестра еще неделю провела в Москве, после чего за ней приехал муж и увез в Цхинвал.

Я с трудом входил в привычную колею, сказывалась потеря ритма. Тут последовал звонок от сестры. Она спрашивала, почему я не еду. Понял, что мое присутствие необходимо и там я нужнее. Приехав, заметил перемены в самой атмосфере, настроениях, интонациях. Оказалось, что, вернувшись в Цхинвал, сестра на второй же день пошла на работу. Поход от дома до музыкальной школы занял чуть ли не два часа: на каждом шагу ее останавливали знакомые, радовались ей и желали полного выздоровления. Даже после больницы и тяжелой операции выглядела она хорошо, что многих вводило в заблуждение. Но активно проведенный день потребовал большой затраты сил, внутреннего напряжения, что стало непосильным грузом для ослабленного недугом организма. Из дома она больше не выходила, а вскоре слегла и тихо ушла.

Окончание следует.

Темирболат МАМСУРОВ

ДУМЫ

СТИХИ
ПЕРЕВОД С ОСЕТИНСКОГО М. СИНЕЛЬНИКОВА

ДВА ДРУГА

Юноша:

— Что грустишь, какие беды
Дух тревожат, сердце раня?
Жил ты славно... Спой, поведай,
Старец, старое сказанье!
Будь моя здесь власть, ей-богу,
Ты его мне громко спел бы,
Скоротали б мы дорогу,
Да и ты повеселел бы.

Старец:

— Разучился петь давно я —
Сердце старое увяло.
Хочешь погрустить со мною —
Слушай плач, начну сначала!
Мы — изрубленные кепки,
Губят род когда-то крепкий.
Сам суди: одни в Сибири
Стонут, затерявшись в мире,
Дома бедствуют другие.
Хоть присох язык мой чахлый,
Слушай, если речь я начал,
Неслучайно старец дряхлый
Родину покинул с плачем.
Вот пришла пора проститься,
Ниц на землю мы упали,
Кровь — из глаз, в крови — глазницы,
Словно сердце растоптали.
«О родные наши горы!
Без тебя, страна родная,
Нет нам счастья и опоры! —
Старцы молвили, рыдая. —

Мы благоговейно-строго
Сохраним отчизны имя
И тебя просить у Бога
Будем с внуками своими.
Пыль твоя — из нашей плоти,
Нас не разделить разлуке,
Пусть в груди, в твоём оплоте,
Сохранят тебя и внуки!»
Что слова! Терзает залым¹
Отчий дом, очаг любимый,
Брошенный за перевалом.
Головы лишь унесли мы.
Настигал нас ворог ярый,
На корабль сгонял угрюмо,
Не страшился божьей кары,
В черные швыряя трюмы.
И отплыли в шуме, в гаме,
Здесь ни сесть, ни встать — так людно.
Умирали под ногами,
Уходили за борт судна...
Матери детей теряли,
Плачем звали, вскрикнув разом,
И вот здесь же, на развале,
Кто-то занят был намазом.
Кончен путь, мы — на причале,
Вот мы — в лодках плоскодонных...
И в песке нас раскидали,
Беспризорных, изнуренных.
Нем язык... Нет счета ранам,
Не исчислить все печали!
Братьев в саване песчаном
Тысячами погребали.
Жар дневной, ночная стужа.
Утром, босы и убоги,
Вновь бредем, и нам все туже —
Видно, нет конца дороге.
Иссякала жизни сила,
Истекало сердце кровью,
Пищей нам трава служила,
А уж хлеб... Что суесловье!

¹ Залым — деспот.

Детский вой по переулкам,
Мы детей дарили туркам,
Нет уж дела до младенцев!
Оземь здесь одних бросали,
А другие угасали
На руках переселенцев.
Ах, сынок, ты скорбь умножил!
И ногтями следопыта
Кровь и грязь соскреб не с кожи,
А с души моей убитой...
Кончил речь на полуслове.
Голова на грудь упала,
И слеза подобна крови.
Старец вновь умолк устало.

СКУПЕЦ

Ты нищ, хоть имущества много,
И жаль мне тебя порою.
«Не дай мне, — прошу я Бога, —
Такое вот сердце злое!»
Что горы зерна! Все едино
Лежишь ты на них вповалку.
Твоя голодает скотина,
И есть самому тебе жалко.
Ты в мире бренном до гроба
Великую платишь подать,
Ты гол, и пуста утроба,
И долга не отработать.
Живешь ты, копя и жилиясь,
Над коркой дрожешь замшелой.
Бока твои обнажились,
И грудь от солнца сгорела.
День знает, что ночь подоспела,
И шуба смазана салом.
Но убыль клянешь то и дело,
И жаль поступиться малым.
А платье... Уж мы не узнаем,
Оно из какого ситца.
В лоскутьях шапка дрянная,
Готовая развалиться.

Об овцах твоя забота,
С родными не хочешь зняться.
Захлопнул пред ними ворота,
Прогнал своих домочадцев.
И жизнь твоя, жизнь пустая
Детям твоим постыла,
О смерти твоей мечтая,
В небо глядят уныло...
К чему ж твое скопидомство?
Задумайся на мгновенье:
Ведь все расточит потомство,
Не спросит благословенья.
И жизнь дана не навеки...
Что внукам твои кручины?!
И некому будет веки
Прикрыть тебе в час кончины.
Гнушаясь родною кровью,
Наследники, как в угаре,
Не подойдут к изголовью —
Помчатся, ключи твои шаря.

ДУМЫ

С прошлой ночи мне не спится —
Плоть покоя не просила,
Я отверстые зеницы
Был всю ночь закрыть не в силах.
Горы отчие, ответьте,
Как без вас нам жить на свете!
«Плакать ты бы постыдился!» —
Слышу речь родного края.
«Вепрь на грудь мою взвалился», —
Он промолвил, сам рыдая.
Горы отчие, ответьте,
Как без вас нам жить на свете!..
«Ваших я детей невинных
В сердце нес, как свет, лелея,
И хранил в своих глубинах
Предков прах, берег в земле я.
А теперь вас раздвоили,
Нет дороги брату к братьям,
Вы и здесь, и там — в бессилье,
За меня не постоять вам».

Горы отчие, ответьте,
Как без вас нам жить на свете!..
Отчий край, наш край родимый,
Нет у нас другой надежды,
Жизнь постыла, счастье мнимо
Без луча в ночи кромешной.
Горы отчие, ответьте,
Как без вас нам жить на свете!..
Сердцу радость — волей полнясь,
И погибнуть за тебя нам!
Если бы к себе повел нас
Биться с деспотом-тираном!
Горы отчие, ответьте,
Как без вас нам жить на свете!..
Для детей твоих отныне,
Где бы мы ни знали с горем,
Имя родины — святыня,
И тебя не опозорим.
Горы отчие, ответьте,
Как без вас нам жить на свете!..
Отчий край, наш край родимый,
Наших душ душа, пойми ты:
Жизнь постыла, счастье мнимо
Без отчизны, с сердцем слитой.
Горы отчие, ответьте,
Как без вас нам жить на свете!..
И на белую подушку
Черных слез упали реки.

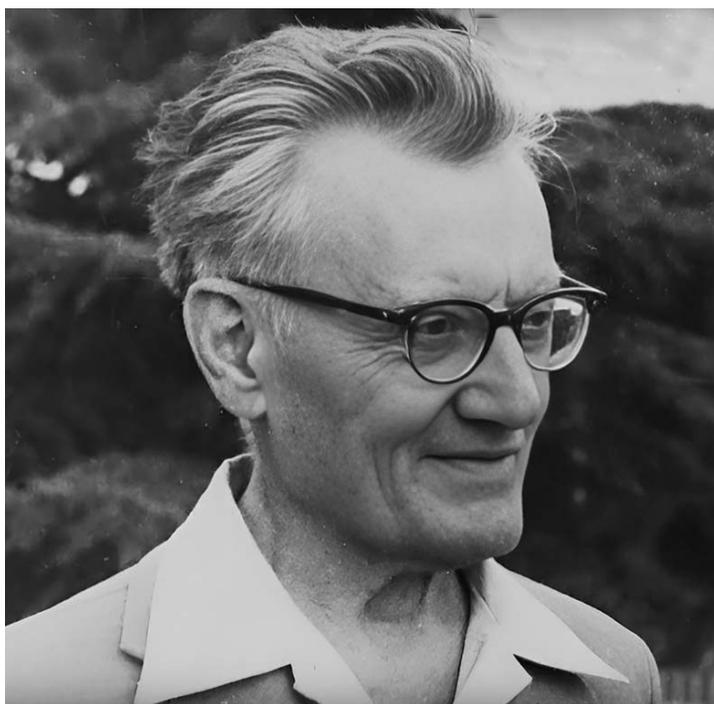
.....

Вдруг я слышу голос некий:
«Ты, оторванный от дома!
Есть надежда, есть подмога,
И она тебе знакома,
Это — вера, милость Бога».
Бог всеблаг, но, всех жалея,
Внемлет жалобе не каждой,
Бедняка мольба милее.
Вспомнит он и нас однажды.
Горы отчие, ответьте,
Как без вас нам жить на свете!

Васо АБАЕВ

ОСЕТИНЫ-АЛАНЫ

<...> **В** составе народов, известных древним под именем скифов и сарматов, скрывались предки осетин, <...> последние в VII в. до н. э. — III в. н. э. обитали на равнинах Южной России и Северного Кавказа. Встает вопрос, где они жили и под каким наименованием были известны в позднейшие времена?

Вернемся немного назад и вспомним, что языковыми фактами устанавливаются исторические связи осетин с венграми, с северотюркскими племенами, с Древней Русью, с булгарами, хазарами, монголами. Эти связи охватывают период с V по XIV в. н. э. На какой географической территории могли происходить встречи и общение осетин с этими народами? По всем историческим данным, ареной таких межплеменных встреч могли быть только те же смежные области юга России и Северного Кавказа. Это — тот единственный район, где могли перекреститься и действительно перекрещивались исторические пути всех перечисленных народов. Стало быть, в период с V по XIV в. осетинское население продолжало существовать на этой территории. Известно ли о нем что-нибудь из исторических источников? Под каким наименованием знали его соседи и какую историческую роль оно играло? Ответ на эти вопросы стал возможен после того, как было установлено тождество осетин со средневековым народом алан.

Лингвистические доказательства не играли решающей роли для установления тождества осетин и алан. Прямые исторические свидетельства были достаточно красноречивы. Перекрестное сопоставление исторических сведений из грузинских, армянских, византийских, латинских, арабских, русских (летописных)

Печатается по изданию: Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I / отв. ред. И. И. Мещанинов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 41–47.

источников не оставляло сомнения в том, что под названием осов (осетин), асов, ясов, языгов, алан скрывался один и тот же народ.

Лингвисту остается лишь найти, если возможно, материал, подтверждающий, подкрепляющий это и без того достаточно прочно стоящее положение. И такой материал имеется.

Об аланском названии города Феодосии в Крыму 'Арбáβба мы уже говорили выше. В плане топонимическом интересно отметить еще, что Дарьяльское ущелье, с древних времен занимаемое с севера осетинами и служившее им обычным путем в Закавказье, арабскими авторами зовется *Bab-al-Alan* 'вратами алан', а общеизвестное Д а р и а л (груз. *Dariala, Darialani*) происходит от перс. *Dar-i-Alān* 'аланские врата', «*porta Alanorum*». Кое-что для осетино-аланских параллелей дают аланские (асские, яские) собственные имена.

А л ь д а, жена царя абасгов Георгия (XI в.); византийские историки называют ее аланкой, а грузинская летопись — осетинкой; ср. женское имя в осетинском эпосе: *Eldæ, Aldæ*.

А н б а л, ключник Андрея Боголюбского, ясин (алан), был в числе участников убийства князя (1175 г.); ср. ос. *æmbal | ænbal* 'товарищ', ос. *Æmbaltæ* фамилия «Амбаловы». Это же имя с суффиксом *-an* мы находим в надгробной надписи X в., найденной у реки Зеленчук, притока Кубани, т. е. в районе исторической Алании.

'Αραβάτης, имя аланского предводителя по византийским источникам; ср. ос. *ærvad* 'родич';

Beorgor, аланский предводитель (V в.); ср. ос. диг. *bewra* 'много' и *gor* (от *korun*) 'просящий' (у бога), *kordiat*, «божий дар»;

Eochar, аланское имя (V в.); ср. ос. *jewxwar* 'просоед', 'едящий просо';

'Ιτάζης, имя аланского предводителя (VIII в.); ср. ос. *idæz* 'вдонец';

М а т р ш а, имя аланского (асского) предводителя, участника монгольских походов в Китай (XIII в.); ср. ос. имя *Matærsa*, букв. «бесстрашный»;

Σαρῳς, имя аланского царя (VI в.); ср. ос. *særoj* 'головастый' (от *sær* 'голова');

С а т и н и к, имя аланской царевны (II в.) по рассказу Моисея Хоренского; ср. ос. С а т à н а, имя героини нартовского эпоса.

Неудивительно, что у алан мы находим также и грекохристианские имена: Илья, Николай, Димитрий, Стефан, Андрей, Мария, Ирина. Уже с V в. у них велась широкая миссионерская пропаганда, шедшая из Византии и Грузии, завершившаяся в X в. христиа-

низацией алан и созданием аланской епархии. Ничего неожиданного нет также в наличии у них монголо-тюркских имен: Б а д у р, Б а г а т а р, Τεμῆρης. С этими народами аланы общались с древнейших времен.

До последнего времени собственные имена составляли почти единственный материал для суждения об аланском языке. Только в 1930 г. опубликовано несколько аланских фраз, записанных в XII в. византийским писателем Иоанном Цецом в его «Теогонии»¹. Разобранные в этой записи слова имеют вполне осетинский характер:

ταπαυχας (читается *da ban xas*) 'добрый день' = ос. *dæ bon xwarz*;
 κίντζ (kinz) 'женщина' = *čynz | kinzæ* 'невестка';
 χσίνα 'повелительница' = ос. *æxsin | æxsinæ*;
 μεσφιλ 'мой господин', 'моя госпожа' = ос. *me 'fsin* 'моя хозяйка';
 φαρν = ос. *farn*.

Других памятников аланского языка пока не обнаружено, если не считать Зеленчукской надписи, которую также с полным правом можно рассматривать как аланскую.

Было бы, однако, слишком смело утверждать, что таких памятников не существовало. На примере Зеленчукской надписи видно, что аланы-осетины прибегали в отдельных случаях к греческому письму для составления эпитафий на своем языке, быть может и для других целей. Зеленчукская надпись не могла быть единичным явлением. Новые находки такого же порядка вполне вероятны.

Недостаток прямых свидетельств об аланском языке до некоторой степени возмещается косвенными. Косвенными памятниками аланской речи мы считаем схождения осетинского с венгерским, финским, северотюркскими, древнерусским, хазарским, монгольскими языками, а также со сванским, мегрельским, абхазским.

Чтобы обосновать исторически эти схождения, приходится вывести осетин за рамки нынешней их территории и распространить их на те именно области, которые занимала историческая Алания. Нет возможности удовлетворительно объяснить упомянутые схождения, если не видеть в осетинах преемников алан. Аланы — это тот северокавказский народ, о котором мы доподлинно знаем, что он общался со всеми перечисленными

¹ Moravcsik J. Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes, Bysantnisch-Neugrichische Jahrbücher. Bd. VII. Heft 3–4, 1930, с. 352–365.

народами. Аланы — это тот народ, который, по всему, что мы о нем знаем, мог иметь с перечисленными народами те культурные связи, о которых сигнализируют языковые факты. Одни только осетинские элементы в венгерском являются для доказательства осетино-аланского единства таким разительным и ярким свидетельством, которое стоит любого исторического документа.

Некоторые авторы считают нужным, говоря о преемственной связи осетин с аланами, сопровождать это, уже общепринятое в науке, положение оговорками на счет того, что аланы, дескать, были, собственно, не народ, а «собирательное название», или даже «географическое понятие». Тщательное изучение свидетельств древних и средневековых писателей об аланах не поддерживает такой точки зрения. Как оно и естественно, эти писатели обнаруживают разную степень осведомленности об аланах; некоторые из них допускают ошибки в географических и хронологических определениях, путают алан с другими народами (напр., албанами), но ни один из них не дает повода думать, что, говоря об аланах, он имел в виду не народ, а географическое понятие.

Одним из ранних и наиболее содержательных и важных известий об аланах является знаменитый рассказ Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) в его Римской истории (XXXI, 2). Вс. Миллер утверждает, будто из этого рассказа Аммиана Марцеллина видно, что для него название аланов — понятие географическое и что оно обнимает целую группу народов, живущих за Танаисом на границе Азии и Европы в кочевом быту².

Рассмотрим те два места из Марцеллина, которые дали Вс. Миллеру повод к такому выводу. «Аланы, — пишет Марцеллин, — живут на далеком расстоянии одни от других и, кочуя, проходят огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение». Из этих слов явствует только то, что аланы кочевали на большой территории и что у них, как это всегда бывает на родовой стадии, не сразу выработалось сознание своего этнического единства и общее самоназвание. Ведь даже у современных осетин до недавнего времени не было общего самоназвания. Были «иры», «дигоры», «туалы», но осетин вообще не было. Значит, и осетины — не народ, а географический термин?

² Миллер Вс. Осетинские этюды. Ч. III. М., 1887. С. 51.

Другое место у Марцеллина гласит: «Они (аланы) постоянными победами мало-помалу покорили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам».

О чем говорит это место? Допустим, что имя алан действительно распространилось на некоторые соседние племена. Но разве от этого аланы, как особая народность, перестали существовать? В современной иностранной прессе почти за правило принято называть всех советских людей русскими. Но кому же придет в голову на этом основании утверждать, что русские, как особый народ, не существуют, что они являются «географическим понятием»? Правильную оценку замечанию Аммиана Марцеллина дал Ю. Кулаковский³. Если бы Марцеллин употреблял название алан как собирательное, разве стал бы он приписывать им вполне индивидуальную наружность (высокий рост, стройность, русые волосы)? А ведь описание наружности алан сам В. Миллер считает одним из интереснейших мест во всем рассказе Марцеллина. Говорить о народе, которому приписывается определенная внешность (Аммиан Марцеллин), определенный язык (Цец), который посещался десятками путешественников, который поддерживал оживленные сношения с культурными народами Закавказья и с Византией и был хорошо им знаком, среди которого ряд столетий велась христианская пропаганда, закончившаяся созданием аланской епархии, говорить о нем, что это не народ, а «географическое понятие» — это значит впасть в исторический нигилизм.

В числе вопросов, которые могут возникнуть у читателя, мы предвидим такой: если от алан к современным осетинам идет тесная и непрерывная преемственность, то почему у осетин не сохранилось старое самоназвание «алан»? Название «осетин» идет из грузинского *osi* 'осетин', *Oseti* 'Осетия'. Самоназвание отдельных осетинских племен *ir*, *digor*, *tual*, по нашему мнению, местного, кавказского происхождения. Почему же не удержалось название «алан»? На этот вопрос можно ответить, во-первых, что такая смена племенных названий — обычная вещь в истории. Современное название французов, *français*, происходит от названия германского племени франков, между тем как французы по языку продолжают латинскую традицию, а по психофизическому типу — кельтскую.

³ Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца. Кн. 13. Отд. II. Киев, 1899. С. 114–115.

Но, кроме того, неверно, что термин «алан» исчез из осетинского. Он сохранился. Сохранился в фольклоре, в сказках. Там, где в русских сказках людоед говорит о «русском духе», в осетинских неизменно фигурирует «аллонский (= аланский) дух», или «дух аллона-биллона» (*allon-billony smag*). Здесь «аллон» может означать только «осетин», ибо героев своих, осетинских сказок народ, естественно, мыслит осетинами. Если эти герои в сказках зовутся *allon*, то очевидно, что это *allon* было в прошлом самоназванием осетин. Исчезнувшее из обихода, оно удержалось, как это часто бывает, в фольклоре.

Имя алан не исчезло полностью из памяти соседей. В языке мегрелов *alani* значит «герой», «храбрец», «молодец». У тех же мегрелов засвидетельствован обычай *alanúroba*, заключающийся в особом спортивном состязании между двумя партиями молодых людей⁴.

Грузинская география царевича Вахушти также помещает страну алан (*Alaneti*) на запад от Сванетии и на север от Мингрелии (Бедии), т. е. в район нынешнего Клухорского района Грузии⁵.

Почему название алан прикрепились к этому району? Дело в том, что ущелья на запад от нынешней Осетии были вплоть до XIII–XIV ст. заселены осетинами-аланами. Вс. Миллер убедительно доказал это путем анализа топонимических названий. В этих названиях мы то и дело встречаем осетинские слова *don* ‘река’ (в старой форме *dan*), *kom* ‘ущелье’ (в форме *kam*), *æfcæg* ‘перевал’ (в форме *æřčək, æřčək*), *dor* ‘камень’ и целый ряд других осетинских слов: *пухас* в форме *пэхэс* ‘место собраний’; *buwat* (в форме *bawat*) ‘место’; *kurojnæ* (в форме *kuran*) ‘мельница’; *fændag* ‘дорога’; *surx* ‘красный’; *ors* ‘белый’; *ğar* ‘теплый’ и др. Вот несколько таких названий с их осетинскими значениями:

Ghar-dan (‘теплая вода’)

Šaw-dan (‘черная речка’)

Kuran-dan (‘мельничная река’)

Šak-dan (‘оленья река’)

Šaw-kam (‘черное ущелье’)

Məstə-kam (‘мышинное ущелье’), ср. *Məstərdos* ‘мышинная поляна’, (ос. *ærdoz* ‘поляна’)

⁴ Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914. С. 193.

⁵ Вахушти царевич. География Грузии / пер. М. Джанашвили. Тифлис, 1904. С. 237.

Ullu-kam (соединение карачаевского слова *ullu* 'большой' с ос. *kam* → *kom* 'ущелье', 'большое ущелье')

Šari-fčək (перевал Сари, т. е. сванский)

Štulu-fčək (перевал Штулу)

Daut-əpčək (перевал Даут)

Džuar-əfčək (перевал, где есть святилище *Džuar*)

Štur-dor ('большой камень')

Arvi-dor-nəxəš ('место для собраний, где упал небесный камень')

Ərdar-nəxəš [= ос. *ældary-nuxas* 'место княжеского (*ældary*) собрания']

Kurnoyat (= ос. *kuron-wat* 'место, где стояла мельница')

Doghwat ('место скачек')

Ors-fandag ('белая дорога')

Surx — название горы ('Красная')

Sərbət (= ос. *sərvæt* 'пастбище общего пользования')

Fətən (= ос. *fætæn* 'широкий')

Nargə (= ос. *naræg* 'теснина')

Ərqazən (= ос. *ærqazæn* 'игрище', 'ристалище')

Əttor (= ос. диг. *ættor* 'кремень')

Fəzə (= ос. диг. *fəzæ* 'равнина')

Rəñžə (= ос. диг. *rinžæ* 'звериная тропа') и др.⁶

Несомненно, что в ущельях на запад от нынешней Осетии — Черекском, Хуламо-Безенгийском, Чегемском, Баксанском, Верхне-Кубанском — слышалась когда-то осетинская, именно дигорская, речь. Не случайно в этом же районе найдена надпись X в. на осетинском языке, так называемая Зеленчукская надпись.

То обстоятельство, что часть этой территории до последнего времени сохраняла у соседей наименование Алании, служит еще одним свидетельством в пользу алано-осетинского тождества. Как это часто бывает, название прежнего населения, осетинского, было перенесено соседями на новое.

Если осетины являются потомками скифов, сарматов и алан, если они пришли на Кавказ из общей родины иранских народов, если в прошлом они обитали на равнинах Южной России и Северного Кавказа, то не сохранились ли в их фольклоре, в их легендах и преданиях какие-нибудь указания на их отдаленные исторические судьбы, на путь их переселения в нынешние места обитания? А priori больших надежд возлагать на это не приходится. Первое появление осетин на Кавказе произошло очень давно, не менее

⁶См. подр.: Миллер Вс. Осетинские этюды. III. С. 7–10.

2000 лет назад. Этот срок вполне достаточен, чтобы стереть из памяти народа всякие следы событий, имен, впечатлений того отдаленного прошлого. Тем приятнее наше удивление, когда мы в древнейшей части осетинского фольклора, так называемом нартовском эпосе, находим все же кое-какие указания на северный путь движения осетин. Географические упоминания нартовского эпоса, довольно многочисленные, частью запутанные, идущие, по-видимому, из разных эпох и источников, не были пока предметом специального изучения. Но в тех случаях, когда они легко поддаются пониманию, они указывают на север, а не на юг.

Обычная обстановка подвигов героев — *bydyr* 'равнина', притом весьма часто — в соседстве с морем (*denžyz*) или большой рекой (*furd* | *ford*). Море нередко называется по имени: *Saw-denžyz*, *Sadenžyz* 'Черное море'. Название большой реки, *ford*, безупречно соответствует старому названию реки Прут: *Porata*, которая на карте блаж. Иеоронима названа «Аланской рекой» (*Alanus fluvius*). На берегах ее долго существовало аланское (ясское) население, главный город которого до сих пор носит их название: Яссы. Упоминается также река *Idil* — Волга. Об общем наименовании для реки *don* мы уже говорили выше.

В нескольких сказаниях ареной событий является *Taraqajy bydyr*, Тьмутараканская равнина. Гораздо чаще мы видим нартовских героев на *Qumy-bydyr*, Кумской равнине. Как ни скудны эти данные, они ценны тем, что бьют в одну точку: указывают на северное происхождение эпоса и его создателей⁷.

---

⁷О прошлых судьбах народа сигнализируют нередко такие «мелкие» факты, мимо которых проходишь сотни раз, не обращая на них внимания. Дарьяльское ущелье, которое персы и арабы называли «вратами алан», у современных осетин зовется *Arvy-kom*, что значит «небесное ущелье», «ущелье, ведущее в небо». Нам кажется, что в этом названии заключено указание на то, откуда, с какой стороны пришли осетины к Дарьяльскому ущелью. Назвать ущелье, расположенное на северной стороне Кавказского хребта, «ущельем, ведущим в небо» могли только люди, подымавшиеся снизу вверх, с северокавказской равнины к перевалу. Люди, спускавшиеся с перевала вниз, назвали бы его скорее ущельем, ведущим в преисподнюю, а отнюдь не в небо. В сумме свидетельств северного пути осетин на Кавказ и этот маленький факт оказывается словом, которое «из песни не выкинешь».

В плане топонимическом интересно отметить еще, что Дарьяльское ущелье, с древних времен занимаемое с севера осетинами и служившее им обычным путем в Закавказье, арабскими авторами зовется *Bab-al-Alan* ‘вратами алан’, а общеизвестное ДАРИАЛ (груз. *Dariala, Darialani*) происходит от перс. *Dar-i-Alān* ‘аланские врата’, «*porta Alanorum*».

ВАСО АБАЕВ

Тамир САЛБИЕВ

ВАСО АБАЕВ: уроки древнеперсидского

ОЧЕРК

В. И. Абаев с участниками семинара у входа
в Институт языкознания. Москва, 1984 г.

Тетрадь с конспектами

Этим летом, перебирая свой архив, я случайно нашел в числе прочих бумаг свою старую общую тетрадь с записями конспектов, которые делал в конце прошлого века в Москве, когда я посещал в Институте языкознания семинар древнеперсидского языка Василия Ивановича Абаева. Вместе с другими слушателями этого семинара я разбирал тексты, оставшиеся после краха империи Ахеменидов, которая в IV веке до н. э. была завоевана Александром Македонским. Листая эти записи, я снова вспомнил, как тогда в холодной зимней Москве Василию Ивановичу удалось сделать для нас близким то, что было так удалено не только в пространстве, но и во времени, почти на две с половиной тысячи лет. Посещал я этот семинар в течение трех лет, начиная с 1985 и по 1988 год, то есть без малого тридцать лет тому назад.

Больше всего впечатляет последняя запись. Это был конец мая 1988 года. Теперь я отчетливо осознаю, что это была напутственная речь, своего рода отеческое наставление, трогательное своей искренностью и теплотой. Сначала — слова отца Александра Македонского, Филиппа: «Ступай, Македония тебя уже больше не вмещает!» А затем последовало признание самого Василия Ивановича: «Расстаюсь с вами не без грусти. На прощание хочу выразить надежду, что наши занятия дали не только знание древнеперсидского языка, но и стали для вас душевной зарядкой, способствовали укреплению бодрости вашего духа!» Затем он напомнил, что «гуманитарные науки занимаются ценностями, а естественные — вещами». Вечный спор физиков и лириков с явной симпатией к гуманитариям. И все же эта фраза мне представляется ключевой, судьбоносной. Ее смысл в том, что гуманитарные науки ориентированы

Печатается в сокращении по изданию: Салбиев Т. К. Уроки древнеперсидского: записки слушателя семинара Василия Ивановича Абаева / науч. ред. А. И. Иванчик. Владикавказ: ВНЦ РАН, 2024.

не на предметы и явления, а на человека. Доказывать, что изучение древнеперсидского языка — занятие, лишенное какого-либо утилитарного смысла, значит ломиться в открытую дверь. Однако Гете, как известно, говорил, что он ценит искусство именно в силу свойственной ему бесполезности. Голый расчет с неизбежностью ведет к расчеловечиванию.

Самые яркие эпизоды всплывают сами собой, без какого-либо усилия. Мои записи сугубо субъективные, они отражают мое личное восприятие того, что происходило на нашем семинаре. На древнеперсидском языке уже давно никто не говорит, его памятники немногочисленны и во многом однообразны. И все же учиться этому языку стоит. Хотя бы потому, что нашим наставником будет Василий Иванович Абаев, романтик и гуманист, ровесник века, прошедший через все его потрясения, сохранивший при этом веру в добро и справедливость. Расскажу о некоторых из тех уроков, которые мне удалось усвоить самому.

Первая встреча

Я и сам до сих пор до конца не понимаю, что, собственно, привело меня на этот семинар. Имя Василия Ивановича, конечно же, было на слуху, но одного этого вряд ли было достаточно. Скорее всего, решающую роль сыграла встреча, устроенная весной 1985 года в Северо-Осетинском университете. Я тогда работал ассистентом кафедры английского языка и имел возможность присутствовать на ней. Общая атмосфера была достаточно торжественная. Какой-то фотограф непрестанно делал снимки выступающего, что по тем временам еще было большой редкостью. Тем самым у всех присутствующих создавалось ощущение бесспорной значимости текущего момента. Василий Иванович говорил об общих задачах, стоящих перед осетиноведением, о том что «работы еще непочатый край», что он от своего имени призывает молодые силы принять участие в этом совместном благородном труде, но при этом предостерегает от «шапкозакидательских настроений». Он подчеркнул, что прежде всего следует надлежащим образом учиться и лишь затем уже с энтузиазмом, засучив рукава приниматься за дело.

В назидание он привел историю, случившуюся с его учителем, Николаем Яковлевичем Марром. Вскоре после революции к нему, известному тогда ученому, пришел в Петрограде кто-то из земляков и попросил зачислить его в штат сотрудников возглавляемого академиком Института языка и мышления. Замечу, что Николай Яковлевич был родом из Кутаиси. «А по какому, собственно, раз-

ряду?» — поинтересовался Николай Яковлевич. «По кавказско-му», — смело ответил ему соискатель. «А какие кавказские языки вы знаете? — вновь задал вопрос академик. — А знаете ли вы историческую фонетику и сравнительную грамматику этих языков? — не унимался пожилой ученый, сохранивший юношеский пыл. — А знаете ли вы древние языки?» — наконец, спросил он, вероятно тем же строгим тоном. «Нет, ничего этого я не знаю, — последовал ответ, — зато я знаю грузинский!» Был пущен в ход аргумент, до тех пор сберегавшийся про запас и казавшийся бедолаге убедительным. Тогда Марр, тоже не утративший присутствия духа и чувства юмора, подытожил: «Ну, молодой человек, это все равно как если бы рыба заявила, что она ихтиолог!»

Вера в собственные силы, конечно, необходима. Без нее человек беспомощен в бурном потоке жизни. Однако, перед тем как задавать вопросы академику и настойчиво предлагать себя ему в сотрудники, следует все-таки трезво взвесить собственную компетентность и выучку. А иначе можно в одночасье пополнить и без того нередкие ряды «ихтиологов». Да, знания необходимы. Но еще большее впечатление произвела на меня готовность шутя говорить о серьезных вещах. В общем, осталось чувство какой-то особой радости от встречи с Абаевым, от человечности, которую он излучал, и обаяния его незаурядной личности. Теперь мне кажется, что именно эта встреча предопределила ход моих дальнейших действий, эта встреча и привела меня к нему на семинар.

Как правило, перед началом занятий я встречал Василия Ивановича у подъезда института и помогал подниматься ему на второй этаж, где находился сектор иранских языков. Обычно он крепко держал меня за руку чуть повыше локтя, поскольку без посторонней помощи он не мог передвигаться. Так мы сначала заходили в вестибюль. Слева находился гардероб, куда Василий Иванович неспешно следовал. Иногда гардеробщик в синем рабочем халате выходил нам навстречу, выказывая свое уважение. Чаще же я сам помогал ему снять тяжелую горскую шубу из овчины, называемую по-осетински *кæрц*. Он благодарил меня традиционным благопожеланием «*Бирæ цæр!*» («Живи долго!») Иногда он интересовался тем, как идут мои дела. О себе же говорил, что когда его самого спрашивают, как он себя чувствует, то он обычно отвечает известным оборотом «*Саг-дзæбидыры хуызæн!*» («Как горный тур!»). Оборот редкий в современном обиходе, но служащий прекрасным образным олицетворением той самой бодрости духа, о которой я уже упоминал.

День рождения

Была середина декабря, и мы решили отметить день рождения Василия Ивановича. Речь не шла о пышном чествовании. Мы хотели всего лишь использовать эту возможность, чтобы выразить признательность и засвидетельствовать свое почтение патриарху отечественной иранистики. Решили, что после занятий откроем бутылку шампанского и коробку конфет. Каково же было наше удивление, когда в ответ на нашу просьбу таким образом отметить эту знаменательную дату Василий Иванович сказал, что на самом деле он толком и не знает, когда, собственно, родился. Да и сам вопрос о дне его рождения возник впервые в его жизни, лишь когда его принимали в гимназию. Действительно, этот день не принято было отмечать в традиционной культуре, и это было обычным делом для людей начала прошлого века. Однако в тех случаях, когда дата рождения требовалась для каких-либо канцелярских целей, ее определяли во многом произвольно. Так было и в случае с Василием Ивановичем: ему самому пришлось определять, в какой именно день следует ставить на стол торт и задувать свечи.

Подобное равнодушие к празднованию дня рождения в традиции неслучайно. Он если и отмечается, то как праздник сугубо женский, в центре которого находится не столько младенец, сколько его мать. Для младенца же устраивают обряд «*авдæн-бæттæн*» — «укладывание в колыбель», то есть первое приобщение к миру человеческой культуры. Затем будет наречение именем, а потом ему дадут возможность выбрать будущее призвание. Позднее же мальчик с приготовленными для этого случая луком и стрелами отправится просить покровительства особого святого. Выходит, что правила, ставшие для нас привычными, нам не даны испокон века. Они условны и преходящи. А может быть, и не всегда предпочтительны.

Игра на рояле

Когда личность сама по себе яркая, даже события бытового характера вызывают неизбежный всеобщий интерес. В свое время меня впечатлила одна из таких историй, произошедших с Василием Ивановичем в его студенческие годы. Люди, близко знавшие его, обращали, наверное, внимание на то, что мизинец его правой руки несколько изогнут. Обычно все думали, что это следствие каких-то возрастных изменений. На самом же деле это была травма, полученная им в юности. Оказавшись в Петрограде, он стал стесняться этого недостатка и решил исправить дело. Молва описывает эту

историю следующим образом. Изучив список городских хирургов, он решил, что лучше других ему подходит известный профессор Вреден, пользовавшийся хорошей репутацией. С 1924 года до конца своей жизни Роман Романович Вреден заведовал ортопедическим отделением Центрального государственного института травматологии, который сегодня носит его имя. Именно к нему на прием Василий Иванович и отправился в компании одного из земляков.

В те годы в Петрограде работала группа, которая должна была подготовить к печати «Осетинско-немецко-русский словарь» Всеволода Миллера, оставшийся незавершенным после смерти составителя. Одним из участников этой группы был Инал Собиев, который впоследствии и поведал о случившемся.

Внимательно осмотрев мизинец, хирург поинтересовался, а чем он, собственно, беспокоит пациента. Чтобы сохранить лицо, Василий Иванович ответил, что он играет на рояле и потому хочет исправить этот небольшой дефект, из-за которого он не может добиться совершенства в игре. Но хирург категорически отказался выпрямлять мизинец, заявив, что подобные мелочи не заслуживают его участия. Уже на улице раздосадованный Василий Иванович вынес окончательный вердикт, сделав фамилию хирурга «говорящей»: «Этот хирург не только Вреден, но еще и бестолков!» А из распахнутого настежь окна соседнего дома в этот момент, наверное, им вслед лилась мелодия одного из виртуозных этюдов Шопена. Как правило, именно так судьба иронизирует над людьми — всеми, и великими, и обычными. Каждому лишь остается услышать свою мелодию.

Юбилей

Однажды во время наших занятий разговор зашел о чем-то юбилее. Василий Иванович заметил, что к подобным чувствованиям следует относиться с определенной осторожностью. В подтверждение он сослался на историю Важи Пшавелы. Привожу ее в том виде, как она была рассказана.

Важа Пшавела, или Важа из Пшавы, уже при жизни стал классиком грузинской литературы. Он был сельским учителем и обрабатывал бытовавшие в крестьянской среде народные предания, легенды. Некоторые из них, кстати, были положены позднее в основу известного фильма Тенгиза Абуладзе «Молитва» — может быть, одного из самых проникновенных во всем его обширном кинематографическом наследии. Впрочем, это дело вкуса. Когда же Важа Пшавела достиг своего пятидесятилетия, то почитатели его таланта пригласили его в столицу. Поскольку дело происходило до ре-

волюции, то и называлась она тогда на старорежимный манер Тифлисом. С некоторыми перерывами чествования затянулись на несколько лет. Когда же вконец измученный юбиляр слег от воспаления легких в одной из тифлиских клиник и почувствовал свой скорый конец, он обратился к близким с одной-единственной просьбой — чтобы ему в палату привезли сена из Пшавы. Когда это было сделано, то он попросил, чтобы его переложили на него с больничной койки. «И так, — подытожил Василий Иванович, — вдыхая запах сена родной земли, он и испустил свой дух!»

Я вспомнил эту историю несколько лет спустя, когда попал на юбилейные торжества самого Василия Ивановича. В 1991 году во Владикавказе отмечали его девяностолетие. Была удивительная пора ранней осени, когда с утра выпадала обильная роса, а к обеду теплое солнце уже согревало всех своим прощальным теплом. Выразить свое почтение юбиляру в Осетию приехало много гостей. В зале Дома искусств, где все и происходило, царил какой-то всеобщий душевный подъем, было ощущение некоего едва сдерживаемого ликования. Из зала я наблюдал за виновником торжества. Он сидел на сцене, величественно опираясь на свою привычную трость, с самого края президиума, как бы отдельно от остальных, с достоинством выслушивал звучавшие в его адрес поздравления и здравицы. Для того чтобы можно было представить себе степень выражаемого к нему восхищения, скажу лишь, что в числе прочих подарков ему преподнесли и вороного коня, которого под уздцы вывели на сцену. (Что стало с конем потом, я не знаю!)

В заключение юбиляр обратился ко всем с благодарственным словом. Он повторил то, что уже не раз говорил в своих интервью: «После ухода человека никто уже не помнит ни то, какой машиной он владел, ни то, в каком доме жил. Людская память удерживает две вещи — его человеческий образ и труд, которому он себя посвятил». Затем продолжил: «Все, что я делал, я делал ради Осетии и во имя Осетии. Буду трудиться и дальше, а если нет... — тут он добавил по-осетински: — *Уæд мыл уæ къух ауигъут, мæнæй лæг нал и!*» («Можете тогда махнуть на меня рукой, я конченный человек!»)

Историю Важи Пшавелы он все же тогда не упомянул. Но сослался на Толстого, который говорил, что нередко человек напоминает ему дробь — «чем меньше в числителе, тем больше он пытается обозначить в знаменателе», так что в итоге значение дроби стремится к нулю. А завершил свою речь все тем же предупреждением об опасности, которую таят в себе юбилеи. «Дело в том, что юбиляр может искренне поверить во все то, что говорится в его адрес».

Думаю, что каждому из нас стоит помнить об этом подвохе, который таит в себе юбилей. При этом не забывать и о дробях, и не только в дни рождения, но и во все прочие дни нашей столь скоротечно проносщейся мимо нас жизни. А иначе, видимо, до девяностолетия и не дожить, сгорим от чувства собственной значимости.

Легкость бытия

Во Владикавказе, на улице Коцоева, в пятиэтажном доме у Василия Ивановича тоже была небольшая квартира, расположенная в живописном месте на набережной Терека, которая была предоставлена в его распоряжение местным руководством. В ней он иногда останавливался, главным образом по пути на Юг, чтобы передохнуть перед непростой дорогой через Главный Кавказский хребет. В такие дни он нередко проводил встречи с интеллигенцией, писателями, художниками, искавшими любой возможности общения с ним. Одна из таких встреч произошла в конце 80-х годов в Северо-Осетинском институте гуманитарных исследований. После встречи некоторые из присутствующих подошли к нему с книгами, чтобы попросить автограф. Первым к нему побрался Алан Гагагов, работавший тогда в отделе экономики. Позднее он мне обо всем этом и поведал. Василий Иванович не отказал ему в просьбе и подписал книгу, однако предварительно поинтересовался, кому следует адресовать надпись. Было сказано, естественно, «Алану Гагагову». Просьба была исполнена. Следом подошел сотрудник отдела истории Алан Касаев. Ему он задал тот же самый вопрос и затем также оставил памятную надпись и в его книге. Уже вставая из-за стола, он с явным удовлетворением заметил: «Думаю, что если так пойдет и дальше, то скоро аланы достигнут своей былой численности».

Чувство юмора дано нам свыше, чтобы скрасить нашу такую заурядную и часто однообразную жизнь, подсказывая совершенно неожиданный поворот уже, казалось бы, отыгранному судьбою сюжету.

О Коста

Все знавшие Василия Ивановича отмечали его любовь к поэзии. Как-то раз мне и самому пришлось держать перед ним поэтический экзамен. Во время наших занятий он иногда беседовал с кем-нибудь из присутствующих на неожиданно заинтересовавшую его тему. Так и меня он вдруг спросил, а знаю ли я что-нибудь

из поэзии Коста Хетагурова. Но прежде чем я успел ответить, он рассказал небольшую историю. Как оказалось, недавно к нему на консультацию приезжала девушка, занимавшаяся изучением осетинского языка. Перед ней он поставил тот же самый вопрос, и в ответ она стала читать: « — Кæй фырт дæ? — Толайы! — Кæм уыдтæ? — Скъолайы!» (« — Чей сын ты? — Тола! — Где был ты? — В школе!») Стихотворение это крайне простое, если не сказать примитивное, и знанием его пристало хвастать разве что первокласснику, которому, собственно, оно и адресовано. Таким образом Василий Иванович предостерегал меня от повторения подобной ошибки. На мое счастье, я знал и другие стихи Коста. Я прочитал первые две строфы известного стихотворения «Додой», после чего он сам меня остановил. В те годы песню на эти слова Коста часто крутили по радио, и я хорошо их запомнил. Так я получил от него свой первый зачет.

Подобная трепетная любовь, даже благоговение перед фигурой Коста неслучайна. Василий Иванович прекрасно осознавал место, которое поэт занимает в национальной культуре осетин. Небольшая книжка Коста «*Ирон фæндыр*» («Осетинская лира») положила основу осетинскому литературному языку. В ней он не только совершил переход от фольклора, то есть устного коллективного бессознательного, к литературе, то есть книжной традиции, предполагающей индивидуальное авторство. Он изменил сознание осетина, выводя его из рамок общинно-родовых, мифологических на простор мировой истории, открывая ему возможность для обретения личной судьбы. Василий Иванович же осмыслил этот язык, вписав его в круг мировых культурных языков, надежно установив его происхождение и проследив его исторический путь. По времени на это у него ушло в два раза больше, чем у Коста, — полный век. Его научное наследие гораздо более масштабно. Оба прошли через гонения на родине. Однако в конце своего жизненного пути они оба оказались на кладбище Осетинской церкви, обретая вечный покой в соседних могилах.

Вместо заключения

Вот и подошли к концу эти безыскусные записки, сделанные одним из благодарных слушателей Василия Ивановича, черпающего в них, как и было сказано нам в прощальном напутствии, жизнелюбие и бодрость духа. В сущности, я рассказал лишь о самых ярких эпизодах, которые удержала моя память. Сделав над собой усилие, я, безусловно, мог бы припомнить и какие-то другие подробности, но в этом случае ушла бы спонтанность, а с

ней и та естественность изложения, которую я в них особенно ценю. Не переводя дыхания, я поделился тем, что берег до лучших времен, про запас. Понимаю, что теперь — самая пора! Тот случай, о котором А. С. Пушкин говорил: «Откупори шампанского бутылку // Иль перечти “Женитьбу Фигаро”». Главные же итоги, мне думается, таковы.

Как и положено настоящему ученому, Василий Иванович не запутывал очевидное, а делал сложные вещи простыми, понятными и ясными. Таковой мне представляется и сама его жизнь: внутренне цельной, благородной и светлой. Отсюда, вероятно, и идут его так запоминавшаяся всем осанка, его доброжелательность, какое-то радостное свечение. В последнее десятилетие своей жизни он наконец насладился почетом и славой. Он получил Государственную премию, была начата публикация его избранных трудов, в Осетии пышно отметили его девяностолетний юбилей. О нем сняли несколько документальных фильмов, написали книги воспоминаний, память о нем увековечили в названиях улиц. Недавно даже была отчеканена монета с его профилем.

Теперь, окидывая взором написанное, я вижу проступающую сквозь серьезный внешний слой некоторую свойственную урокам Василия Ивановича юмористическую окраску. Признаюсь, что сочетание высокого и низкого, серьезного и легкомысленного, печального и радостного мне представляется необходимым условием, без соблюдения которого не может быть передана правда жизни во всей ее полноте, не может быть обеспечена подлинность повествования. Лишь в этом сочетании обретается свобода мысли, ничем не ограниченный полет воображения, то есть то, что и является главным проявлением творческого самовыражения. В этом наиболее ясно обнаруживает себя легкость бытия, ставшая одним из главных впечатлений, которые на протяжении всех этих лет остаются со мной и позволяют не согнуться под тяжестью земного притяжения, преодолевая его в форме пусть и ироничной, но плодотворной.

Вместе с концом наших занятий для меня навсегда завершилось еженедельное приобщение к личности не просто значительной, но, как теперь всем очевидно, безусловно величественной. Напоследок выражу убеждение, что его уроки древнеперсидского наверняка окажутся полезны не только мне одному, но и сослужат хорошую службу любому, кого «Македония уже больше не вмещает» и кто открыт миру!

Зоя САЛАГАЕВА

В. И. АБАЕВ
И ЛИТЕРАТУРА

ОЧЕРК

В 1995 году в составе делегации от Северной Осетии я приехала в Москву на юбилей В. И. Абаева — 95-летие со дня его рождения и 70-летие научно-педагогической деятельности. Через три дня после юбилейных торжеств посетила семью Абаевых. Разговор зашел о литературе. «Очень любил читать, как научился грамоте, — сказал В. И. Абаев, — чтение было моей страстью». Он вспомнил свои гимназические годы в Тбилиси: «Из библиотеки я уходил самым последним. Меня там знали все, вплоть до уборщиц».

Мне посчастливилось заглянуть, только заглянуть, в творческую лабораторию юного Василия Ивановича. Ученый предоставил мне возможность ознакомиться с его тетрадями за 1916–1920-е годы, куда он заносил свои мысли о прочитанных книгах. Это огромный список шедевров русской и мировой литературы, а также книг по философии, эстетике, искусству, религии...

«Эти тетради Василий Иванович никогда никому не показывал», — заметила на редкость обаятельная Ксения Григорьевна Цхурбаева, жена и друг Василия Ивановича, известный музыковед и фольклорист, ушедшая из жизни в 1996 году.

«Есть книги, которые имеют познавательное значение, — сказал Василий Иванович, — но есть такие произведения, после прочтения которых наступает какое-то просветление, как-то очищаешься от грязи. Очень большое значение придаю образу положительного героя. Положительный герой заражает тебя. Самые любимые герои мои Дон Кихот и князь Мышкин. Сервантес мог бы назвать свой роман “Идиотом”».

Печатается по изданию: Актуальные проблемы иранистики и теории языкознания: Материалы междунар. науч. конф. Владикавказ, 2002.

Кроме «Дон Кихота» Сервантеса и «Идиота» Достоевского, среди любимых своих произведений он назвал «Валерик» М. Ю. Лермонтова, «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, «Дары волхвов» О. Генри, «Зеленая калитка» («Дверь в стене») Г. Уэллса, «Алые паруса» А. Грина.

И вдруг Василий Иванович обратился ко мне с вопросом: «Какое у Пушкина самое лучшее стихотворение?»

И я, более трех десятилетий читавшая студентам лекции о Пушкине, как-то растерялась. Если бы речь шла о моем любимом стихотворении Пушкина — это дело другое. Единственное, что я могла ответить, — у Пушкина нет слабых стихотворений. И тогда Василий Иванович сказал, что лучшее стихотворение Пушкина «Возрождение», и прочитал его от начала до конца наизусть. «Человек рождается как художник, — пояснил он, — но потом жизнь наносит свое. Но не надо терять надежду, ты обретишь краски “первоначальных чистых дней”». Так философски воспринимает В. И. Абаев поэзию Пушкина. А когда я сказала, что у Льва Толстого любимым произведением Пушкина было «Воспоминание», Василий Иванович прочитал наизусть и это стихотворение.

«Василий Иванович знает наизусть почти всю поэзию Пушкина», — сказала Ксения Григорьевна.

На мой вопрос, с кем из русских писателей он был знаком, Василий Иванович ответил: «Со Всеволодом Рождественским. Он написал обо мне стихотворение “Охотник Вассо”».

* * *

Связи В. И. Абаева с литературой имеют различные формы проявления и характерны для всего его творчества. Это и чисто теоретические труды о стихосложении и поэтике, и анализ художественных текстов, и проникновение в творческую лабораторию писателя, в особенности его таланта, воссоздание его литературного портрета, его жизни, его творческого облика. Это — текстология и переводы, и живой иллюстративный материал его «Историко-этимологического словаря», отражающий языковое, фразеологическое богатство осетинской литературы.

Научные интересы В. И. Абаева охватывают проблемы осетинской, грузинской, русской, античной, западноевропейской, восточной литературы. В своих работах он касается имен и произведений таких писателей, как Гомер, Эсхил, Фирдоуси, Руставели, Данте, Шекспир, Руссо, Вольтер, Дидро, Бёрнс, Шиллер, Гёте, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Бестужев-Марлинский, Белинский, Гер-

цен, Чернышевский, Некрасов, Достоевский, Лев Толстой, Чехов, Максим Горький, Важа Пшавела, А. Казбеги, А. Блок, А. Исаакян, Маяковский, Сент-Экзюпери и др.

Центральное место в трудах В. И. Абаева занимают осетинские писатели, проблемы осетинской литературы. В его работах рассматриваются мифологические и фольклорные корни осетинской литературы, народность и гуманизм ее, проблемы творчества Ивана Ялгузидзе, Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Блашка Гурджибекова, Александра Кубалова, Георгия Малиева, Чермена Бегизова...

В работах В. И. Абаева проявляется органическое единство литературоведа и лингвиста. Он не отрывает художественное произведение от языка и нередко через анализ слова приходит к интересным литературным находкам. Так было, например, с образом Вия из повести Н. В. Гоголя, о чем речь пойдет ниже.

В. И. Абаев — первый осетинский теоретик литературы. В статье «Тоническое или метрическое?» он доказал, что осетинскому языку доступен стих и силлабический, и тонический, наилучшие результаты дает, однако, сочетание тонизма с метризмом¹.

Дальнейшее развитие осетинской поэзии показало, что молодой В. И. Абаев был прав, когда утверждал: «Осетинское стихосложение должно идти по пути, проложенному народной поэзией, с одной стороны, и “Ирон фандыр” Коста — с другой»².

Особенно значительны заслуги В. И. Абаева в изучении жизни и творчества Коста Хетагурова. Ему он посвятил несколько специальных исследований: «Коста Хетагуров», «Коста и осетинская культура», «Что значит Коста для осетинского народа», «Коста — народный поэт Осетии», «Еще раз о Коста» и другие.

К нему он обращался вновь и вновь и в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка», и в монографии «Нартовский эпос», и в многочисленных своих лингвистических трудах. Отмечая многогранность дарования Коста Хетагурова, разнообразие жанров и тематики его произведений, ученый выделяет в нем как главную черту лиризм. Но лиризм в широком понимании этого слова, лиризм не только любовной, но и гражданской поэзии его, лиризм, пронизывающий и все его эпические произведения³.

Еще в 1939 году одним из первых среди ученых В. И. Абаев четко сформулировал два основных источника поэзии Коста Хетагурова: осетинский фольклор и русская классическая литература⁴.

В. И. Абаев подготовил первое академическое издание произведений Коста⁵, написал к нему предисловие и часть комментариев.

Впервые здесь он привел фольклорные тексты, близкие к произведениям Коста Хетагурова, поставив таким образом на прочную научную основу проблему связи поэта с осетинским фольклором.

Одной из основных проблем исследований В. И. Абаева является проблема народности Коста Хетагурова, к решению которой он подходит многоаспектно. Это и глубокая, органическая связь поэта с народом, то, что он — «лучшая частица» самого народа.

Народность Коста Хетагурова и в том, что он отражает самые животрепещущие вопросы народной жизни, и в том, что его поэзия близка и понятна народу. «Говорить с народом о том, что его больше всего волнует, и в такой форме, которая покоряет и захватывает его без остатка, — эту тайну Коста постиг в совершенстве, и поэтому он стал поэтом народным в самом высоком и полном значении этого слова»⁶.

Народность Коста Хетагурова заключается и в том, что его поэзия стала актом самосознания осетинского народа.

В статье «Еще раз о Коста» В. И. Абаев подчеркивает национальное и мировое значение Коста Хетагурова и ставит его в один ряд с крупнейшими представителями мировой литературы. «Народы с гордостью произносят имена людей, — говорит В. И. Абаев, — в которых с наибольшей полнотой и блеском раскрылся их национальный гений. Англичанин говорит — Шекспир. Шотландец говорит — Бёрнс. Немец говорит — Гёте. Итальянец говорит — Данте. Русский говорит — Пушкин.

Мы, осетины, говорим — Коста, и душа наша наполняется гордостью и трепетной любовью»⁷.

Рядом с именем Коста Хетагурова В. И. Абаев ставит в осетинской литературе имя Сека Гадиева. «Сека вместе с Коста олицетворяет весну осетинской литературы. Отсюда неувядаемое очарование их произведений»⁸.

Особо выделяются образы горянок как одно из высочайших достижений в творчестве Сека Гадиева. «Созданная им галерея женских образов — Азау, Айсса, Залда, Гурдзыхан, Тамар, Марине, Дыса, Манидза — лучший памятник женщине-горянке, — говорит В. И. Абаев. — Одновременно целомудренные и страстные, застенчивые и смелые, сохраняющие в любых испытаниях человеческое достоинство, душевную красоту и гуманность, — они внушают глубокую симпатию»⁹.

В статье В. И. Абаева четко определено место Сека Гадиева в истории осетинской литературы как основоположника прозы.

В статье «О Георгии Малиеве» В. И. Абаев сумел несколькими штрихами показать особенности таланта поэта, нарисовать живой его образ. Он подчеркнул в Георгии Малиеве то, что это был «вдохновенный поэт-романтик и великий мечтатель»¹⁰.

Поразительно мастерство Абаева-критика при рассмотрении лирических произведений Георгия Малиева, его изящный, едва уловимый переход от анализа идейной глубины произведений писателя к их музыкальности.

Пастух Гудзуна у Георгия Малиева — бедняк, почти «дурачок» в глазах окружающих, но когда он берется за свирель, то преобразается и возвышается над всеми. «Вдохновение облакает его в мудрость. <...> Но вдохновение, — пишет В. И. Абаев, — сродни не только мудрости. Оно сродни также героизму. И мы видим, что в час тяжкого испытания, когда в Дигорию вторглись ее заклятые враги, именно он, презираемый всеми Гудзуна, бесстрашно вступает в неравный бой с недругом и ценой собственной жизни спасает родину»¹¹.

В. И. Абаев обращает внимание на мастерство Г. Малиева в изображении силы любви, силы музыки и поэзии (анализ поэмы «Сын пастуха бедный Махамат»).

Поэзия Георгия Малиева, по мнению В. И. Абаева, звала вперед «к свету и подвигу», писатель «мечтал о том времени, когда народы побросают оружие и будут жить как братья»¹².

Одна из излюбленных тем литературоведческих исследований ученого — взаимодействие и взаимосвязь фольклора и литературы, генезис того или иного фольклорного мотива в художественном произведении. Он ввел в литературоведение комплексно-эзегетический метод (эзегеза — греч. слово, толкование древних текстов).

В свое время мы обратились к В. И. Абаеву с вопросом, как понимать комплексно-эзегетический метод. Ученый ответил, что это одновременный и взаимосвязанный анализ художественного произведения, имеющего народную основу, в пяти аспектах: лингвистическом, филологическом (структурно-типологическом), мифологическом, историческом (реально-исторический фактор), текстологическом.

Метод комплексно-эзегетического анализа дает широкие возможности для исследования прежде всего генезиса литературных явлений, вскрытия в произведениях, имеющих народную основу, древнейших пластов, донесших до нас поэтическую традицию прежних художественных систем, мифологические образы, а также те понятия, смысл которых уже неизвестен современному человеку.

С позиций комплексно-эзегетического метода В. И. Абаев подошел к анализу поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», «Илиады» Гомера, «Слова о полку Игореве», повести Гоголя «Вий».

В статьях о поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»¹³ (В. И. Абаев считает правильнее называть поэму «Витязь в барсовой шкуре», так как на Кавказе, по его мнению, водились барсы, а не тигры) он выделяет в ней мотивы фольклора Грузии и Северного Кавказа и доказывает ее оригинальность, органическую связь ее с жизнью и историей грузинского народа. Это, например, каджи — образы, типичные для грузинского фольклора. Он приводит параллели к витязю в барсовой шкуре Тариелу образы героев в шкуре животных из нартовских сказаний. Это — нарт Патраз в коровьей шкуре, освободивший из крепости красавицу Гунту (абхазское нартовское сказание), нарт Сослан, надевший на себя шкуру быка и захвативший крепость, в которой томилась красавица Агунда (осетинское нартовское сказание), Горгоныж, который под защитой шкуры кабана овладевает крепостью (кабардинское нартовское сказание).

В образе героя в шкуре животного В. И. Абаев видит следы древнейших тотемических и магических представлений, которые ко времени создания поэмы «Витязь в барсовой шкуре» уже утратили свое значение. Однако в тех фольклорных произведениях, на которые опирался Шота Руставели, они играли еще главную роль, без них невозможна была победа. Вот почему поэт сохранил за своим главным героем Тариелом барсовую шкуру, хотя в самой поэме она уже почти никакой роли не играет.

«По нашему убеждению, — пишет В. И. Абаев, — взятие Трои в оболочке (деревянного) коня есть переосмысление и рационализация того же древнего мотива о борьбе героев в образе животных...

...Не барсовая шкура, не шаманские приемы решают исход борьбы. Победу приносит воинская доблесть и сила. Характерно, однако, что автор чувствовал неустрашимость барсовой шкуры из сюжета, как Гомер чувствовал неустрашимость бычьей, коровьей и кабаньей шкуры, в которые влезают герои перед решающей схваткой»¹⁴.

В статье «Троянский конь» В. И. Абаев пишет: «Две стихии, шаманская и воинская, проникают в той или иной степени все древние народно-эпические памятники...

...Шаманская струя в эпосе древнее, чем воинская. Не потому, что шаманская функция древнее воинской — обе функции так же стары, как человечество.

Дело в том, что... корни героического эпоса уходят в глубину веков, когда человек, еще не овладевший металлами, был слишком беспомощен перед лицом грозных стихий природы, чтобы полагаться на свою силу. Он больше верил в колдовство и заклинания, чем в воинскую мощь. Отсюда появление многочисленных сюжетов на тему “шаман сильнее воина”.

Другая причина, почему шаманское начало в эпосе древнее воинского, состоит в том, что шаманы и были древнейшими рапсодами, и первая песня была вместе с тем и первым заклинанием»¹⁵.

В статье «Жанровые истоки “Слова о полку Игореве” в свете сравнительного фольклора» В. И. Абаев справедливо подчеркивает трагедийный характер «Слова». Это — описание гибели русского войска в битве с половцами. Фольклорную основу «Слова», по мнению В. И. Абаева, составляет мужской плач. А мужской плач «обязательно содержит в себе элемент прославления, прославления погибших»¹⁶.

Мужские плачи могут превращаться в героические песни, как, например, в осетинском фольклоре — осетинские героические песни. В. И. Абаев широко использует прекрасную работу К. Г. Цхурбаевой об осетинских героических песнях¹⁷.

«Разумеется, “Слово” не может быть отождествлено с народным плачем-песней, — пишет В. И. Абаев. — Оно представляет новую, высшую ступень развития жанра — героическую поэму»¹⁸.

В. И. Абаев рассматривает и заглавие памятника «Слово о полку Игореве». Он считает, что «оплакивать можно погибших воинов, а не факт похода как таковой. Поэтому понимание «Слова» как «Плач» подсказывает и понимание слова «полк» как «воинство», а не «поход».

«В итоге мы приходим к выводу, — пишет В. И. Абаев, — что “Слово о полку Игореве” всего вероятнее “дешифруется” не как “Повесть о походе Игоря”, а как “Плач о войске Игоря”»¹⁹.

Что же касается прославления Игоря, то это, по мнению Абаева, «позднейшие включения». Утверждение В. И. Абаева, что Игорь — антигерой, конечно, носит полемический характер. Но в то же время, как нам кажется, В. И. Абаев прав, когда пишет: «Первоначальный, глубоко народный высокохудожественный “плач” о Русской земле был деформирован, искажен примитивными, резко диссонирующими прокляжескими включениями»²⁰.

В статье «Образ Вия в повести Н. В. Гоголя» ученый доказывает связь образа Вия с индоиранской мифологией, с индоиранским

богом-демоном Vâу, который первоначально выступил как божество ветра, а позднее «как высшее божество, как божество неба, как бог войны и, наконец, как бог смерти»²¹.

Сходство гоголевского Вия с индоиранским богом Vâу доказывается сначала на основании лингвистического анализа этих имен: «В соответствии с индоиранским Vâу мы ожидаем старославянское Вѣй. В русском, если бы слово в нем сохранилось, мы имели бы Вей. В украинском закономерно — Вій.

Таким образом, со стороны звуковой мы имеем безупречное соответствие Vâу — Вій»²².

Другой аспект исследования сходства Вия Гоголя с божеством Vâу в работах ученого — мифологический. Он указывает на то, что украинскому Вию была присуща функция смерти, которая сохранилась в «Авесте».

Исследователь приводит в своем переводе (в метрической форме) текст из «Авесты», который зороастрийцы произносили во время погребального обряда.

*Можно пройти путем,
Где в засаде дракон-пожиратель;
Не пройти лишь там, где стоит
Не знающий жалости Вау.
Можно пройти путем,
Где в засаде медведь темно-бурый;
Не пройти лишь там, где стоит
Не знающий жалости Вау.
Можно пройти путем,
Где в засаде разбойник лютый;
Не пройти лишь там, где стоит
Не знающий жалости Вау.
Можно пройти путем,
Где в засаде конное войско;
Не пройти лишь там, где стоит
Не знающий жалости Вау.*

Смысл «панихиды» ясен; человек может избежать в жизни любых опасностей: дракона, дикого зверя, разбойника, даже целого войска, но уж если он встретил бога смерти Вау, ему нет спасения. В образной форме излагается мысль о неотвратимости смерти.

Быть может, гоголевский Вий, выходящий из подземного, т. е. загробного мира для расправы со злополучным бурсаком, есть не кто иной, как опустившийся, ушедший в «подполье» под натиском

христианства языческий бог смерти. И тогда понятно, что Хома Брут, успешно борющийся с ведьмой и целым сонмом чудовищ, испустил дух, как только появился Вий²³.

В. И. Абаев считает, что имя Вия не сохранилось в украинском фольклоре под «натиском христианства», оно попало под табу, Гоголю же «посчастливилось» еще услышать народное произведение об этом «зловещем существе».

Через анализ содержания слова «абрек» в произведениях «Аммалат-бек» Бестужева-Марлинского, «Бэла» Лермонтова, «Казак» Л. Толстого, а также в филологических трудах В. Даля и других В. И. Абаев говорит о теме Кавказа в русской литературе, о романтическом и реалистическом восприятии кавказской действительности русскими писателями²⁴.

Особенно часто В. И. Абаев обращается к Пушкину. Он с восхищением пишет о жизненности художественных образов Пушкина, например, об образе летописца Пимена в «Борисе Годунове», о художественной правде его произведений.

Характерно, что, называя всего четыре имени, в которых воплотилось общечеловеческое, В. И. Абаев включает в их число Пушкина: «Общечеловеческое значение Платона, Шекспира, Гёте, Пушкина основано на том, что в их творчестве с большой полнотой и совершенством раскрылась духовная мощь греческого, английского, немецкого, русского народов»²⁵.

Мы остановились далеко не на всех вопросах, связанных с многогранной деятельностью В. И. Абаева как литературоведа и критика. Совершенно не затронуты многочисленные высказывания его о восточной литературе, например о «Шах-Наме» Фирдоуси. Не касались мы и переводческой деятельности В. И. Абаева. А между тем ему принадлежат переводы древнеперсидских надписей, широко известны и его статьи об этих текстах

Конечно, мечтательность — удел поэтов. Но мечтатель и Василий Иванович Абаев. Он в своей исследовательской работе охвачен подлинным вдохновением. И в его научных трудах мы часто встречаемся с чудесными лирическими отступлениями, которые выдают в нем мечтателя, поэта.

«Ктесий сохранил нам замечательную историю любви сакской царицы Зарины и Стриангия, — пишет В. И. Абаев. — Нельзя без глубокого волнения читать этот романтический эпос о любви, которая сильнее смерти. Если бы Шекспир знал этот сюжет, мы имели бы еще одну трагедию такой же и более потрясающей силы, чем «Макбет» и «Отелло»»²⁶.

Это ли не мечтатель, это ли не поэт!

И все-таки В. И. Абаев прежде всего филолог, филолог широкого профиля. Его работы, будь то «Троянский конь» или «Образ Вия в повести Н. В. Гоголя», «Историко-этимологический словарь осетинского языка» или «Скифо-европейские изоглоссы», статьи о Шота Руставели или «Слове о полку Игореве», о Коста Хетагурове или Георгии Малиеве, имеют общефилологическое значение.

* * *

Судьба всегда была щедра к В. И. Абаеву. И помимо редких даров, которыми она наградила его как ученого и человека, она одарила его еще возможностью войти в русскую поэзию — стать героем стихотворения «Охотник Вассо» известного русского поэта Всеволода Александровича Рождественского (1895–1977).

Стихотворение “Охотник Вассо” имеет иносказательный характер. Это не буквальное фотографическое описание, а внутренняя суть героя, тонко прочувствованная поэтом. Этот герой Всеволода Рождественского — вечный охотник. Дух его устремлен к облакам.

*Он стоит, как сосны на рассвете
В ледяной сверкающей траве²⁷.*

Ученый — это охотник за неизвестным, тот, кто вечно преследует и вечно настигает свою добычу. Охотник Вассо у Рождественского воплощает в своем облике все те восхитительные черты, с которыми связывает русский поэт свое представление о Кавказе — мужественность, высокие идеалы и высокие принципы.

*Чтоб с тех пор не сакли — там, над кручей, —
Не кизячный, слишком душный дым,
А в клочки разодранные тучи
Он любил над лесом снеговым!
Чтобы верил сердцем только глазу,
Чуял тура, знал олений след,
Бил орла, медведя и ни разу
Не нарушил дедовский завет.*

Стихотворение «Охотник Вассо» — это гениальное предвидение любящего, дружеского сердца, угадавшего главное в этой необычной жизни — жизни В. И. Абаева:

*Так и жил он: легче водопада,
Злей костра. Кончая снежный век,*

*Как ружье, приподнятого взгляда
Не опустит этот человек!*

Образ охотника с ружьем, не опускающего взгляда ни перед чем, глубоко символичен. Василий Иванович Абаев отличается необычайной стойкостью и благородством. Все знают, что он не предал своего учителя Марра. А когда Дмитрий Сергеевич Лихачев только что вернулся из ссылки, когда его еще не считали ни мэтром, ни совестью народа, он обратился к В. И. Абаеву с просьбой помочь напечатать его статью. И Василий Иванович сделал все, чтобы статья тогда еще опального Лихачева появилась в печати.

Об отношении В. А. Рождественского к В. И. Абаеву красноречиво говорят и следующие стихи:

*Что ж, Вассо, на шкур медвежьих ворох
Крепче ставь кремневое ружье.
Круче сыпь зернистый сизый порох
В это сердце — гулкое, мое!*

Стихотворение «Охотник Вассо» написано в 30-х годах, когда Василию Ивановичу не было еще и 40 лет. Но уже в этот период своей жизни он берет одну за другой такие научные вершины, любой из которых достаточно, чтобы увековечить имя ученого. По свидетельству Тотырбека Джатиева, высокую оценку трудам В. И. Абаева о нартовском эпосе дал Александр Фадеев: «"Счастлив нартский эпос, очень счастлив, что имеет такого исключительно талантливого исследователя, как вы, Василий Иванович. Спасибо, сердечное спасибо за титанический труд по глубокому всестороннему изучению героического нартского эпоса осетин", — сказал Александр Фадеев, горячо, по-фадеевски пожимая руку ученому, когда обсуждение его доклада о нартском эпосе в Союзе писателей СССР (1949) закончилось и Василий Иванович прощался с писателями — участниками этого форума»²⁸.

«Ваши труды созданы для вечности, вся ваша деятельность — образец великого служения науке»²⁹, — писал В. И. Абаеву адыгейский писатель Тембот Керашев.

Образ В. И. Абаева вошел и в осетинскую литературу. Народный поэт Осетии Гриш Плиев (1913–1999) в стихотворении «Амайæг. Абайты Васойæн»⁵⁰ («Ваятель. Васо Абаеву») сравнивает прошлое осетинского народа с рухнувшим древним храмом — башней, от которой остались одни камни.

*Акалди кувæндон — рагон мæсыг,
Иу ма дзы баззад — пырхæнтæ.
Амайæг дурты рæдзæгъдтæм кæсы
Æмæ йæ зæрдæ нырхæндæг.*

*Рухнула башня — языческий храм.
Мертвые камни кричали...
Глянул ваятель на каменный хлам,
Сердце объялось печалью³¹.*

При отсутствии летописей и других письменных источников для установления истории народа важное значение приобретает изучение истории его языка.

Еще в 1925 году молодой ученый В. И. Абаев писал: «Каждое слово в языке есть живой отпечаток какого-либо факта в его настоящей и прошлой жизни, и история языка есть история народа. И если поработать над этими драгоценными живыми древностями, словами, то, может быть, на фоне истории осетинского языка станут вырисовываться смутные контуры истории осетинского народа»³². А поработал В. И. Абаев с того времени на славу. И в его ныне всемирно известных трудах «Историко-этимологический словарь осетинского языка», «Скифский язык», «Скифо-европейские изоглоссы», «Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка» и во многих других зримо предстали не только контуры, но сама история его родного народа во всей ее сложности и богатстве.

Высокое поэтическое мастерство Гриша Плиева дало ему возможность проникновенно изобразить подвиг В. И. Абаева в восстановлении истории осетинского народа и его языка.

*Де знаг йæ фароны сæфтæн быхсæд, —
Нал уыдзæн уымæн йæ фидæн...
Амайæг фаронæй фидæны 'хсæн
Хи зæрдæ сæвæрдта хидæн:*

*Цадæггай мæсыгæн фидар бындур
Развæлгъау сныв кодта сæры,
Уый фæстæ авд хатты равзары дур,
Иу хатт æй къулыл æвæры.*

*Враг наш не раз под стрелой и копьем
Здесь спотыкался и сгинул...*

*Мастер меж прошлым и будущим днем
Сердце, как мост, перекинул.*

*Мастер заранее вывел на глаз
Башни фундамент, украдкой
Взвешивал каждый он камень семь раз,
Прежде чем заняться кладкой.*

Поэт описывает вдохновенный и неутомимый труд В. И. Абаева как ученого.

*Рагъæй сæууон хур куы сдары йæ сæр, —
Амайæг бассивы дыстæ,
Арæхсгай дунейы дурты хуыздæр
Бавæры къулы æнтыстæй.*

*Голову солнце поднимет едва,
Мастер уже, засучив рукава,
Мрак разгоняя недавний, —
Выбрал надежные камни.*

Шли годы, мастер поседел, но он сумел воздвигнуть высокую башню, которая принесла ему всемирную славу.

*Базæронд амайæг, фæлæ уæддæр
Мæсыг фæбæрзонддæр мигъæй, —
Арвирдмæ сфардæг йæ сызгæрин сæр,
Дзыллæ йæм кастысты джихæй.*

*Уалынмæ кувæндон амад фæци,
Слæууыди зæронд йæ разы,
Æмæ йæ фæллад цæстыты бын цин
Хурмæ цæппузырты хъазы.*

*Юный строитель состарился, но —
Облака выше творенье,
Золотом с неба сияет оно,
Мир приводя в изумленье.*

*Как первозданная — башня стоит,
Рядом возвысился мастер.
Взгляд — пусть усталый, — но все же таит
Радость победы и счастья.*

Народный поэт Осетии Георгий Кайтуков в стихотворении «Вассо Абаеву, в день 80-летия»³³ выделяет достижения В. И. Абаева в изучении нарттовского эпоса.

В книгах В. И. Абаева, по мнению Георгия Кайтукова, оживают и аланы, и герои нарттовского эпоса.

*В них мчатся гордые аланы,
И бег коней неумолим.
В них нарт Сослан с Хамицом вместе
Идут на недругов своих,
И Урызмаг на подвиг чести
Вновь наставляет молодых.*

Георгий Кайтуков сравнивает В. И. Абаева с нартами и утверждает, что он так же бессмертен, как нарты.

*Но ведь живут доныне нарты,
А ты — один из них, Вассо!
И говорю я: «С добрым утром,
Гордится сыном весь Кавказ!
Как Урызмаг, будь славным, мудрым,
И сильным будь, как нарт Батраз!*

Гафез (Федор Захарович Гаглойти) уверен, что бы ни случилось с Осетией, какие бы беды ни выпали на ее долю, вечно будет сиять башня, созданная Абаевым, народ всегда найдет к ней дорогу:

*Фæлæ дæ фæнд нæ ныуагътай æрдæгыл,
Фæдæ нæ ивгъуыд арæзт æмæ фыст.
Куы сыста арт Ирыстоны æрнæгыл,
Куы хуыдуг кæна адæймаджы хъызт,*

*Уæддæр нæу тас дæ дзырмад мæсыгæн, —
Æнус-æнусты 'нæхæлгæ лæудзæн.
Ирон лæг ын йæ ирд тæмæн, йæ зынгæй
Йæ фæндаг ардзæн, уæнгрогæй цæудзæн³⁴.*

*Но не оставил ты задуманное тобой,
Закончил описание нашего прошлого,
И если даже охватит пожар Осетию,
И если будет в ней трудно дышать человеку,*

*Все равно нет опасности для твоей башни,
Построенной из слов,*

*На веки веков будет стоять, не разрушится.
Осетин по ее яркому сиянию, по ее огоньку
Всегда найдет дорогу к ней и будет бодро идти к ней.*

(Подстрочный перевод)

Ахсар Кодзаты в стихотворении «Фарны лæг» («Дарящий счастье») рассматривает труды Абаева как небесный дар, освещающий не только прошлое осетинского народа, но и его будущее, его завтрашний день. Благодаря им Василий Иванович вошел в мир нартов, скифов и алан, он разделил с ними их славу:

*Дæу нарт сæхимæ се 'мсæр лæггæй райстой,
Æмæ дæ хонæм буц номæй: Нæртон.*

*Хуыдтой дæ стæрты скифтæ 'мæ алантæ,
Сæ кады хохмæ се 'мхуызон хызтæ.
Сырдоны хин, Сатанайы кæлæн дæ
Лæггæвзарæнты, карз тохты хызта.*

*Тебя нарты признали как равного,
И называем тебя почетным именем Нарт.*

*Брали тебя с собой в походы скифы и аланы,
К вершине славы вместе с ними ты шел.
Хитрость Сырдона, чародейство Сатаны
Оберегали тебя в испытаниях мужества, в тяжелой борьбе.*

(Подстрочный перевод)

В стихотворении «Осетинское слово», посвященном Василию Ивановичу Абаеву, Ахсар Кодзаты прослеживает трудности, которые выпали на долю осетинского языка с древнейших времен, и подчеркивает стойкость и несгибаемость его.

Приводим стихотворение «Осетинское слово» в переводе русского поэта В. Бурича:

*Какой несокрушимой силой ты обладаешь, наше слово!
Столетья ты для нас хранило дыхание очага родного.*

*Тебя, как клятву, не руками — своими стрелами когда-то,
Подковами коней на камне писали скифы и сарматы.*

*Ты, странствуя, искало мира на берегах Днепра и Дона,
Мечтой безумной Донбеттыра³⁶ ты родилось во время оно.*

*Тебя заковывали в цепи, тебя закапывали в дюны
Завоеватели-пришельцы агурь и злодеи гунны.*

*Копьем твое пронзали тело, но не просило ты пощады,
В тебя отравленные стрелы не раз пускали из засады.*

*Каких мучений ты не знало, чего не видело на свете,
Тебя в беде — и так бывало! — бросали собственные дети...*

*Но не смирясь, в борьбе кровавой ты воевало, как мужчина,
Не уронило нартов славы и древней чести осетина.*

*И, как фатыг³⁷, ты закалялось в огне смертельного сраженья,
В глазах поэта загоралось огнем высоким вдохновенья.*

*Ты мой обет, мое владенье, мой небосвод, моря и реки...
Дай мне свое благословенье, проникни в грудь мою навеки!*

*Ты боль и страсть в груди рождаешь, чтоб
в вольных песнях зазвучали.
И эти песни поднимаешь, неся их в солнечные дали.*

Шамиль Джикаев в стихотворении «Васо»³⁸ рисует образ Абаева — ученого и человека, выделяет его ум, пронзающий века, благодаря чему осетинский язык по праву вошел в круг языков счастливых, передовых народов.

*Ныйирд йæ цæсгом Уарзт æмæ Хъуыдытæй:
Уый — махæн судзы знæт тары Цырагъ.
Йæ хъуыды — Арт, йæ зæрдæ та — Гæнах,
Кæсы Сыгъдæг Уд цæстыты æрфытæй...*

*Уый рух æрцагъта сау Дугты фыстытæй,
Уый райхæлдта Къуыбылойы æндах...
Фæрныг адæмты стыр Ныхасмæ мах
Хæссæм нæ Дзырд историйы цъæссытæй.*

*Озарилось лицо его Любовью и Мыслью:
Это для нас он освещает темное прошлое.
Его мысль — Огонь, а сердце — Крепость,
Смотрит Светлая Душа его из глубины глаз.*

*Он осветил слова из темных прошлых веков,
Он развязал Клубок истории...
В большой Круг счастливых народов
Внес наше Слово из исторических глубин.*

(Подстрочный перевод)

«Масштабность поднимаемых проблем, глубина и общественно-историческая значимость научной мысли и обобщений — вот стиль работы Вассо Абаева, — отмечает Шамиль Джикаев в статье «В. И. Абаев — фольклорист». — Все его труды пронизаны идеями гуманизма, согреты чувством патриотизма и человечности, любовью к истине и познанию. Он пишет для народа и во имя народа, он мыслит ясно. И этим обусловлена доступность его трудов, лаконизм выражения и образность изложения, в этом неоспоримое достоинство его научного стиля, чуждого схоластики, свободного от бремени заумных фраз и словесной шелухи. Его язык свободен, чист и прекрасен. Подвижнический труд и честное служение науке наполняют всю его жизнь, которая сама является подвигом»³⁹.

Широко известны высказывания о В. И. Абаеве писателей Тотырбека Джатиева, Максима Цагараева, Кудзага Дзесова, Хаджи-Мурата Дзуццаты, Нафи Джусойты, Вассо Малиева и многих других.

Тотырбек Джатиев писал: «Счастлив народ, который дал миру огромной силы и глубины ученого-гуманиста, горячего патриота, интернационалиста, предельно скромного и отзывчивого друга простых тружеников, ученых, писателей. И радостно на душе, когда вслух себе повторяешь: ...взлетел орленок с горного утеса и, развернув могучие крылья, смело и отважно, преодолев бурю и штормы, гордо парит в мировом океане науки»⁴⁰.

«Вассо Абаев... Каждый, кто входит в мир осетинского слова, кто чувствует его, кому дороги судьбы его, знает имя Вассо и гордится им, — говорил Максим Цагараев. — Вассо родился к счастью нашего народа, нашего языка. Вассо работает для будущности родного языка; его труды всегда, пока живет наш язык, будут служить ему»⁴¹ (подстрочный перевод).

Кудзаг Дзесов обратил внимание на многогранность личности Василия Ивановича Абаева: «Вассо Абаев — знаменитый лингвист, фольклорист, историк, этнограф, литературовед, критик и нартовед, первооткрыватель почти во всех названных сферах деятельности — является гордостью осетин, глубоким исследователем и поэтом в науке, человеком огромной трудоспособности и скромности нарта»⁴².

Хаджи-Мурат Дзуццаты сравнивает В. И. Абаева с горами, для которых чужды легкомыслие, тщеславие... Он отмечает скромность и бескорыстие ученого, его преданность науке:

«Васо никуы бӕллыди нӕдӕр кадмӕ, нӕдӕр ӕфтиагмӕ, ӕрмӕст йӕхи ӕнӕвгъауӕй хъардта, цӕмӕй хорз ракӕна йӕ райгуырӕн бӕстӕн, цӕмӕй бӕрзонд дара адӕймаджы ном. Васо никуы тырныдта цинтӕ, премитӕ ӕмӕ хорзӕхтӕм... Васо у ӕцӕг ахуыргонд ӕмӕ адӕймаджы ахъаззаг фӕлгонц-дӕнцӕг.

Васо у Ирыстоны Уды Академик, Ирыстоны Уды Лауреат, Ирыстоны Уды Хъайтар»⁴³.

«Васо никогда не стремился ни к славе, ни к прибыли, он весь, не жалея себя, старался принести пользу своей родине, высоко держать достоинство человека. Васо никогда не добивался чинов, премий и наград... Васо — образ настоящего ученого и человека.

Васо — Академик Души Осетии, Лауреат Души Осетии, Герой Души Осетии» (подстрочный перевод).

Глубокий, всесторонний анализ значения трудов В. И. Абаева для осетиноведения, для науки дал Нафи Джусойты в обширной статье «Уроки Вассо Абаева»⁴⁴.

В нашу задачу не входит анализ этой статьи, отметим только чрезвычайно интересную мысль Нафи Джусойты о связи творчества В. И. Абаева с поэзией Коста Хетагурова: «Все мы ясно понимаем, что Коста Хетагуров и Вассо Абаев — деятели разных эпох, разных судеб, не совпадают и сферы приложения их талантов. И все же едино или родственно историческое и национальное назначение их творчества и деятельности, един пафос их деяний — самозабвенное служение культурно-историческому росту своего народа, а через него — всему человечеству. Подобно Коста Хетагурову, и Вассо Абаев своим большим талантом и творческим подвигом, своей жизнью по законам рыцарского благородства и неприкосновенности чести снискал всенародную любовь»⁴⁵.

Нафи Джусойты обращает внимание на высокое нравственное влияние В. И. Абаева на весь осетинский народ, на молодежь, особенно на людей науки:

«При имени Вассо каждому сознательному осетину невольно хочется подняться выше собственного роста, чтобы это имя прозвучало без смущения. Именно в этом благородном порыве становится более достойным и в науке, и в жизни, в порыве, вызываемом в нас всенародным авторитетом Вассо, я вижу его общенациональное нравственное значение, которое трудно переоценить. У нас нет мерил для оценки этого благородного нравственного влияния на весь народ, особенно на поколение

осетин, только вступающих в жизнь и в науку, но сознавать и ценить это мы обязаны»⁴⁶.

О том, какое впечатление производит Василий Иванович на окружающих, в частности на писателей, рассказывает Васо Магиев:

«...Помню, он сидел среди нас в помещении Союза писателей. Я глядел на него, и мне вдруг показалось, что от присутствия этого человека в комнате стало светло. Я удивленно обвел взглядом всех, кто был рядом со мной: на них словно лежал отблеск света. Наверное, и я выглядел со стороны так же. В то же время казалось, что лица наши прикрыты легкой дымкой, возможно, потому, что мы старались держать в тени свое "я" рядом с этим человеком.

Всякий раз, когда я видел его, слушал его выступления, говорил с ним, это ощущение не покидало меня.

Я говорю о Василии Ивановиче Абаеве»⁴⁷.

Мы привели стихи и высказывания о Василии Ивановиче Абаеве далеко не всех поэтов и писателей, среди которых немало молодых и талантливых людей.

Статью о Василии Ивановиче Абаеве мне хочется закончить словами академика РАН Ю. С. Степанова, сказанными им в канун столетия ученого:

«Осетия снова, второй раз за последние годы, становится ментальным центром Европы — на этот раз в связи с юбилеем Василия Ивановича Абаева. Когда такое событие произошло в первый раз? Сложно назвать точную календарную дату, поскольку речь идет о событиях в "подлинно реальных мирах", как говорил Александр Блок, т. е. в мирах ментальных, мы имеем в виду открытие, можно сказать — явление Европе другого великого осетина — писателя Гайто Газданова.

И вот сейчас в центре нашего ментального мира снова деятель с "европейским именем", с осетинским именем — Василий Абаев, языковед, культуролог, ученый, мыслитель»⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абаев В. Тоническое или метрическое? // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ. Вып. II. С. 516. (Статья В. И. Абаева написана в связи с публикацией Г. М. Цаголова «К вопросу об осетинском стихосложении». — См.: Известия Осетинского института краеведения. Вып. I. С. 64–118.)

2. Доклад студента В. Абаева «Ударение в осетинском языке» // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1925. Вып. 1. С. 418.
3. Абаев В. И. Коста и осетинская культура // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1960. Т. XXVII. Вып. II. С. 190.
4. Абаев В. И. Коста Хетагуров — народный поэт Осетии // Звезда. 1939. № 9. С. 154.
5. Коста. Полное собрание сочинений. Т. I. М.; Л., 1939.
6. Абаев В. И. Коста и осетинская культура. С. 187.
7. Абаев В. И. Еще раз о Коста // Проблемы литературы и эстетики. Орджоникидзе, 1979. С. 68.
8. Абаев В. И. О Сека Гадиеве (к 50-летию со дня смерти) // Советская Осетия. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1965. № 26–27. С. 243.
9. Там же. С. 242.
10. Абаев В. И. О Георгии Малиеве // Малиев Г. Ираф. Орджоникидзе, 1986. С. 5.
11. Там же. С. 7.
12. Там же. С. 6.
13. Абаев В. И. О фольклорной основе поэмы Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре» (к 800-летию со дня рождения великого поэта) // Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. С. 467–495; Он же. Вокруг поэмы «Витязь в барсовой шкуре» // Абаев В. И. Избранные труды. С. 496–500; Он же. Миф и история в поэме Руставели “Verxistqaosani” // Абаев В. И. Избранные труды. С. 501–508.
14. Абаев В. И. О фольклорной основе поэмы Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре». С. 481–482.
15. Абаев В. И. Троянский конь. Кавказские параллели // Абаев В. И. Избранные труды. С. 354.
16. Абаев В. И. Жанровые истоки «Слова о полку Игореве» в свете сравнительного фольклора // Абаев В. И. Избранные труды. С. 522.
17. Цхурбаева К. Г. Осетинская героическая песня. Орджоникидзе, 1965.
18. Абаев В. И. Жанровые истоки «Слова о полку Игореве» в свете сравнительного фольклора. С. 531.
19. Там же. С. 515.
20. Там же. С. 522.
21. Абаев В. И. Образ Вия в повести Н. В. Гоголя // Абаев В. И. Избранные труды. Т. II. Владикавказ, 1995. С. 680.
22. Там же.
23. Там же. С. 681–682.
24. Абаев В. И. Русское «абрек» // Там же. С. 652–659.

25. *Абаев В. И.* Коста и осетинская литература. С. 6.
26. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 85.
27. *Рождественский Вс.* Охотник Вассо // Рождественский Вс. Стихотворения. Л., 1988. Т. I. С. 163–164.
28. *Джатиев Т.* Слово о Василии Ивановиче Абаеве // Поэтика жанра. Орджоникидзе, 1980. С. 74–75.
29. Там же. С. 75.
30. *Плиев Г.* Амайæг. Абайты Васойæн // Мах дуг. 1990. № 11. С. 105.
31. *Плиев Г.* Ваятель (Васо Абаеву) / пер. И. Дзахова // Поэтика жанра. С. 76–77.
32. *Зорати В.* Новое в осетиноведении // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ. Вып. 1. С. 492. Зората (Зораевы) — одна из ветвей большой фамилии Абайтæ (Абаевы).
33. *Кайтуков Г.* Вассо Абаеву в день 80-летия / пер. И. Гуржибековой // Поэтика жанра. С. 77–78.
34. *Гафез.* Фæлæ даæ фæнд нæ ныуагътай æрдæгыл // Мах дуг. 1990. № 12. С. 104.
35. *Хъодзаты А.* Фарны лæг // Там же. С. 107–108.
36. Донбеттыр — в осетинской мифологии владыка водного царства.
37. Фатыг — упоминающаяся в нартовском эпосе сталь особого качества.
38. *Джикаев Ш. Ф. В. И.* Абаев — Уасо // Мах дуг. 1990. № 12. С. 106.
39. *Джикаев Ш. Ф. В. И.* Абаев — фольклорист // Поэтика жанра. С. 35.
40. Поэтика жанра. С. 75.
41. Там же. С. 76.
42. Там же.
43. Мах дуг. 1990. № 12. С. 106.
44. *Джусойты Н.* Уроки Вассо Абаева // Социалистическая Осетия. 1990. № 235 (20730). 11 окт.
45. Там же.
46. Мах дуг. 1990. № 12. С. 105–106.
47. *Малиев В.* Если бы спросили у Ирафа... // Северная Осетия. 2000. 16 авг. № 153 (23210).
48. *Степанов Ю. С.* Происхождение языка и смежные проблемы в канун наступающего века. К 100-летию Василия Ивановича Абаева // Известия Академии наук. Серия лит-ры и яз. М., 2000. Т. 59. № 6. С. 13.

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

ПЕРЕВОД А. ЗОЛОВА

Готфрид БЕНН

ПЕЧАЛЬНЕЙ НЕТ...

Печальнее, наверно, нет в году
Тебя, мой август, — час осуществленья!
Плоды сверкают золотом в саду,
Но нет твоим надеждам исполненья!

Чисты озера, кротки небеса.
Мерцает тихо скошенное поле.
В победах, август, — только лишь слова:
Ненужные, пустые и не боле.

Но чем заменит счастье мне твои
Сокровища и запах винограда?
Дурманом жизни — вот моя награда!
Лишь в нем успокоение души!

Йозеф фон АЙХЕНДОРФ

ПРОЩАНИЕ ПТИЦ

Прощай, гряда прибрежных скал,
И ты прощай, река!
Осенний лес уже опал,
Зовут нас облака.

Кругом все спит, а нам, наш друг,
В далекий путь пора.
Прими же наш прощальный круг,
Родная сторона!

Нам светят звезды в вышине,
 Как угольки костра:
 Недолго царствовать зиме,
 Весне придет пора.

Георг ХАЙН

АПРЕЛЬ

Весенний дождь залил на поле всходы,
 Холмы дрожат как пламя на ветру.
 Кружат вороны черные над бродом
 Или спешат к родимому гнезду.

А в зеркале прохладных вешних вод
 Я вижу рощу, облако и горы.
 Трепещет дождь — на землю льет и льет,
 Из струй сплетая светлые узоры...

Христиан МОРГЕНШТЕЙН

КОРАБЛЬ «ЗЕМЛЯ»

Кричала женщина: «Будите капитана!
 Его хочу увидеть я, понятно?!»
 Ей отвечали вежливо и внятно:
 «Нельзя. Уснул Он после урагана».

Кричала женщина, метала и рвала.
 Ее рвало, мутило всю дорогу
 На корабле с названием «Земля», —
 Принадлежал корабль этот Богу...

ДАРЬЯЛ

ЖИВОПИСЬ
3'2025

Сергей СЕКИРИН

Автопортрет. Диптих, часть 1

Автопортрет. Диптих, часть 2

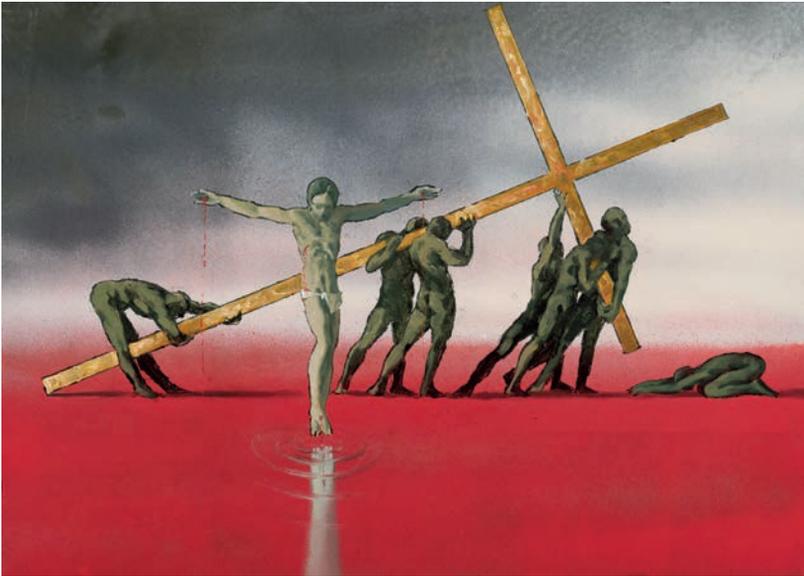
Отражение

Ключи от Рая

Смутное время

Ирод

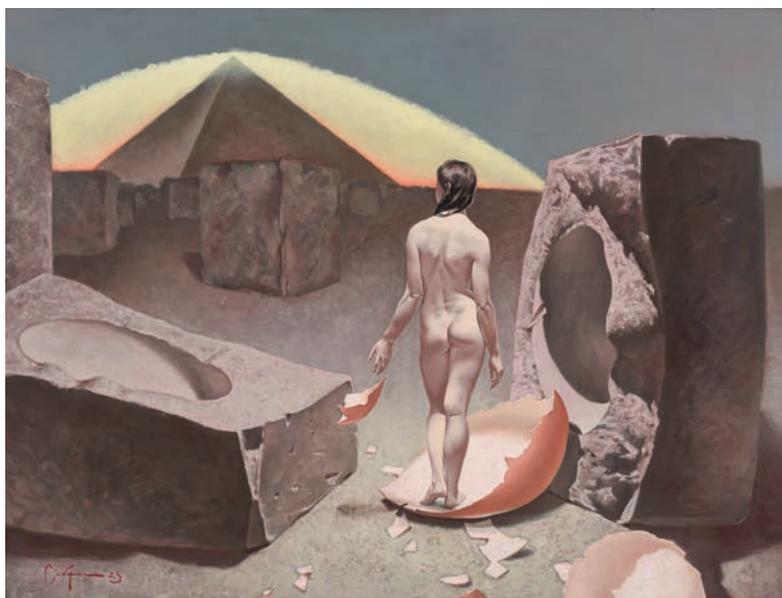
Необратимость. Сон Иуды

Пробуждение 2.0

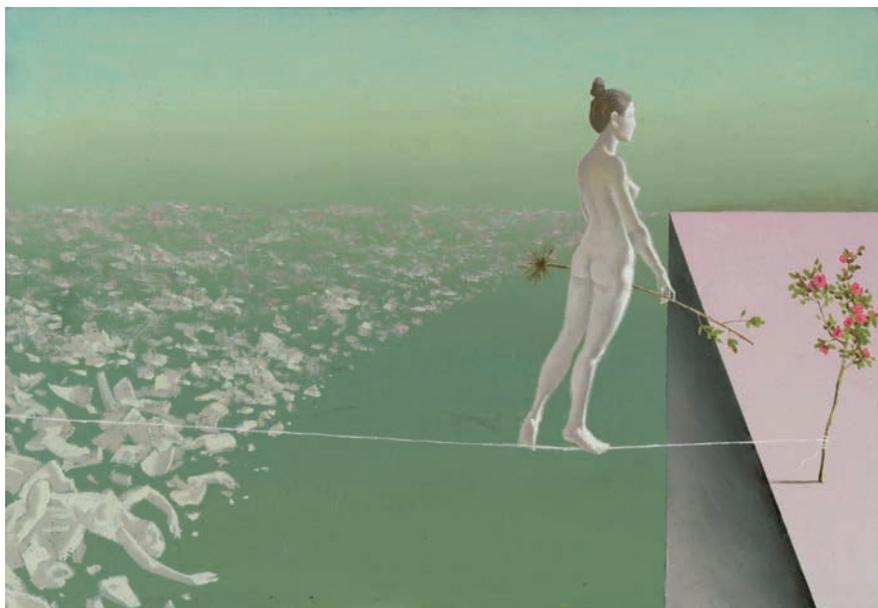
Пробуждение

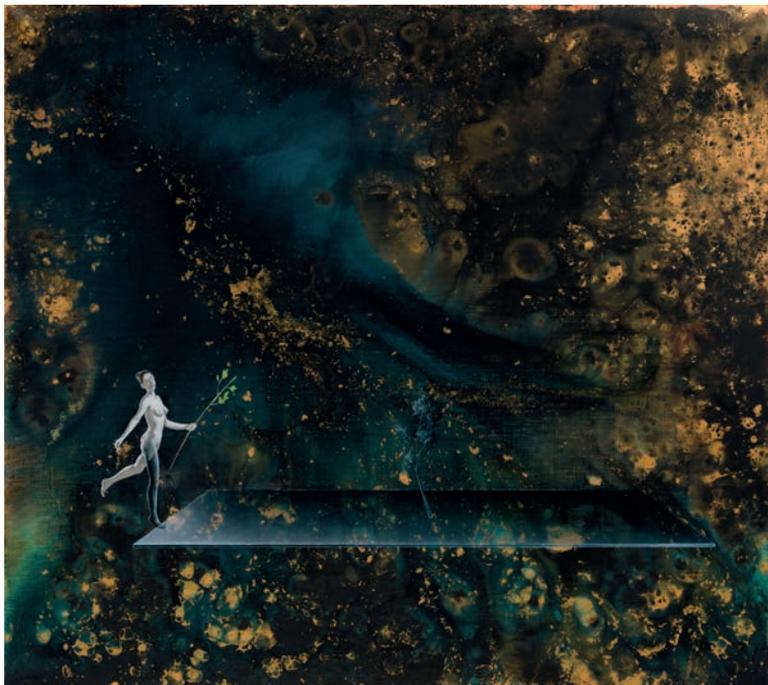
Фарфоровая девушка. Старый мир

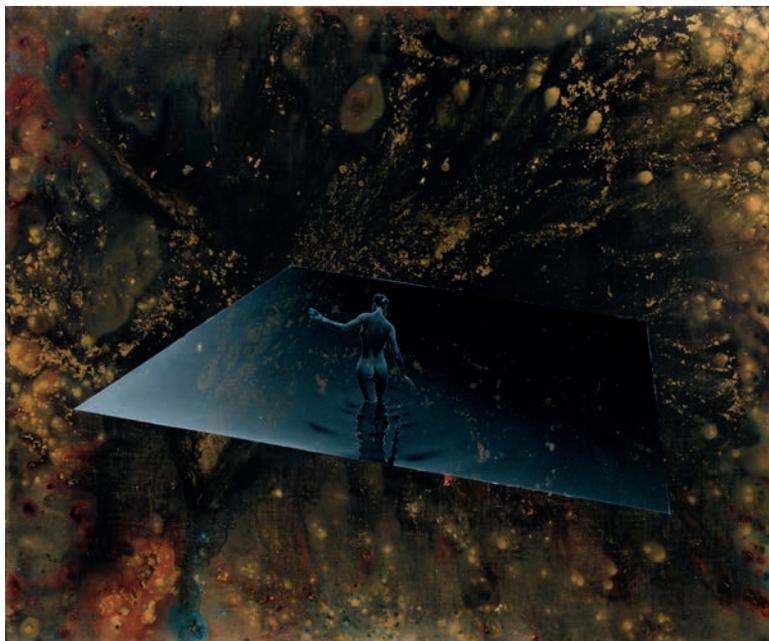
Фарфоровая девушка. Новый мир

Фарфоровая девушка. Трансформация

Новый мир

На дне

Ева

Искушение

Карусель

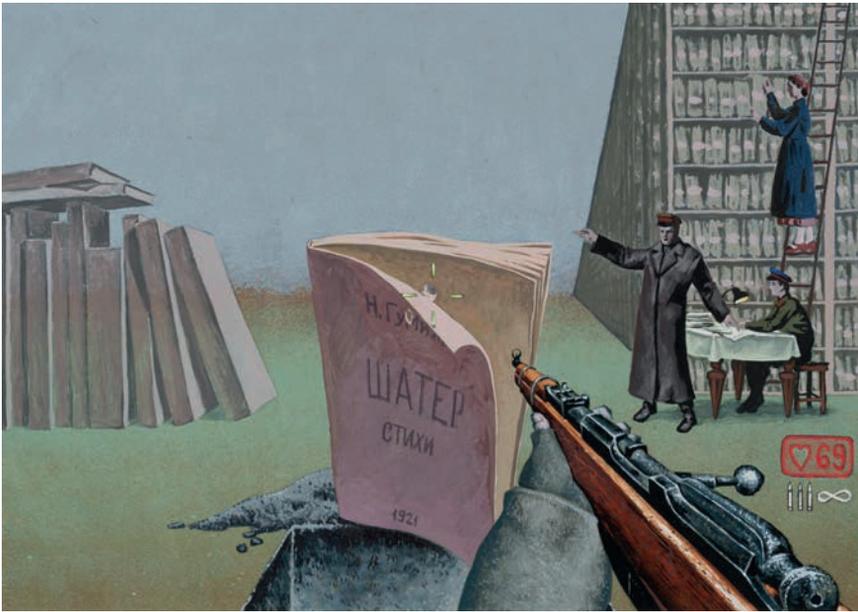
Веч

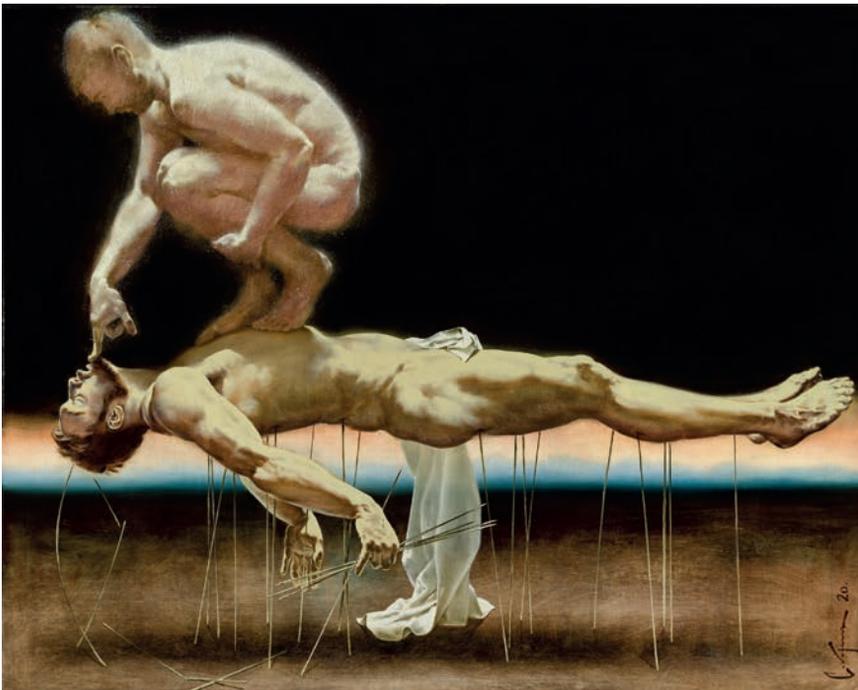
Эхо войны

Железный век

Боль

Одиночество

Ева и Адам

Первый снег. Вариант № 2

Безызвестность

Перед рассветом. Вариант № 2

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Шамиль ДЖИКАЕВ

ВАСО АБАЕВ

*Е*го лицо сияло светом Знаний,
Любовью к людям озаряло мир.
Для нас он был Учитель и кумир,
Сосуд священный высших дарований.

Он разума лучом проник отважно
В глубины исторических эпох, —
И этот грандиознейший сполóх
Был для науки бесконечно важен.

Теперь мы смело выйдем на Ныхас,
Неся благим народам светоч истин, —
И это будет главный наш багаж.

А наш Васо, от примесей отчистив,
Собрал все слитки знаний в саквояж —
И создал Башню энциклопедиста.

Перевод Н. Куличенко

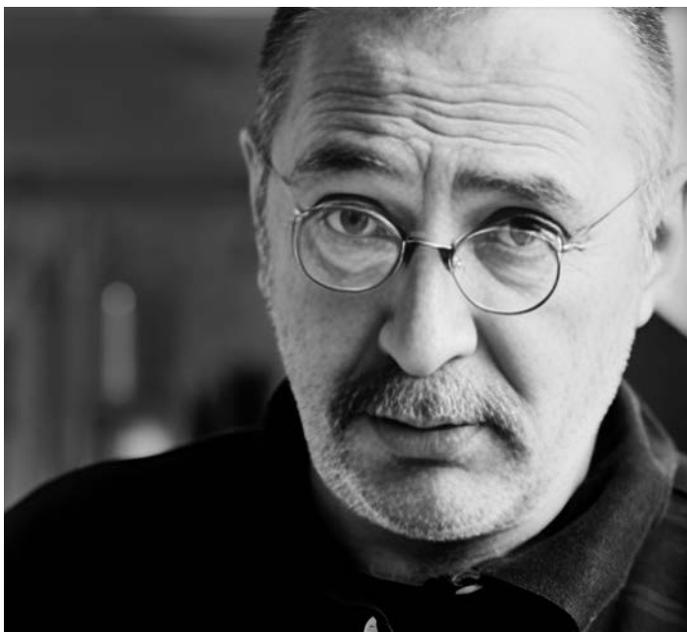
К 70-летию со дня рождения

Тимур КИБИРОВ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
К РОМАНУ
«НЕГОДНЫЙ»

СТИХИ

СЕСТРЕ САШЕ

1

Солнце разгорается — игра начинается.
Ступни погружаются в теплую пыль.
Жизнь не считается. Дед воскрешается.
Небыль и забыль возводятся в быль.

Небо и боль обращаются в дворик
в летней и маленькой АССР,
в пчел, в черепицу, в штакетник забора,
в тучный тутовник, невкусный теперь.

Это для папы рисунки в конверте,
пьяненький дядя Сережа, сосед,
недостижимый — до смерти, до смерти! —
Сашки Хвальковского велосипед!

2

Я горбушку хлеба натру чесноком пахучим,
я слюной прикреплю к порезу лист подорожника,
я услышу рассказы страшные про черные руки,
Красное пятно и черный-пречерный гроб!

Я залезу на дерево у кинотеатра «Зеленый»,
чтоб увидеть без спросу кино «Развод по-итальянски»,
и заплачу горько, обиженный хулиганами в парке,
и закашляюсь от окурка «Казбека».

И фольгой обернув целлулоид гребенки,
дымовуху пушу и буду наказан не больно.

3

По гладкой дорожке,
по гладкой дорожке —
на папиных коленях
как радостно, как ясно —
по гладкой — как весело —
дорожке — все вместе,
и мама, и папа,

и дедушка, и бабушка,
и Саша — по гладкой
дорожке —
По кочкам, по кочкам —
аж дух захватило —
не бойся, не бойся —
по кочкам — не страшно,
не страшно — по кочкам —
ой, мама! — по кочкам,
по кочкам — не трусишь?
не трушу, не трушу! —
яма.

4

Когда по склону лет опять придем к нулю
по синусоиде биографий,

перед приобретением отрицательного значения,
присвоением знака минус,

уоставшею горячею ногою
уж пробуя прохладу Леты,
вспомним, наверное:
дворик и солнце. И собака Индус.

5

Эники-беники
съели вареники.
И месяц убрался в туман,
спрятав ножик в карман.
И пила-пила не летит, как стрела.
И топор-топор не сидит, как вор.
И Ленин уже не маленький,
не бегают он в валенках
по горке ледяной с кудрявой головой.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ «НЕГОДНЫЙ»

1

Малороссийский полуденный дворик.
Папа, затянутый портупеей, уже открывает калитку
и улыбается на прощанье... Смугла тонконожка-сестра.
На крылечке валяется кукла с отбитым носом.

Ничто ничего не предвещает
и ни о чем не свидетельствует
даже
красивая мама, студентка-заочница,
уже чреватая заглавным героем.

2

С медным сеттером на поводке
дед в соломенной шляпе
и герой в бескозырке «Герой».

Барбизонство июльского парка,
силомеры и комнаты смеха,
платья клеш и китайские зонтики,
парашютная вышка, пересохший фонтан.
До чего ж интересны плакаты
против стиляг, куклуксклановцев и алкоголиков,
до чего ж прекрасно мороженое
за семь копеек!

(Мы потом узнаем, что пес был украден,
дедушка умер, а герой оказался
никудашным и жалким,
негодным.)

Блеск курортных озер. Толкотня нумерованных лодок.
Плавки с завязками. Тенниски. Полубокс.
Аромат шашлыка.

3

Ахейн пластилиновое войско
щетинится цыганскими иголками
и спицами. Картонный Илион
ждет гибели...

И, вдохновленный Куном,
герой пронзает Гектора. В игре
дочь Леды не участвует. Пока
все без нее обходится прекрасно.

За окнами уральская зима.

4

Кабинет химии, но урок
начальной военной подготовки.

У доски

подполковник в запасе напялил противогаз,
усугубив легкомысленную веселость
половозрелых юнцов и девиц.

Герой на Камчатке
украдкой читает стихи.
Судя по выраженью лица,
что-нибудь такого рода:

«Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила...»

5

В окно бесстыдно обнаженное
луна-девица видит:
2 кровати, 2 тумбочки, 3 стула,
стол 1.

Одна кровать прогнулась под напором
внебрачной связи нашего героя
и, видимо, скрипит.

Вторая успокоила мертвецки
соседа (поглядев на черный череп,
Ломброзо спятил бы с ума)...
На скатерти казенной 2 стакана и 3 бутылки по 0,8
(две с половиной выпиты)...

Но как красиво бледен
на спинку стула брошенный бюстгальтер
(4-й номер).

6

Вот энное количество героев на плацу.
Стоят по струнке и по росту
(хотел было сказать «как арфа»,
но подобное сравнение скорее затемнит,
чем прояснит потоки
пота и покорность кролика).

Была команда «Смирно!» —
И неподвижность бешеного солнца

рождает подозренье, что сержант
 Стожук, как Иисус Навин, распространяет
 свои приказы и на ход светил.

7

Погожая осень ларек освящает пивной.
 В долгой очереди слияние социально-
 демографических групп. Герой
 с каким-то малоизвестным
 на заднем плане
 устроились на праздной бочкотаре.

К одиннадцати подползает стрелка.
 Седые кудри кружок опадают.
 Из-за ларька выходит тип,
 застегивая на ходу ширинку.

8

На перекрестке
 герой застыл, поднявши воротник
 и опустив глаза в несвежий снег.
 Смеркается (к значению «темнеет»
     фонетика цепляет украшенья:
     «смерть», «смерд» и «каяться»).

Смеркается (безличность
     на сотни лиц прохожих несмотря).

Как холодно. Как глупо...
 Но с яблочной, морозною улыбкой,
 с авоськами в руках уже спешит
     к нему заступница...

9

Настольной лампы металлический тюльпан
     согбенного героя осеняет.
     Все выше
 столпотворенье книг, черновики,
     окурков.

И почти что зрима,
 с недоброю улыбкой на устах
 сквозит в клубах табачных муза.
 Свет электроламп
 иллюзию поддерживает ночи,
 хотя давно уже синюшный свет
 седого утра комнату наполнил.

К 85-летию со дня рождения

Руслан ГАЛАЗОВ

ЗАПИСКИ ЭМИГРАНТА

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Выставка в «Каса де Артесания» кончилась для меня успешно. Это подтвердил и мой друг, художник Гонсало.

— Две картины купили, неплохо, — сказал он. — Когда мне такое удастся, я бываю счастлив. Я прихожу к своему лавочнику и говорю: «Альфонсо, я у тебя покупаю десять холстов и две кисти. Теперь у меня есть деньги, и я хочу погасить все свои долги. Иначе меня замучает совесть». Но он никак не желает, чтобы я погасил долги. И что мне делать?

— Искусство требует жертв.

— Возьми и напиши пьесу. Тема достойная.

— Уже начал, — сказал я. — Надо только вжиться в образ главного персонажа. Придется и мне начать навещать лавочку твоего Альфонсо. Назовем это культурным обменом. Солидарностью культур.

Я, конечно, шутил, но вообще-то позже, когда у меня не оставалось денег на холсты, краски или кисти, а спрашивать, скорее выклянчивать, у жены, когда каждая копейка на счету, я не мог себе позволить, — меня в самом деле не раз подмывало заглянуть к славному лавочнику Альфонсо...

К тому времени, когда я уже становился для многих почему-то признанным, но все еще нищим художником, мы переехали с нашего городка в соседний — знаменитый Эскуриал. Городок этот можно было бы вполне назвать музеем, где сохранились

Печатается по изданию: Галазов Р. Б. Коррида на холсте. Владикавказ, 2005. С. 95–121.

строения еще со времен владычества короля Филиппа II, оставшего в память о себе знаменитый монастырь Сан-Лоренцо де Эскуриал. С равнинного места это монументальное величественное строение, готовое вместить в себя не один десяток тысяч своих сограждан и послужить не только Божьим храмом, но в случае очередного нашествия завоевателей и неприступной крепостью, покоясь на высоких холмах скалистых предгорий, кажется вознесенным к небесам чудом. Монастырь этот и в самом деле можно назвать чудом архитектуры, если учесть и то, что он был сооружен в шестнадцатом веке. В сознании никак не укладывается, как могли соорудить в то время из горного камня такое величественное строение, какими средствами и силами могли вознести на такую высоту купол храма и каким образом гениальный зодчий сумел найти такую точную соразмерность и гармонию. И уж совсем человек бывает покорен, войдя внутрь монастыря, — величественными сводами мраморных колонн, ювелирно обработанной текстурой камня, монументальными росписями мастеров на библейские сюжеты. Здесь на белом мраморе воплощен образ распятого Иисуса Христа рукой великого Бенвенуто Челлини. Присутствуя на воскресной службе, проходящей в сопровождении хора мальчиков, чувствуешь себя смиренным монахом. Но мой приятель, художник Марсело, при первом моем посещении монастыря посоветовал сначала навестить усыпальницу династии Бурбонов. А по ходу в подлиннике увидеть работы великих мастеров эпохи Возрождения, среди которых Веронезе, Тициан, Эль Греко. Сложно передать чувства, которые я испытал, войдя впервые в этот божественный храм. Но нельзя не сказать о том, что только верующий человек, божественный дух его мог сотворить подобное.

— Не желаешь почувствовать себя на миг великим испанским монархом? — спросил меня, находившегося под большим впечатлением от увиденного, Марсело. — Для этого надо немножко подняться в гору от монастыря.

По живописной горной дороге мы поднялись на скальное возвышение, где осторожно можно заглянуть в пропасть и откуда хорошо виден монастырь и сам городок Сан-Лоренцо де Эскуриал.

— Сейчас ты будешь коронован, — сказал мне Марсело, сам походя на короля со своей бородкой и резко очерченным профилем завоевателя времен Конкисты. — Правда, без подходящего церемониала. Оглянись назад и все поймешь.

Я оглянулся, но ничего не понял. Обнаружил только за спиной на маленьком пяточке выше от нас сиденье из камня.

— Это и есть трон, — сказал Марсело. — Отсюда Филипп Второй наблюдал за строительством монастыря. Здесь он думал о большом величии Испании, хоть она уже тогда была империей.

Мы ступили к трону, и Марсело сказал:

— Теперь садись сюда, и я сделаю пару снимков. Вполне сойдешь за короля со своей бородкой. Только постарайся быть царственной, приосанься.

Марсело отщелкал несколько снимков. Коронация состоялась.

— Теперь ты всемогущ. Все у твоих ног.

— Только жаль, что король голый, — сказала я.

Я был очень благодарен испанской подруге жены, которая помогла нам снять жилье подешевле в Эскуриале. Теперь не надо было каждый раз отвозить детей сюда на учебу. Кроме того, что транспортные расходы для нас были велики — электричка, затем автобус, — уходило еще пару часов на дорогу. Да и условия были куда лучше — квартира из трех комнат, салона и вдобавок просторная мансарда, заменявшая подсобку и служившая мне мастерской. Бэмби по причине его необыкновенной прожорливости пришлось отдать соседям. Нам было жаль расставаться с ним, но что поделаешь, по одежке, как говорится, протягивай ножки. Кошки оставались с нами, несмотря на все мое желание оставить лишь одну, — их общество также заметно сокращало наш семейный бюджет. Но младшая дочь так запротестовала, что мы готовы были к четырем кошкам прибавить еще столько же. Она так и сказала: «Тогда и я уйду с ними из дома!» В чем мы не сомневались, зная ее характер.

Наши испанские друзья продолжали навещать нас, особенно по праздникам, принося детям подарки и что-нибудь вкусное, но чаще книги. Мы постепенно обвыкались в новом городке. Я продолжал «рвать холст», по выражению одного из моих знакомых, который никак не мог понять, как можно работать по десять и более часов в день.

— Ту варваро, — каждый раз сокрушался он. — Я не могу так. Во мне нет столько огня.

«Припрет, мой милый друг, не так еще будешь “гореть”...» — думал я, во вслух только шутил:

— Мой огонь только разгорается!

Шутки шутками, но огонек моей души не раз выручал меня в жизненных испытаниях. Но и подводил, бывало...

...День был осенний. С приходом известной оттепели в людях как-то вдруг проснулись долго дремавшие эмоции, — словом, все рвалось к свободе. Я шел по обычному своему маршруту, который до сладостного знаком всем чего-то стоящим уличным казановам столицы великой страны — по улице Горького.

Легкая прохлада наступающего вечера приятно обдувала меня и снимала с оголенных деревьев последний жухлый лист. Все чаще вспыхивали яркие огоньки большого города — в столовых, кафе, закусочных, ресторанах, в окнах домов и мало ли еще где. Душа радовалась, чутье подсказывало: будет, будет приключение. И вот она, красotka! Белый модный плащ «а ля Джеймс Бонд» кажется блее оттого, что из-под него резво мелькают черные унтер-офицерские сапоги выше колен. Легко угадывается все то, что еще выше, бравое, статное и вместе с тем необыкновенно женственное. Ну прямо Жанна д'Арк, — гордо вскинутая голова и порхающий крыльями шарф за спиной и с ним волосы — обжигающие смолью над высоким белым лбом до аристократизма утонченного лица с таинственной улыбкой не совсем доброй колдуньи. Она зашла в кабину телефона-автомата. Я беспечно поджидал, пока она выйдет, изображая на лице абсолютное безразличие к ней, — не самый, конечно, лучший трюк для знакомства со стоящей и проницательной женщиной. Она продолжала говорить, а я, поймав ее взгляд, демонстративно развел руками, изображая не то чтобы недовольство, а просто занятость делового человека. Улыбка оставалась прежней на ее лице, но взгляд все чаще скользил по моей персоне. Наконец она прощально покивала, и я понял: надо готовить сачок, чтобы бабочка не упорхнула, а села на еще не увядший цветок.

Вот она вышла.

— Простите, мадмузель, — не выходя из образа, сказал я. — Я потерял из-за вас не только время, но, возможно, всю свою судьбу.

— Не думаю, — сказала она совершенно безразличным тоном. — Вы еще молоды, и у вас впереди светлое будущее.

— Я бы хотел заглянуть в него с вами. В кафе «Охотник», видите, напротив? Там подают медвежьи уши, запеченные в сметане. Оленину. Волчатины пока нет.

— Охотно, — сказала она, и через несколько минут мы уже сидели за уютным столиком у окна и говорили обо всем, о чем положено говорить в таких случаях. А в паузах я говорил себе: «Колдунья достойная, но на кой хрен ты назвал этот "Охотник", где только

за одно блюдо придется расплачиваться всем гонораром, который ты ждал месяц?...» Но стол уже был заставлен всем тем, что я наобещал. Я переживал и каждый раз, проглатывая кусок медвежьего уха, зримо представлял, как вместе с ним во чрево мое уходит весомая часть гонорара. Тем не менее как-то поддерживал разговор, ибо колдунья была на редкость обольстительной, и, глядя на нее, я невольно представлял такие композиции, от которых может отказаться разве что дурак или святой.

— Я довольна, — сказала она под конец вечера, глянув на часы. — Но мне пора, у меня важное дело.

— Но и у меня было судьбоносное, — сказал я. — Как же теперь, неужели ты покинешь меня навечно?

— Позвони мне завтра, — сказала она, протягивая мне визитку с телефоном и адресом. — Ближе к вечеру.

Ее звали Рита... Рита... Маргарита...

Вечером следующего дня я был у нее. В гостиной меня уже ждал накрытый стол — вчерашний в «Охотнике» выглядел нищим в сравнении с ним: салаты на любой вкус, рыбное, мясное, отварное, запеченное и жареное, и еще много всяких деликатесов, иные из которых мне казались диковинными. Над всем этим разнообразием возвышались напитки на выбор — разной крепости, сортов и видов, заморские в том числе.

— Мой визит не стоил стольких трудов, — сказал я, приступая к еде. — Я пока еще не генеральный секретарь.

— Кто знает, — сказала она. — Может, станешь. А трудов никаких. Все подано с ресторана. Здесь в двух шагах ресторан «София», не самый худший.

— Ты, случайно, не директор его?

— Я директор над ним. Но это неважно, давай еще выпьем, все той же водочки.

Мы чокнулись и под малиновый звон хрусталя выпили до дна.

— Теперь поцелуй меня, — сказала она. — И пригласи на танец. Тебе ведь нравится это танго? Это танго моей юности.

Я поцеловал ее, и мы стали танцевать. И вскоре оказались там, где обычно положено оказываться в таких случаях. Подобных чудес, которые продемонстрировала она, я не знал, не видел и никогда не предполагал при всем моем богатом воображении. Она в самом деле была колдунья. А я заколдованным.

Но колдовство неожиданно прервал телефонный звонок.

— Да, милый, — говорила она спокойно в трубку, свободной рукой продолжая ласкать меня, совершенно не смущаясь

обнаженности. — Ну на кой тебе была нужна эта картошка? Ты уже там неделю, промок, озяб под дождем, голос у тебя простуженный. Как бы ты не заболел, я тут без тебя исстрадалась вся. Жду еще день, только один день, не оставишь эту картошку, сама приеду. Обещаю тебе. Я же не железная. Ну хорошо, хорошо, целую, обнимаю, люблю, но лучше бы это не по телефону. Жду.

У меня все упало. Несложно было догадаться, что это был ее муж. Но почему он на картошке, этом ежегодном общественном мероприятии жителей столицы, которое было явно не для того сословия, которое, судя по всему, представляла эта парочка. Но я не стал спрашивать об этом. Вернулся к столу, поел, выпил и сказал:

— Ты очаровательна.

— Мой муж тоже так думает, — сказала она. — Но он, как ты понял, на картошке. Так что не беспокойся.

Вскоре нас снова оторвал от колдовства звонок, но уже не телефонный, а, к нашему удивлению, в дверь. Причем настойчивый.

«Разведка не дремлет, — подсказала мне интуиция, и я стал натягивать штаны. — У таких персон все начеку».

— Быстрее, — сказала она, успев кинуть мне с вешалки мою куртку. — Бери все свои вещи и — на балкон. А я его отвлеку.

На балконе задувал холодный ветер с дождем. Я озяб и пытался сдержать зубную дробь. Вскоре я ненароком подглядел в окно то, чем не так давно занимался сам. Супруг ее был оскорбительно невзрачен для женщины с такой внешностью. Это был плешивый гном, на вид вдвое старше ее. Он все время поправлял очки, жадно разглядывая свою обнаженную маху. И явно смущался своей внешности: дряхлое сморщенное тело, которое едва удерживали кривоватые ножки, сплетенные из жил, которые, казалось, вот-вот лопнут. «Может, это Эсмеральда и Квазимодо? — вконец продрогший, все же подумал я. — Пусть так, но мне-то что делать? Торчать здесь всю ночь? Мокнуть под дождем? Мерзнуть? Но так можно и околеть. Ведь он может оставаться дома и утро, и день. И может выйти на балкон. Что тогда?!»

И тут мой взгляд упал на соседний балкон. Я мигом перемахнул туда. Дверь в квартиру была приоткрыта. Затаив дыхание, я зашел на цыпочках в темную комнату, прошел в прихожую и открыл дверь на лестничную площадку.

На следующий день утром я позвонил ей.

— Я думала, ты от страха выбросился с балкона, — сказала она. — Но потом сообразила, что ты ушел через соседей. Мой

снова уехал на картошку. Приходи вечером. Жду тебя. Стол будет накрыт.

«Ну нет. С меня хватит. Пусть кто-то другой, отведав твоих деликатесов, мерзнет потом на балконе», — подумал я.

Больше я к ней, разумеется, не пошел, да и женщины меня с тех пор стали привлекать посерьезней, что ли...

Как-то я засиделся у холста. Кто-то из детей, вернувшись после занятий в школе, сообщил мне с удивлением и даже восторгом:

— Папа, в доме культуры Сан-Лоренцо выставка очень интересного художника. Ты знаешь, его картины похожи на твои. Ну прямо не отличить. Иди посмотри, у него тоже одни женщины на картинах.

Это было любопытно. Неужели есть еще один такой поклонник печальных женщин? В Сан-Лоренцо часто выставлялись художники, причем не только испанцы, вполне можно сказать, со всех стран и континентов. Однажды на своей выставке я познакомился даже с одним японцем, которого поначалу принял за местного бомжа-филиппинца, уж никак не видя в этом качестве представителя Страны восходящего солнца. Он зашел в зал, маленький, щедушный, но явно гуттаперчевый, и несложно было представить, как он с визгом взлетает к потолку, демонстрируя высшее мастерство в каратэ. Он как бы кланялся перед каждой из моих работ, будто перед поединком с ними. Наконец, раскланявшись со всеми, приблизился ко мне. Склонный к общению с кем придется в силу своей прошлой профессии и вообще по природе, я не стал выжидать паузу. Мне интересно было знать мнение небритого бомжа с красным лицом, будто после вчерашнего перепооя, о моей живописи. В неряшливой одежонке из куцей курточки, коротких штанишек и в кроссовках на босу ногу, в бейсбольной кепке, он был смешной, совсем комичный, когда при разговоре его черные до смолы усики дергались над пухлыми, как у ребенка, губами. Диалог был, разумеется, на испанском, которым он владел, похоже, чуть лучше меня.

— Нравится? — спросил я.

— Да, — охотно кивнул он.

— Что больше? — спросил я.

— Все, — сказал он.

— Все одинаково?

— Нет.

— Так что больше?

— Женщина, — сказал он.

— Какая?

— Голая.

— Вы любите русских женщин?

— Я люблю всех женщин. Но ваша голая мне очень нравится.

— Вы что, художник?

— Да, — сказал он.

Он заинтриговал меня. Даже однозначностью ответов, если учесть, что художникам это совсем не свойственно. Я невольно подумал: «Вот еще один нищий бедолага, филиппинец, ищет для себя спасения от безработицы и прочих бед».

— Выставлялись?

— Да.

— Где?

— Здесь.

— И все?

— В Мадриде тоже.

— А еще где?

— В Токио.

«Это уже кое-что, — подумал я, сообразив, что передо мной японец. — Не хухры-мухры».

— А еще где?

— В Париже.

— И все?

— В Нью-Йорке.

«Он, возможно, уже успел и на Марсе выставиться», — невольно подумал я, умерив свою несколько фамильярную интонацию.

— А когда и где можно увидеть ваши работы?

— У меня здесь мастерская. В двух шагах. Можете увидеть сейчас.

Я охотно согласился и через пару минут был уже в его мастерской. При тусклом освещении электричества она походила на подземный грот. Но вот он на что-то нажал, и грот преобразился в залитые солнечным светом залы. Один, второй, третий... Я попал, без преувеличения, в музей и в мастерскую художника одновременно. Все здесь строго было подчинено порядку. На белоснежных стенах висели его работы. Они как бы рождались из самих стен, едва отличаясь своей палитрой, все больше едва уловимым налетом голубого, как бы навязывая глазу общую гамму. Потом он мне показывал многое из того, что я просто не мог ни понять, ни вообразить, это нельзя было назвать ни поп-артом, ни концептуализмом. Это было нечто невиданное мною ранее. И все же я уга-

дывал в этом утонченном стиле какое-то глубокое драматическое содержание. Конечно, не только личного свойства. Я мало знал о Японии. Ну, может, только то, что знают все или большинство. О самураях, камикадзе, кое-что о японках, икебанае, ну и, конечно, об Акутагаве, Ясунари Кавабате, Кобо Абэ. И еще о Хокусэе.

И все, что я знал о Японии, я почему-то угадывал в работах моего нового знакомого «бомжа».

Наконец, посмотрев все его работы, я осмелился спросить его о ценах.

— Сейчас покупают хуже, — сказал он. — И я понизил цены. Самая высокая — пятьдесят тысяч долларов. Средняя где-то тридцать.

«Милый бомж, — подумал я. — Мой скромный бомж, продал бы ты для меня одну из своих работ, которых у тебя так много, и я, возможно, решил бы ну если не все, то почти все свои проблемы и, кто знает, после твоих работ, может, вернул бы все свои на ту самую мусорку, откуда они начинали свое существование...»

Он, конечно, меня сразил. Суперсовременностью своих работ, необыкновенным мастерством, явно возведенным до уровня чародейства и сложно представляемой для меня философии. И я невольно представил его творчество как бы на фоне взлета технической цивилизации его страны. И еще подумал, что у каждого народа свои непостижимые для другого тайны. И еще подумал: «Стало быть, говоря, что тебе нравятся мои работы, милый бомж, ты иронизируешь». И прямо сказал ему об этом.

— Ну-у-у... — протянул он, уязвленный моими подозрениями. — У тебя очень хорошие работы. Нет плохих работ у талантливых художников.

— Но ведь твои...

— Оу-у-у... — снова протянул он. — Я всю жизнь учился живописи. Занимался в день по пятнадцать часов. Иногда больше, до восхода солнца.

— Это понятно, — сказал я. — Ты ведь из Страны восходящего солнца.

— Оу-у-у, — пропел он, загадочно улыбаясь. — Ты то-о-о-же...

В заключение он подарил мне свой каталог, пригласив в соседний бар, где мы пили японское сакэ и рассуждали не только о живописи, но и о литературе.

— Оу-у-у, — растягивал он. — Достоевский гений. Акутагава рядом с ним просто хороший писатель.

Вот такой «бомж».

«Да, с "бомжом" все ясно, но кто же этот испанец с бородкой, — думал я по пути на его выставку. — В чем сходство его работ с моими?»

Он сидел за небольшим столиком в глубине зала и читал книгу. Как это обычно водится, я стал разглядывать его работы. Темная охра со вспышками голубого, синего, красного. На этом фоне его женщины, казалось, вмиг воспламенялись и обращались в пепел, который уносил ветер. Линия рисунка была геометричной, чему я не удивился, потому что знал, что по профессии Рафаэль Эскобедо, так звали художника, — архитектор, а живопись — просто его увлечение.

Познакомившись со всей экспозицией, я подошел к нему. Он все еще был погружен в чтение.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте. — Видимо, находясь все еще под впечатлением от прочитанного, он смотрел на меня довольно сумрачно, что, в общем-то, не свойственно испанскому характеру, на редкость общительному и открытому.

— Мне понравились ваши работы, — сказал я. — Только, может, в них преувеличен трагизм.

— Я так чувствую, — коротко ответил он.

— Кто-то из моих детей нашел сходство моей живописи с вашей.

Он сдержанно улыбнулся в пышную смоль бороды и усов и, закурив, посмотрел на меня уже другими глазами — большого, доброго и беззащитного ребенка, и, как бы спохватившись, предложил закурить, протягивая пачку «Фортуны». На столике его я заметил каталог немецких экспрессионистов.

— Вам нравится экспрессионизм? — спросил я.

— Да, — сказал он. — Вам тоже?

— Не все. Бекман и еще, может, два-три художника.

— Вы пробуете писать в этом стиле?

— Я не знаю, в каком я пишу, — сказал я. — Мне просто нравится писать. Я аутодидакто.

— Неважно, — сказал он, делая глубокую затяжку. — Не имеет значения. Можно увидеть ваши работы? У вас есть каталог?

— Очень скромный. Но если желаете, я могу вас пригласить к себе и показать свои работы. Мне интересно ваше мнение.

— Хоть сейчас, — к моему удивлению, живо отреагировал он. — Я как раз хотел идти обедать. Если желаете составить компанию в соседний бар, буду рад. Потом можно посмотреть ваши работы.

За обедом, узнав, что я пишу прозу, он сказал, что его жена драматург и у нее есть кое-какие связи, чтобы помочь мне издаться. Сказал, что в центре Мадрида у него хорошая квартира и мастерская и я всегда могу быть его гостем, как и любой другой русский, если только не мафиози. На что я в шутку ответил, что знаю одного вполне достойного русского мафиози, который любит все испанское, включая женщин.

— Кто же это? — спросил он вполне серьезно.

— Перед тобой, — сказал я. — У меня дома ты это сразу поймешь.

Дома, когда он сдержанно похвалил мои работы, я рассказал ему историю моего живописательства и не стал скрывать, что родом оно из местной мусорки.

— Понимаю, — сказал он, хотя в глазах его прочитывалась некоторая растерянность. — Вот почему у вас в доме столько икон. Я заметил их даже в ванной.

— И на кухне есть, — сказал я. — Моя жена очень религиозный человек.

Со временем наше знакомство стало перерождаться в дружбу. Поддерживать ее с ним было непросто, учитывая особенности его характера. Он надолго замыкался в себе, чтобы потом вдруг проявить бурю эмоций, которая так же вмиг угасала, и он опять становился подавленным. Со временем я узнал кое-что о его жизни и не удивлялся этим перепадам настроения. Я узнал, что у него не клеится с женой, что у них нет детей. Что она часто уходит от него. И что он ее очень любит, но хочет с ней разойтись. Сложно было понять их отношения, да я и не желал разбираться, помня известное изречение: чужая семья — потемки. К чему же быть судьей в этих потемках, в своих бы разобраться. Возможно, не последнюю роль в их отношениях сыграло то, что он долгое время не мог избавиться от наркомании. Возможно, причиной тому был его сложный характер. Что угодно, только не материальное положение. Четырехэтажный дом в центре Мадрида, где он занимал квартиру, был его собственностью, и он сдавал его жильцам. Кроме того, он имел две загородные дачи, одна из которых располагалась на морском побережье.

Как-то мне удалось продать одной галерее в Мадриде несколько своих работ по ценам дешевле не придумаешь, что тем не менее для меня в то время было большой удачей. Я был окрылен и не шел, а парил над землей, обращая на себя внимание прохожих, которые наверняка думали, что дяденька влюбился на старости

лет или, что хуже, у него потекла крыша. А я был безмерно рад, что наконец отдам все свои долги, а на оставшуюся сумму накоплю разного вкусного для семейства. Мелькнула мысль позвонить Рафаэлю. «Ты перед ним в немалом долгу, — говорил я себе. — Вспомни, сколько раз обедал с ним в баре, ужинал у него дома. Да и вообще он славный малый, только странноватый слегка. Пригласи-ка его в знак особого уважения просто отобедать в хорошем ресторане».

— Ты где? — спросил он, улыбаясь в трубку.

— На Пласа де Колон. У водопада.

Через четверть часа он уже сиял улыбкой в смоль усов и бороды.

— Идем, — сказал он. — В «Хихон».

— Это что? — спросил я.

— Кафе, артистическое. Там все гении — художники, писатели, поэты, режиссеры, музыканты и их поклонники. Там пил, говорят, Хемингуэй. Ел Камило Хосе Села. Пел мой тезка Рафаэль.

— Символично, — сказал я. — Годится. Но только на этот раз за мой счет. Я сегодня сказочно разбогател.

Кафе действительно оказалось старинное. Даже швейцар был особенный, какой-то декоративный.

Вот публика, в самом деле, своя в доску — ну ЦДЛ или тот же домжур. Правда, пьяных меньше. И никто не кричит, не доказывает с истерикой, что он непризнанный гений. Бутылки о стены не разбивает в знак доказательства. Все сидят, пьют, что-то едят, говорят, но больше курят. Обстановка, что называется, располагающая, позитивная энергия так и струится от пола до потолка и обратно. Мы уютно устраиваемся за столиком у окошка с видом на то же самое Реколетос. Вид — Хемингуэй позавидует, что там кафе в его «Празднике...» Одни типажи проходят мимо окна. Другие сидят на бульваре, под сенью эвкалиптов и пальм. За соседним столиком яркая девица строит своему явному опекуну, дону лет эдак под сами понимаете сколько, глазки. Он кивает ей плешивой головой, бережно удерживая рукой под столом свое уютное брюшко, обтянутое шелком сорочки, возможно, от Кардена или Версаче. Другую его руку, холеную, белую, с перстнем с хорошим камушком, девица накрыла своей. Не забывает стрельнуть глазками в нашу сторону. На всякий случай, как потенциальным опекунам. Но вскоре, по каким-то только ей ведомым признакам поняв, что ловить нечего, напрочь забывает о нас.

Едим. Пьем. Рафаэль минеральную и ничего больше. Ему нельзя. Строго запрещено медициной. Я — вино. Для водки день жарковат. Курим. И не такой уж он бука, Рафаэль, шутит, улыбается, несмотря на все тяготы семейной и творческой жизни. Оттого и я этот стиль выбираю в компании с ним, хотя все те же кошки скребут на душе и в подкорке тоже — как теперь с женой, с детьми... С долгами-то расплачусь, а дальше... Всю жизнь снимать квартиру — это же деньги в трубу вылетают. От той-то проданной, родной квартиры, вымученной двумя поколениями, теперь ни шиша не осталось. Деньги не вложили ни во что. Была идея бар завести, но какой же из меня бармен-счетовод? Да и с жены тоже. Здесь талант другого свойства нужен, а это тоже не всем дарят небеса. Жаль, что не купили хотя бы малюсенькую квартирку. Сдавали бы ее сейчас, и это уже что-то на безрыбье. Ладно, пей, ешь, веселись, бродяга, вспоминай ту Риту с муженьком на картошке, других, говори с Рафаэлем о светлом будущем... Может, в Штаты махнуть? Там переизбыток свободы, русскоязычных изданий навалом, — своя братва, русские, евреи, кто-то сказал, что даже чукча есть из-под родного Магадана. Что-то о фольклоре издал, из истории своего народа. Прославился. Разбогател. Теперь приглашен в Голливуд сниматься. А ты кто — не русский, не еврей, не чукча и даже не алан. Так, планетарный человек, землянин. Эх, горы родимые! Сияете ли солнечно или плачете безумно? И кто нынче покоряет ваши вершины? Ну выпей еще бокальчик непревзойденной риохи, может, еще повеселей мысли в голову придут.

Еще и еще. И таки подмигнул красотке, встретив ее взгляд. В ответ лед, в котором несложно угадать: «Что это еще за чучело? Свое-то хоть чего-то стоит».

— Пришел, — сообщил вдруг Рафаэль.

— Кто? — спросил я.

— Издатель. Дон Иполито Санчес Родригес. Идем, познакомлю с ним. Он все может.

Я иду твердой походкой. Держу державное достоинство. Что мне там риоха! Всего-то бутылку опрокинул. Готов еще на парочку. Подходим. Рафаэль представляет меня.

— Русо?! — вспыхивает издатель бутоном розы, сияющей первой утренней росой. — Эскритор! Гийониста! Периодиста! Пинтор!

— И куйдадор! — добавляю я, восклицая громче, чем он. — И мучо тро косас эрмосас.

— Рафаэль мне говорил о вас. Сентаде, сентаде! — торопится он пригласить к заранее заказанному для него столу. — Порфавор, сеньорес.

Вскоре стол обрастает съестным и питьевым. Я не спеша рассказываю о себе. Ненавязчиво, с достоинством. Будто для меня издаться — пустяк, стоит только подмигнуть, и слетятся все издатели мира за моей рукописью. Он вполне располагал к тому, чтобы рассказать о своих проблемах в области возвышенного и вечного. Интеллигентная внешность, приятные манеры, открытость и искреннее радушие. Свой человек в Мадриде. В Гаване такого, может, и не встретишь.

— На каком пишете? Английском, испанском? — как бы между делом спрашивает меня дон Родригес.

— Я уже русский забываю, — сказал я. — На английском из русских писал только Набоков. Учился он в Кембридже. Большую часть жизни прожил в Европе и в Америке и потом снова в Европе у Женевского озера, где и похоронен со всеми подобающими почестями, если учесть еще и то, что он был из богатейшего рода в России. А я, так сказать... Но лучше не говорить. Да, слышал еще об одном гении, но уже из советского обедневшего рода. Одной рукой он, говорят, гениально играет Рахманинова и Моцарта, другой в это же время пишет на русском, английском и других языках гениальные романы.

— Ах, эти русские, сплошные вундеркинды. Революция. Гагарин, Брежнев и еще тот, что до него...

— Хрущев?

— Нет, до...

— Понимаю, но вслух не скажу...

— О чем вы пишете?

— О любви.

— Гомосексуальной?

— Не практикую.

— О русской мафии?

— Пока тоже не имею практики.

Рафаэль угрюмо молчал. Потом тихо сказал:

— Иполито, ты хороший парень, но еще не понял литературу.

Дон Иполито Санчес Родригес меня больше развлек, чем озадачил.

День клонился к вечеру. Жара спала. Мы шли по бульварам Реколетос в направлении Пласа де Колон.

— Здесь рядом галерея, — как бы спохватился Рафаэль после долгого молчания. — Пойдем, я тебя представлю хозяйке. Думаю, ей понравятся твои работы и она тебя выставит.

Хозяйка галереи оказалась на редкость приветливой и радушной. Пригласила нас в соседний бар. Галерея оказалась престижной, если учесть вполне именитых художников, выставившихся в ней. Об этом говорили и цены на картины — куда моим жалким!

Мы с хозяйкой, ее звали Матильда, пили пиво. Рафаэль, как всегда, минеральную и больше курил, чем говорил.

— Я понимаю, — сказала она, выслушав мою краткую историю. — Многодетный, безработный... В отличие от других художников, вы можете расплатиться за прокат зала своими работами. Правда, на мой вкус, я заранее предупреждаю. У меня ведь тоже немалые расходы. Галерею я снимаю, расходы за электричество, отопление. Налоги. За рекламу и приглачительные билеты плачу я. Это немалые деньги. Я сразу обо всем предупреждаю, чтобы не было недоразумений. Согласны на такой вариант?

— Невозможно отказать. Но ведь надо, чтобы вам еще понравились мои работы.

— Я доверяю вкусу Рафаэля. А показать фотографии своих работ или каталог можете в любой удобный для вас день. Только предварительно позвоните. Рафа, спасибо тебе за знакомство с художником. Я бегу в галерею, может, клиент пришел. Вы меня извините. Все уже уплачено в баре. Адиос.

— Деловая женщина, — сказал я.

— Как и положено хозяйке галереи.

Где-то через пару дней я показал ей каталог.

— Вы ни на кого не похожи, — заключила она. — Я ставлю вас в план. В июне у вас выставка в моей галерее. Ждать осталось два месяца. Готовьтесь. Удачи и вдохновения.

Я нередко ковал до полуночи, а то продолжал и за полночь. «Когда еще все в мире спит и алый блеск едва скользит...» И ты скользишь... Может, по поверхности, надо глубже. Но сколько можно глубже, совсем уж мрачная палитра. Больше алого, румяного, радостного, счастливого, как щеки у того беспечного младенца в руках румяной мамы. Вот тогда есть шанс. Не получается. Кисть уводит в другой, не румяный мир, нашептывая: «Не пудри мозги другим и себе тоже. Пиши, как пишется, а там была не была. И оживает кисть, не остановить, не удержать. Еще мазок, другой... Не гони лошадей, маэстро, это тебе не ипподром, не скачки, это

живопись, надо знать, когда притормозить, придержать узду». А мир давно уже спит. И как в той песне — спят усталые ребята, мишки спят, и усталые котятка спать хотят. Мои, слава богу, давно спят. Не мяукают. Бэмби наверняка тоже спит. Береги бог людей. И собак тоже. Вот только где бы раздобыть гобой для дочки и кларнет для сына. Погонят ведь из музыкальной школы, уже грозились. Сколько можно брать напрокат инструменты. Пора своими собственными обзаводиться. Но ведь дорого, едрит твою за ногу, гобой средненький в зелененьких четыре тыщонки стоит, где-то так же — кларнет. Такие деньги безработному не снились. А погонят со школы детей — какое будущее ждет моих музыкантов? Молчи, не думай, с ума сойдешь. Только бы не сойти с ума. Достойный рефрен у того поэта. Только бы не сойти с ума и продолжить по намеченной цели. Ах, жена, любящая мама, требовательная супруга. Ах и я, образцовый папаша многодетного семейства, кормилец, так сказать, глава, прямо скажем... Нет. Никакой ты не кормилец и не глава. Ты все еще иждивенец на шее. Ну не ной, не хнычь, не подобает беженцу-эмигранту, не к лицу.

Какие только мысли не посетят, когда уже далеко за полночь и ты у холста. Когда еще все в мире спит... И вдруг звонок, как гром в полуночной тишине. В одной руке кисть — продолжаю писать. В другой мобильник. Кто же это в столь поздний час? Ошибка? Нет. Знакомый голос:

— Это я, Матильда...

— Матильда? — не сразу соображаю я. — Матильда?

Голос встревожен, взволнован:

— Никак не могла до тебя дозвониться. У тебя что, мобильник не заряжен? Неприятная новость. Очень неприятная. Умер Рафаэль. Считаю своим долгом сообщить тебе. Похороны завтра. Если можешь, подъезжай к десяти утра на улицу Серрано, где магазин «Валентине», на углу. Я буду тебя ждать там с мужем на машине.

Сообщение как оплеуха — звонкая, так что загудело, закружилось в голове, туманом все покрылось. Не вижу холста. Швыряю кисть на пол. Встаю. Закуриваю. Хожу туда-сюда. Из угла в угол, как помешанный.

«Рафаэль... Умер... Как он мог умереть?.. Почему?.. Разве мог он умереть?.. Он ведь жил, не выживал... Как так?..»

Сна, конечно, не было. Сигарета за сигаретой. Мысли разные, одна на другую наплывают, вытесняют попытку что-то понять. И так до утра. Конечно, сообщу жене, хотя она и не разделяла его воззрений по части религии, веры... Но ведь человек умер. Мой

друг. Как он рассердился на издателя, того самого паяца в кафе «Хихон», как хотел помочь. Кто еще так искренне болел за тебя всей душой? Он художник. Он человек...

Приезжаю раньше времени. Воскресный день. На улице еще пустынно. Редкие прохожие. Кто-то вывел прогулять собаку, кто-то просто сидит на лавочке, блаженно закрыв глаза под утренним ласковым солнцем. Кто-то заходит в соседний бар. Я курю. Думаю о разном — состояние протрации. Так уже было не раз, когда провожал в последний путь близких и дорогих мне людей. По небу плывут облака, скользят неспешно. Одно, второе, третье... Чередой. Хоть и утро — вспоминается: «Звезды — это глаза умерших». А облака в небе? В светлом чистом солнечном небе. Сейчас они есть, еще немного — и их не станет. А кто же тот орел в пустыне Каракумы, заставший меня там одиноким пилигримом? В пустыне, где я ждал воскрешения своего предка, который так и не воскреснул и не спросил меня: «Как ты, потомок наш? Как живется тебе, достойно ли?..» Как рядом соседствуют жизнь и смерть, не различить барьер, границу, которую однажды придется переступить каждому. Смерть не спрашивает, кто ты. У нее свои законы. Сатурн поедает двоих детей... А дети?.. Дети... Цветы на могиле своих родителей... Но такие разные цветы... В руке художника Минаса Аветисяна, на автопортрете его, не цветок, а колючка... Музыка Комитаса, она звучала как надежда на твоей выставке в «Каса де Артесания». Вспомни, что ты чувствовал, когда ты услышал мелодию Хоакина Родриго. Ты увидел тогда испанскую мадонну с ребенком в руках, и это вселило и в тебя надежду. И вспомни молитву свою под небом древнего Толедо, когда ты стоял у порога дома великого Эль Греко. Вспомни многих — друзей и врагов тоже. И попробуй научиться прощать их, может, тогда и спасешь дух свой. Ибо из одной плоти все друзья и враги. И не ищи в других врагов — в себе больше. Ибо мир не тот, что ты видишь вокруг, — мир в тебе. И когда ты это поймешь, что мир в тебе, — тогда ты будешь себя чувствовать на свободе даже закованный цепями в темнице. Слезы выступили у меня на глазах.

— Ола, — отрезвил меня голос за спиной. — Комо эстас?

Это была Матильда. Вся в черном, она походила на траурную птицу, выпорхнувшую из машины, но держалась достойно. За рулем сидел муж.

— Бедный Рафаэль, — дважды расцеловав меня, сказала Матильда. — Кто бы мог подумать. Так неожиданно. А я хотела его выставить после тебя.

— Может, мне не выставяться? — сказал я.

— Как не выставяться?

— Я думаю, это не совсем этично, сразу после его смерти.

— Как раз очень этично. Он твой друг. Выставиться — это не значит кощунствовать. Ты же не плохое что-то делаешь. Как раз даже символично, даже подтверждение тому, что художник может, как и любой из нас, умереть, а искусство — нет.

— Что с ним случилось?

— Неизвестно. Врачи пока не определили. Его тело пролежало в доме неделю. Узнали случайно. Но, похоже, от приступа эпилепсии. Может, принял большую дозу наркотиков. Хотя как будто бросил это.

— А где была жена?

— Ее не было. Ее и сейчас нигде не могут найти. На телефонные звонки не отвечает. У них были очень сложные отношения. Частые конфликты. Может, она уехала куда-то надолго, чтобы отдохнуть от семейных ссор. Такое может быть, иначе отчего ее нет? Ну, садись в машину, можем опоздать на похороны.

Кладбище оказалось на отшибе какого-то городишка. Оно было огорожено стеной из плит горного сланца, и вдоль стены прорастала выжженная солнцем трава с колючками. У входа на кладбище уже стояли группами люди. К моему удивлению, они были одеты совсем не траурно. Кто-то о чем-то громко говорил. Кто-то спорил. Кто-то даже улыбался. Впечатление создавалось такое, что люди пришли на праздник, а не на похороны, что было несколько непривычно для меня.

«Что ж, каждый народ по-своему проявляет свои чувства к усопшему, — подумалось мне. — Кто-то скорбит, рыдает, царапает на себе лицо, рвет волосы, возможно в душе при этом оставаясь безразличным к усопшему... А кто-то улыбается, смеется, и, может, это как раз более искреннее проявление чувств, — вот наконец отмучился человек на этой грешной земле и теперь воспарит к небесам, в рай. Это, возможно, свойство более верующих людей, для которых загробная жизнь — реальность. Но в любом случае, как же без скорби... Бедный Рафаэль...»

Вскоре подъехала машина — черный катафалк, блестящий на солнце, будто вымытый только что. Водитель и его напарник неспешно вытащили из машины гроб. Едва удерживая его на руках, занесли внутрь кладбища и опустили на подставки у одной из ниш. Матильда поспешно срывала полевые цветы у стены кладбища. Я последовал за ней. К моему удивлению, крышку гроба так и

не открыли. Как выяснилось, у испанцев это не положено перед погребением. Священник в черном произнес молитву за упокой. Все сказали «аминь», и шофер с напарником задвинули гроб с телом Рафаэля в одну из ниш. Я успел вслед за Матильдой положить на гроб цветы, сказав: «Прощай, Рафа... Пусть земля тебе будет пухом...» Напарник шофера вскоре замуровал цементным раствором нишу. Матильда подошла к высокому человеку — единственному, кто был в черном, кроме священника. Я узнал в нем старшего брата Рафаэля, в дом которого он пригласил меня как-то на ужин. Я обнял его, выразил соболезнование.

А потом все стали разъезжаться. Я курил в компании мужа Матильды. Она что-то говорила, хотя я не слышал. Я курил и смотрел в небо. Куда-то исчезла череда облаков. И лишь единственное облако медленно таяло, растворялось и вскоре исчезло в сиянии солнца.

«Может, это облако — душа Рафаэля? — невольно подумалось мне. — Кто знает...» Провожающие давно разъехались. Мы постояли еще немного в скорбном молчании и тоже направились к машине.

...Я подошел к холсту. Белый квадрат смотрел на меня вызывающе. Как перед поединком. Я взял в руки кисть. Вспомнились слова Гогена: «Перед всеми нами — наковальня и молот, и наше дело ковать». Кисть пошла по холсту. «Полюбите — и будете счастливы», — вспомнилось и другое выражение великого художника и изгнанника.

К 60-летию со дня рождения

Ирлан ХУГАЕВ

ТВОРЦЫ ДВОРЦОВ

СТИХИ

В оформлении использована картина А. Чебохи

РОК

Я слышу, слышу голос,
И мне не надо слов —
Пустынный, дикий, голый
Судьбы язвящий зов.

Хоть рок никто до срока
Не смог предугадать —
Во всем его уроки,
Знаменья и печать.

Властительный и вещей,
Всегда со мной пребудь,
Не называя вещи,
Но указуя суть.

СТРОИТЕЛЬСТВО

I

Стихи творить — что строить новый дом:
Фундамент — цоколь — арматуры сетка —
Стена — крыльцо — окна
проем — карниз, виньетка —
И кровля, чтоб не мокнуть под дождем.

Чуть в стороне — развал
бракованных стропил,
И битого нагорье кирпича,
Барханы щебня, золотой опил
Доставленного с гор карагача...

Не хлопочи, поэт, пока что об утиле,
Но, затуплённый очинивши стиль,
Наметь последний штрих:
при самом низком штиле
пусть увенчает дом
высокий
острый
шпиль...

II

Стихотворенье — это дом,
Парящий облаком вверх дном.
Вверху — фундамент первой строчки,
А снизу — кровля, шпиль и точки.

Мир перевернут, как в пруду,
Как на сетчатке чуткой глаза, —
И разум не приемлет сразу
Венчающую глубь звезду.

Стихотворению дано
Явить границы произволу:
Строенье ввысь устремлено —
Строительство
нисходит
долу.

Эвтерпа только и могла —
И утвердила нерушимо:
Чтоб камень, во главу угла
Воздвигнутый, и был —
вершина.

ОСА ЗИМОЙ

То памяти весенней храм.
Меж стекол труп осы; пологий
И ломкий луч; приступок строгий —
И мавзолейный холод рам.

Оса — смотрите — беспробудна,
Но там, в осиной глубине, —
Частица знойного полудня,
Распластанного на стене.

Она пила нектар из чашек
Двенадцать несказанных дней
За память истинных ромашек
Среди ледовых орхидей.

Не убирай ее скелета,
Скелетам тоже снятся сны.
Пускай она лежит до лета.
Пускай хотя бы до весны.

ТАМ И ПОТОМ

Если нет ни Там, ни Потом,
Если есть лишь Здесь и Теперь, —
Для чего, не мирясь с грехом,
Мне гореть от стыда потерь?

Для чего не смыкать очей
Вопреки слепоте ночей
И молить о тебе, ничьей,
Небо мира, как о моей?

Для чего столько сил и дум,
Столько радости и тоски,
Если Там, куда я иду,
Мы не будем с тобой близки?

Я за то, чего нет, отдам
Все, что было, и все, что есть:
Неизбежно Потом и Там,
Скоротечно Теперь и Здесь.

Здесь тревога, а там покой;
Здесь крапива, а там левкой;
Там сияет, права, жива,
Только слава, а не слова.

Ты не веришь тайны прочесть:
Отчего ж ты не гасишь свет?..
Мир есть больше, чем то, что есть:
Он стоит на том, чего нет.

ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ

Сегодня снова увидит солнце
Песок пустыни и пену моря,
Цветок в бескрайнем и диком поле,
Слонов и тигров на водопое,

Оленей тундры и чум туземца,
И небоскребы кругом Гудзона,
Лицо жандарма, ладонь калеки,
Святыни Рима, святыни Мекки;

Оно заглянет в окно темницы,
Шалаш влюбленных и келью старца,
Оно согреет безлюдный остров,
Живую душу и прах погостов,

Оно безмерно, как сердце Бога,
Что сам не знает, чего он хочет;
Теплом и светом сегодня тоже
Помилуй землю, всеблагий Боже.

ПУТЬ

Путник вечно проклят жаждою,
Путник вечно взаперти:
Этот путь пройти не каждому,
То есть каждому пройти.

Словно грозная несметная,
Будешь в поле черном рать,
Что пришла добыть заветное,
То есть вечно потерять.

Будешь, вспомнив о Спасителе,
Звонарем-пономарем
Или стражником обители
С колотушкой-фонарем.

Вот сокровище безмерно
Всем рожденным по соску,
Всем погибшим мрак посмертный
И предсмертную тоску.

И обласкан по пророчеству,
И замучен до венца
В смертный ужас одиночества
Вплоть до петли и свинца.

Тише речки, ниже колоса —
Чтоб забыли Бог и бес,
Чтоб нигде не встретить голоса,
Говорящего с небес.

ТВОРЦЫ ДВОРЦОВ

Когда глядишь на мир с торцов,
С его задворок — сердцу ближе
Убогий полусумрак хижин,
Чем блеск соборов и дворцов.

«Мир хижинам, война дворцам»...
Но — посмотреть на мир с изнанки —
Тому, кто сам построил храм,
Вполне достаточно землянки.

Татьяна КОСТАНДОГЛО

И ЗЕМЛЮ ВРАЩАЙ,
НЕ ЖАЛЕЯ ОГНЯ

СТИХИ

* * *

Печка старая не топлена,
Дым не вьется из трубы.
На крылечке горе сгорблено.
В горькой памяти избы
Спят тетради... Стены — сироты...
Тот же пол и потолок...
Та же тьма, но окна вымыты.
По ночам поет сверчок.
Там-тарам, охо-хохонюшки,
Тара-бумбия, хо-хо...
Стало светлым храмом полюшко...
Эхо по небу — бегом
Заливается, разносится,
Голосит на все лады!
Глянь — река на руки просится,
Изнывая без воды.
Не луна, а красно-солнышко
В облаках плывет, смеясь.
Вслед за ним плывет лебедушка,
Не утратив с милым связь.
И качаются на радуге,
Над распятою землей
Разноцветные кораблики,
Увлекая за собой!

* * *

Что ж, неизбежно за осенью
Вновь наступает зима...
Хладною белою россыпью
Остров укрывает она.

Спряталось солнце за ка́мнями,
Ты не дождался весны...
Чудище милое! Ранами
Плачут бездомные сны.

В памяти кружит метелица,
Ты же поешь и поешь,
Цвет алый радостью светится,
Что ж ты над ним слезы льешь?!

* * *

Что слава и мечты, когда ты Свет и Звук?
Впадая в океан, смолкают тотчас реки.
Смолкает все вокруг — и радость, и испуг,
Все исчезает, все — надежды, боль, успехи...

Но коль не выживать, а жить решился ты,
На службе у тебя тогда и Бог, и дьявол!
В руках твоих кричит костер из пустоты,
И океан, как пес, у ног лежит устало.

* * *

И мною был урок усвоен...
Входили в дверь кому не лень!
Неважно, много ль было, двое,
Всегда загадочная тень

Присутствовала в роли стража.
Вино пила, курила даже,
И дым прозрачным кимоно
Кружился с нею заодно.

Шептались свечи. Тень вздыхала.
Скучала иногда, но роль
Она свою отлично знала,
Бросая в наши раны соль.

Потом внезапно исчезала
Под звуки музыки. И речь
Не знала — стоит ли ей течь?
И больше нас не увлекала!

Никто не ведал — как, откуда
 Тень появлялась всякий раз...
 Но без нее мертвело чудо,
 И в каждом расцветал Иуда,
 Похожий на Христа анфас.

* * *

Обнялись. Вражбина куражится.
 И дождик идет проливной...
 А может, все это нам кажется
 Под вечно печальной луной?
 А может, пророчество древнее
 Не в первый, а в тысячный раз
 Сбывается, словно последнее,
 В тот смертный решительный час?
 Обнимемся. Свет занимается.
 И солнце над миром встает.
 Обнимемся. Жизнь продолжается.
 Глянь, после заката — восход!
 Изгнанникам надо ль заботиться
 О тех, кто, могилы себе
 Копая, старательно молятся
 В расчете на милость небес?
 Светает... Мы в счастье купаемся,
 Нам песни поет океан,
 Обнимемся и — не расстанемся,
 Да здравствует наш капитан!

* * *

Твой ветер в ярости орет
 О том, что рост — удел бездомных...
 Он ищет свой родимый кров
 Среди развалин раскаленных.

Река рыдает, и тоска
 В печи пылает неустанно,
 Леса промокли, и века
 Спят в лапах одного капкана.

Не смог твой ветер разбудить
 Богов, но стер земли законы,

Лед отрывая от груди,
Перелопатив крови тонны,

Он не карал, не мстил — он врос
В строку, воскресшую из пепла,
Она в венце из белых роз
Вращала солнце — и не слепла.

* * *

Февраль на исходе. Ты плачешь? Я тоже
Не в силах счастливые слезы унять.
Напрасно старалась с тобой быть строже —
Стихами дано мне тебя обнимать...

Младенца ли снова баюкаю песней
Иль мужа? Иль Бога? Иль сына его?
Я помню одно — мы когда-то все вместе
Вращали планету светло и легко.

Как детский волчок в поднебесье кружилась
Земля в океане забот и тревог,
А нам с тобой речка родимая снилась,
Избушка за лесом и чертополох...

С тобой я зимою и осенью буду,
Весною и летом... Ты слышишь меня?
Не плачь. Улыбнись. И порадуйся чуду.
И землю вращай, не жалея огня.

* * *

Смерть во веки веков не расстанется с нами,
Будет как в карауле почетном стоять,
Будет петь колыбельные песни ночами,
Будет утром и вечером нас провожать...

Смысла нет никакого ее ненавидеть,
Рисовать злой старухой с косою в руках,
Смерть — красавица юная, вечная в свите
У печальных дождей, отрезвляющих страх.

У снегов и ветров она тоже в почете,
И, спасая от мук и болезней людей,
Смерть дорогами неба в незримом полете
Нас выводит в просторы огромных морей.

Все стирает она — то, что было и будет,
Отдых дарит сердцам под напевы свечей,
Ни о ком из нас Смерть никогда не забудет,
Всех она заключает в плен своих этажей.

Нет там боли и слез, нет разлук и печали,
Только теплых лучей разноцветная речь
Тихой музыкой льется из диковинной дали,
Предрекая рождение удивительных встреч.

Нашу Смерть называю я матерью первой.
Мать вторая нам — Жизнь. Третья мать — Земля.
А четвертая мать — Та, что образ вселенной
С молоком чудотворным в нас вливала не зря.

* * *

А в солнечный день расцветают охапки
Душистой сирени в незримых руках,
И муза трагедий златые подарки
Меняет на право прописки в сердцах.

У первоначал нараспашку все двери,
Источником памяти служит их дочь.
Пусть верен Гораций богине Венере,
Да нечем ему Мнемозине помочь!

Пусть церковь безверие с верой венчает —
По воле небесной обрушится брак
В болотную жижу зловонного рая...
Но — новую бездной задышит очаг.

Ибрагим ШАОВ

САКСОФОНИСТ

РАССКАЗ

Ночной звонок дежурного хуже всякого назойливого будильника. С той лишь разницей, что от него нельзя отмахнуться и продолжить сон. В ответ на нудную трель телефона моя никогда не дремлющая совесть полицейского, подобно потревоженной осе, больно жалит спящее сознание, и рука, ведомая служебным инстинктом, сама тянется к трубке.

— Алло... Что там? Убийство?

Пришлось оперативно собраться, воровато поцеловать в лоб спящую жену и, тихо прикрыв за собой дверь, выскользнуть на лестничную площадку. У подъезда уже ждала дежурка с коллегами на борту.

— Здорово! — усаживаясь на заднее сиденье, буркнул я в темноту.

— Здравия желаю, товарищ майор! — гаркнул за двоих молодой напарник с редким именем Платон — еще довольно бестолковый, пороху не нюхавший лейтенант, поступивший под мое начало совсем недавно, можно сказать, стажер.

Машина тронулась, и мы поспешили на место преступления.

— Михалыч, включи люстру! — скомандовал водителю Платон.

Наш водитель, добродушный круглолицый прапорщик, которому до пенсии оставались считанные месяцы, украдкой покосился на меня в зеркало заднего вида и осторожно включил мигалку.

— Опять впопыхах собирался, — похлопывая по карманам, раздраженно сказал я. — Дайте сигарету! Свои дома оставил.

Розовощекий Платон услужливо протянул раскрытую пачку и, немного картавя, добавил:

— Я сам так торопился, будто опаздывал в аэропорт. Первое убийство как-никак. Надел что под руку попало и выбежал...

— С тревожным чувством чего-то позабытого, словно из гостиничного номера... — пробормотал я.

— Что-что? — переспросил Платон.

— Ничего! Выруби сирену... Не на пожар едем.

Михалыч спешно щелкнул тумблером и выключил мигалку.

— Рассказывай, — делая первую затяжку, сказал я.

— Бытовуха. Адрес — бывшие общаги кирпичного завода. Пьянка. По всей видимости, ножевое. Собутыльники что-то не поделили. Второй синяк задержан, но в невменяемом, сильно пьян. Злодей — личность известная, кухонный боксер, раз в неделю колотит жену и гоняет соседей. Завсегдаятай обезьянника. Жмур — мужчина лет пятидесяти-шестидесяти, жил там же...

— Платон, избавь наши уши от жаргона. И так с утра тошно, — прервал я напарника. — Мы — не они, не путай стороны! Если только ты не собираешься внедряться в преступную среду.

Веснушчатое лицо Платона прыснуло красным, он насупил и примолк.

— Вы же сами говорили, что матерый сыщик обязан владеть криминальным сленгом, — спустя минуту, картавя еще сильнее, возразил Платон.

— Обязан знать, — уточнил я. — Но не использовать жаргонизмы в повседневной речи.

— Даже поливальные машины и те с мигалками, а мы?! — выждав паузу, но уже совсем по-ребячески промолвил Платон, кивая в сторону коммунальной спецтехники. — Убийство же.

— Товарищ лейтенант, займитесь аналитической работой, — скомандовал я тоном, не терпящим возражений.

Платон немного вжал голову и, нахмурившись, уставился в окно. Глядя на его оттопыренные, по-детски просвечивающиеся уши, я мысленно укорил себя за излишнюю резкость. С другой стороны, небольшая выволочка пойдет ему на пользу. Бесконечная трескотня, мигалки и прочая ненужная мишура отвлекают от дела и не дают сосредоточиться.

Оставшийся путь проделали в тишине. На место происшествия прибыли минут через пятнадцать. Возле двухэтажной общаги кирпичного завода толпились люди, стояли скорая и экипаж патрульно-постовой службы.

— Товарищ лейтенант, обеспечьте оцепление, — покидая салон, казенно распорядился я.

— Есть, товарищ майор!

Платон с готовностью пастушьей собаки принялся оттеснять зевак от предполагаемого места преступления:

— Граждане, отходим! Отходим! И вас, мужчина, тоже касается. Неважно, что вы живете в этом доме! Отходим, пожалуйста. Вам законом запрещено здесь находиться. Тут повсюду улики.

Распахнув длиннющие руки Платон погнал любопытствующих зрителей за пределы двора. К нему присоединились до того бездействовавшие сотрудники полиции. Народ отступил, но не разошелся.

— Натяните ленту, — подходя к труп, сказал я.

Тело мужчины средних лет лежало в неестественной позе, из груди торчала рукоятка кухонного ножа, при этом на лице убитого застыло подобие улыбки, а в раскрытых глазах читалось что-то вроде удовлетворения. Как будто он долго искал смерть и вот наконец нашел.

Лицо жертвы показалось мне знакомым. По какому делу он проходил и когда?.. Память лихорадочно рылась в картотеке убийц, насильников и воров всех мастей. Кто же он?!

Вдруг в груди что-то неприятно защемило, сдавило дыхание, во рту появился характерный металлический привкус... Знакомое тоскливое беспокойство, схожее с тем, которое я испытал недавно при потере любимой собаки, вихрем ворвалось в мою огрубевшую душу. Стремительная интуитивная догадка, страшная своей близостью к правде, будто спикировав откуда-то свыше, вонзила в меня свои острые когти. С болью пришло озарение: теперь я точно знаю, кто жертва!

Из состояния оцепенения меня вывели прибывшие эксперты-криминалисты. Часть из них сразу направилась в комнату погибшего, другая — к труп.

— Привет, Альфредыч! — немного приходя в себя, поприветствовал я старшего эксперта, чем-то похожего на доктора Айболита.

— Привет-привет! — присев возле жертвы, торопливо ответил тот. — Затоптали все, слоны проклятые?

— Ну, как обычно, — пожимая плечами, ответил я.

— Бытовое убийство, — сказал Альфредыч, осматривая рукоятку ножа. — Распивали здесь же... на лавке, рядом бутылки валяются. Пьяная ссора...

— Перебранка — ссора — смерть, — прервал я эксперта. — Будем разбираться, — внимательнее взглядываясь в лицо погибшего, сказал я.

Эксперт раскрыл специальный чемоданчик, надел перчатки и приступил к стандартной процедуре фиксации вещественных доказательств на месте происшествия.

— Товарищ майор, вот понятие — старшая дома и сосед жмура, то есть погибшего, — доложил запыхавшийся Платон.

— Где подозреваемый?

— Он в «бобике», в отсеке! Пьяный в стельку! То плачет, то орет матом, — Платон махнул в сторону бело-синего УАЗа.

— С ним попозже побеседуем, пока записывай.

Платон раскрыл блокнот, вооружился ручкой и уставился на меня щенячьими глазами.

— Погибший — Писарев Николай Александрович, 1970 года рождения...

— Кто? Я не понял, товарищ майор, убитый? — перебил Платон.

— Музыкант, — продолжил я. — Убит ударом ножа, нанесенным в область сердца.

— Сердца, — повторил Платон и снова удивленно посмотрел на меня.

— Отец погибшего — Писарев Александр Никанорович, главный инженер кирпичного завода, мать — Клавдия Семеновна, домохозяйка.

— Так вы его знали?! — осенило Платона.

— Дай закурить.

— Откуда вы его знаете? — протягивая сигарету, шепотом спросил Платон.

— Научись быть внимательным, — кивнул я, прикуривая. — Опроси соседей, возьми понятых и поднимись в комнату погибшего, где-то там должен быть саксофон.

— Саксофон?! Есть, товарищ майор, — отозвался Платон и поспешил в подъезд, то и дело недоверчиво оборачиваясь.

— Издеваешься над молодым, — улыбнулся Альфредыч. — Мы скоро заканчиваем, тут недолго.

— Передаю опыт. Ему полезно. Хороший пацан, но несобранный. Нашли что-то интересное? — спросил я.

— Ничего особенного. Откатали пальчики на рукоятке, бутылке и стаканчиках, собрали окурки... Единственное, лежит он как-то неестественно. Я бы сказал, одухотворенно. Глаза открыты, в небо смотрит и лицо такое, будто рад, что убит, — Альфредыч озадаченно поправил очки.

— Рад, что убит, — тихо повторил я и подошел к труп. Мнение эксперта совпало с моим. Значит, не показалось.

Убитый и впрямь лежал с открытыми глазами. Его лицо не исказила гримаса смерти. Погибший замер с легкой безмятежной улыбкой на устах и взглядом синих глаз, устремленных куда-то ввысь.

— Скорее всего, смерть наступила мгновенно, — предположил я. — Он даже не пытался вытащить нож.

— Похоже на то. Руки чистые, без порезов и следов крови, — добавил Альфредыч.

— Нашел саксофон! — высунувшись из окна, ошарашенно прокричал Платон. — Под кроватью.

— Музыкант, — щелкнув пальцами, пробормотал я.

Из подъезда один за другим вышли Платон, понятые и криминалисты.

— Первый раз слышу, чтобы Николай был музыкантом, — возмутилась старшая дома. — Я бы знала, я все знаю...

Дородная дама с высоким начесом на голове никак не могла смириться с тем фактом, что во вверенном ей доме было нечто такое, чего она не знала.

— Я бы знала, я все знаю... — машинально повторил я за ней, обратив внимание на то, что ее двойной подбородок с небольшим запозданием как бы дублирует сказанные хозяйкой слова.

Второй понятой, мужчина предпенсионного возраста в белой майке и трико с вытянутыми коленями, многозначительно надувал небритые щеки и послушно поддакивал старшей дома.

— Алкаш он, обычный алкаш... Украл трубу, хотел продать! Какой он, к черту, музыкант?! Мы бы слышали шум...

— Не просто музыкант, а выдающийся саксофонист, — прервал я соседа. — Мой одноклассник и друг детства.

— Одноклассник?! Да он старше вас лет на пятнадцать! — не поверил Платон.

— Одутловатость на лице подсказывает нам, что покойный злоупотреблял спиртными напитками, — подал голос Альфредыч. — Мы закончили, товарищ майор.

— Хорошо! Платон, запротоколируй место происшествия. Потом пусть медики забирают труп и везут судмедэксперту, — приближаясь к старшей дома, отдал я последнее распоряжение.

— Не музыкант он, — по-совиному выпучивая глаза, повторял сосед в трико. — Писарь — обычный алкаш, но, правда, всегда долги возвращал, в отличие от убийца...

Я вонзил в соседа тяжелый, наработанный за долгие годы профессиональный взгляд следователя, и тот как-то сразу стух, пожелтел и умолк. «Неужели банально спился?» — подумал я о друге детства.

— Писарь, Писарь... Как Николай здесь оказался? — спросил я у дамы. — Его дом ведь с другой стороны завода.

— Так пропил же, — поправляя на белесой шее крупные ярко-красные бусы, пояснила старшая дома. — Родители померли, ну он и продал. Купил комнату в общежитии, остальное пропил.

— Ясно. Давно здесь живет? Жил то есть...

— Лет десять точно, а может, и пятнадцать, — ответила дама с прической. — Я сюда въехала ровно десять лет назад, так он уже пьянствовал.

— Говорю же, ал... — Старшая дома ткнула соседа локтем в бок, не дав тому договорить.

— Работал где?

— Тут все безработные, пенсионеры да инвалиды. Завод давненько уже развалили. Одно название осталось. Шабашничал, бывало, грузчиком на металлобазе, в общем, перебивался случайными заработками, — добавила она, смешно подкрепляя свои слова волнующимися в такт подбородками.

— А семья?

— Один как перст в цельном мире: ни жены, ни детей, — глубокомысленно изрек сосед в трико, поднимая вверх пожелтевший от табака указательный палец.

— Один как перст, — задумчиво повторил я за ним. — Платон! Ты где?

Не обнаружив поблизости напарника, который, скорее всего, совершал поквартирный обход, я направился в комнату погибшего. Она находилась на втором этаже. Толкнув выдавшую виды дверь, я очутился в скромной комнатухе средних размеров. У стены стояла кровать с железным каркасом, возле нее советское трюмо с зеркалом, по углам пара стульев. В центре комнаты под старомодным абажуром разместился круглый лакированный стол, на котором лежал распахнутый черный футляр с поблескивающим в лучах раннего солнца саксофоном внутри. В углу бережно укрытая ажурной салфеткой замерла, растопырив тоненькие ножки, радиола «Ригонда». В комнате было чисто, но сильно пахло табаком и перегаром. Даже распахнутые настежь окна не спасали. «Амальгама бедности и порока покрыла тонким слоем холостяцкое жилище моего друга», — по-книжному подумал я и сделал шаг в прошлое.

Руки сами потянулись к саксофону. Играть я не умел, но все равно попытался извлечь хоть какой-то звук. Какой-то звук, похожий на рык раненого медведя, и вышел. Осмотрев мундштук, я понял, что покойный Писарь давно сыграл свою последнюю мелодию. В мундштуке отсутствовал сменный деревянный язычок — без него саксофон не звучит. Повертев блестящую штуковину в руках, я несколько раз нажал на клапаны, по-детски заглянул в раструб и положил инструмент обратно на стол.

Стоит признать, что даже безмолвный саксофон притягивает взгляд и смотрится сказочно красиво, точно позолоченная гигантская улитка. Я снова взял его в руки, встал и подошел к зерка-

лу. Приложил мундштук к губам, одну ногу выставил немного вперед, вторую чуть согнул в колене, полуобернулся и посмотрел в отражение. Оттуда с саксофоном в руках глядел на меня с улыбкой на разбитых губах мой друг детства по прозвищу Писарь.

— Сильно ты мне врезал! — через смех крикнул он.

— Да, ты тоже хорош! — потирая фингал под глазом, ответил я.

— Ну теперь-то мы друзья!

— Друзья, Писарь, конечно, друзья!

...Он первым позвал меня за школу. Новеньких следовало «прописывать». Моего отца сделали парторгом кирпичного завода, и мы переехали в ведомственный дом предприятия. Школа тоже была заводская. Так мальчик из интеллигентной семьи очутился в рабочем районе, где царили суровые, но справедливые законы улицы.

— Бей, Писарь, бей! — кричали пацаны.

И Писарь бил. Бил сильно, но при этом не всегда точно. Я занимался боксом и потому отвечал, но бокс — это бой в перчатках и по правилам. В уличной драке все по-другому. Он разбил мне нос и оставил на память смачный синяк под левым глазом, а я раскрыл ему губы и несколько раз метко ударил в солнечное сплетение. После чего Писарь, глотая воздух разбитым ртом, остановился.

— Все, хватит! — сказал он сквозь сбитое дыхание и первым протянул мне руку. — Это нормальный пацан.

— Бей, Писарь, он сын парторга! Его папаша не у станка, как наши, а в кабинетике прохлаждается! — ребята были недовольны. — Да и нерусь он.

— Он честно дрался! Сын за отца не в ответе! — по-взрослому выпалил Писарь. — Теперь он мой друг. Кто против него, тот против меня!

Писарь, сжав кулаки, встал между мной и толпой. Перечить главному забияке школы никто не решился.

Так началась наша дружба...

— Только ты... это... пацанам не говори, что я играю! Не поймут они, — скалясь, добавил из зазеркалья Писарь и заиграл.

Джазовая музыка мгновенно вернула юношеские воспоминания и заполнила комнату чем-то иностранным, но каким-то близким и родным.

— Обижаетесь! Я — могила! — выкрикнул я другу.

— Товарищ майор, вы кому это? — В дверях маячила фигура Платона.

— Никому! — кладя на стол саксофон, ответил я раздраженно. — Всех опросил?

— Так точно! — ответил Платон. — Никто ничего не видел, все спали.

— Все спали, значит... Опись комнаты составил?

— Конечно!

— Заметил что-то необычное?

— Ничего необычного, кроме отсутствия телевизора, товарищ майор! — Платон с интересом включился в аналитическую игру.

— Как ты думаешь, почему? — пристально глядя на напарника, спросил я.

— Пропил!

— То есть саксофон не пропил, а телик пропил? — улыбаясь, спросил я.

Платон почесал затылок, надул губы и посмотрел поверх меня пространным взглядом начинающего философа. Видимо, он размышлял.

— Ладно-ладно, — смилостивился я. — Садись, расскажу. Только дай сигарету.

Мы сели друг напротив друга и почти синхронно закурили.

— Он не смотрел телевизор, считал, что это пустая трата времени. Для дураков. Вон в углу радиолы стоит. Он слушал голоса, — пояснил я.

— Диссидент-антисоветчик! — поспешно предположил Платон.

— Музыкант он! Политикой не интересовался. Любил джаз, — объяснил я. — Это сейчас две кнопки, и ты в мировой паутине, а тогда...

— Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст! — ни с того ни с сего выдал Платон. — Ой, простите, товарищ майор, вырвалось! Даже сам не знаю, откуда это во мне!

— Продаст-продаст! — повторил я задумчиво. — Ты знаешь, а ведь иногда он бунтовал. Отец у него коммунист, а вот матушка — простая благочестивая женщина, воспитывалась в строгости, и, мне кажется, она тайком от мужа верила.

— В Бога?

— Ее отец в молодости звонарем был при храме. Мне Писарь рассказывал. А тогда как раз началась богоборческая кампания. Церкви заколочены, гонения пошли на священнослужителей. И вот на Пасху дед Писаря сломал замки и влез на колокольню... Ну и давай бить в колокола, возвещать о празднике.

— Смелый мужик! — качая головой, промолвил Платон.

— Его красноармейцы с колокольни и скинули. Матери Писаря было тогда пару месяцев от роду.

— Жестоко...

— Писарь так проникся историей, что постоянно мне ее пересказывал, добавляя все новые и новые детали. Фантазировал. К тому времени он уже играл в городском оркестре. И вот шествие на Первое мая, на трибуне наши отцы, партийное руководство. Оркестр играет какой-то советский марш, а Писарь вдруг вскакивает со своим золотым саксофоном — и давай джаз гнать!

— Не может быть! — хлопнув по столу, Платон не к месту засмеялся.

Я давно заметил за ним эту особенность: он либо спешил, либо запаздывал.

— ЧП областного масштаба, отца на ковер — выперли из партии. Писаря на спецучет. Мать в слезы — винит себя. А Коля доволен, он как бы сравнялся с дедом и успокоился. Потом все выяснил у меня, как повели себя марширующие.

— И как? Тоже интересно.

— Почти никто ничего не заметил: как шли, так и шли строим. Ну, может, парочка сбилась с шага, но потом подстроилась. Его больше всего это злило. После он как-то замкнулся. Да и я переехал, отец пошел на повышение, и мы съехали с заводского района.

— Вот это да! Я его даже зауважал! — выдыхая сизое облачко дыма, Платон одобрительно покачал головой и тут же добавил: — И что, больше не виделись с тех пор?

— Нет.

— Получается, забыли про друга? — будто надавив на большую мозоль, живо спросил Платон.

— Он тоже не искал встречи, — попытался я оправдаться перед настырным лейтенантом. — Я вообще думал, что он давно умер или уехал. В любом случае, мы теперь расследуем его убийство.

Говоря это, я зачем-то потянулся к футляру и приподнял бархатную обшивку. На дне оказалась потрепанная общая тетрадка в бледно-зеленой обложке. Аккуратно вытащив ее на свет, я прочел: «Дневник Николая Писарева». На обратной стороне был отпечатан текст гимна Советского Союза.

— Ух ты! — удивленно воскликнул Платон.

— Ты же сказал, что осмотрел комнату внимательно, — пожурил я напарника.

— Виноват, товарищ майор.

Я пролистал дневник. Ровные каллиграфические записи Писаря иллюстрировались рисованными карандашом картинками.

— Виноват, конечно, Платон. Плохо справился со своими непосредственными обязанностями. Но мы дневник приобщать к делу не будем, — сказал я.

— К-как т-так? — запинаясь, возмутился напарник.

— Последняя запись сделана десять лет назад. Вряд ли он будет полезен нам сегодня, — ответил я и убрал свернутую тетрадку во внутренний карман пиджака.

— Товарищ майор, — попытался возмутиться Платон, поднимаясь со стула.

— Я схожу за сигаретами, тут недалеко. А ты еще раз все осмотри, — кладя руку на плечо младшего по званию, я слегка придавил Платона к стулу.

Платон смотрел на меня растерянными круглыми глазами. Эх ты, Платон! Далековато тебе до древнегреческого тезки! Скорее, Шура Балаганов из «Золотого тельца»!

— Есть, товарищ майор, — смирившись, прокартавил Платон.

— Дай-ка папироску на дорогу, — по-остаповски попросил я.

Сунув сигарету за ухо, я покинул комнату, спустился вниз и вышел на улицу. Солнечные стрелы восходящего над заводом солнца, будто театральные софиты, ярко подсветили мой выход, эффектно отбрасывая на обшарпанный фасад огромную тень.

Трупа и экстренных служб уже не было. Местные жители кучковались во дворе и громко обсуждали случившееся. Завидев меня и мою тень, они примолкли и расступились, чувствуя, что мы не станем ради них ломать свой маршрут. Конечно, нет. В меня будто вернулся дух моей озорной юности. Волнорезом пройдя сквозь толпу, я направился в сторону нашего старого дома. Для этого нужно было обогнуть по периметру завод.

Кроме неба и побеленных секций бетонного забора, изменилось все. Даже растрескавшийся асфальт заменили на ровную гладкую плитку. Гаревое футбольное поле покрыли резиновой крошкой с искусственной травой. Установили яркие детские качели и уличные тренажеры, добавили освещение.

Я шел, осматривая район своего детства. Даже воздух стал как будто другим — чистым и без запаха обожженной глины. Впереди уже маячил силуэт нашей старой пятиэтажки. Я приосанился, будто ждал, что вот-вот из-за угла выскочит какая-то заводская шпана и придется вновь, как тогда, постоять за себя. Сжав кулаки и ускорив шаг, прошел еще несколько десятков метров, как вдруг обо что-то споткнулся, потерял равновесие и упал, больно ударившись коленями.

— На ровном месте. Вот зараза! — выругался я, отряхивая испачканные брюки.

Из асфальта торчали узловатые корни раскидистого платана. Эту часть дорожки не устелили плиткой. По всей видимости, ме-

шали корни дерева, и рабочие временно обошли сложный участок, оставив его на потом. Это было то самое место, где мы с Писарем, катаясь на велосипеде, грохнулись на скорости и порасшибали себе носы, локти и колени. Я сидел на раме, а он рулил. Помню, как летел и орал от страха благим матом, а Писарь, наоборот, хохотал, ругался на дерево и обещал спалить его ночью...

Островок размером два на два остался нетронутым. Я привалился спиной на шершавый ствол и осел. В голове заевшей пластинкой стонало что-то саксофонное. Прикрыв глаза, я расплылся в довольной улыбке. Надо позвать Платона и огородить сигнальной лентой кусок моего детства. Непременно опечатать и, выставив оцепление, постараться остановить время. А лучше сделать заповедной зоной и повесить табличку с надписью: «Место для падений». Я снова упал, правда, уже один. Все верно. Так и должно быть. С возрастом нас поджидают только одиночные падения. И каждый раз вставать все труднее и труднее. Когда-нибудь я упаду в последний раз...

В памяти вновь всплыл Писарь, вначале живой, улыбающийся, с саксофоном в руках, а потом мертвый, с торчащим из груди ножом. А ведь мы жили в одном городе, но после школы так больше и не увиделись друг с другом! Я не нуждался в нем живом все эти годы, но, упав на нашем месте, вдруг почувствовал, как он мне нужен. Мог же без труда разыскать его, следовательно называется! Протянуть руку, поддержать, да просто посидеть за чашкой чая и поговорить по душам. Я же считал себя хорошим человеком. От стыда бросило в жар, в висках, будоража совесть, застучали возмущенными молоточками взбухшие вены. Где я был, когда он падал?! Работал?! Живем, не замечая, как вокруг кто-то умирает. Вот и Писарю пришлось погибнуть прилюдно, при народе, а все для того, чтобы мы встретились. Может, поэтому он и ушел в мир иной с улыбкой на губах — будто знал, что только так и свидимся, ведь я непременно приеду расследовать его убийство. М-да... Забыть о существовании друга, товарищ майор, это очень по-дружески. Виновен. Не обижайся, когда забудут и о тебе.

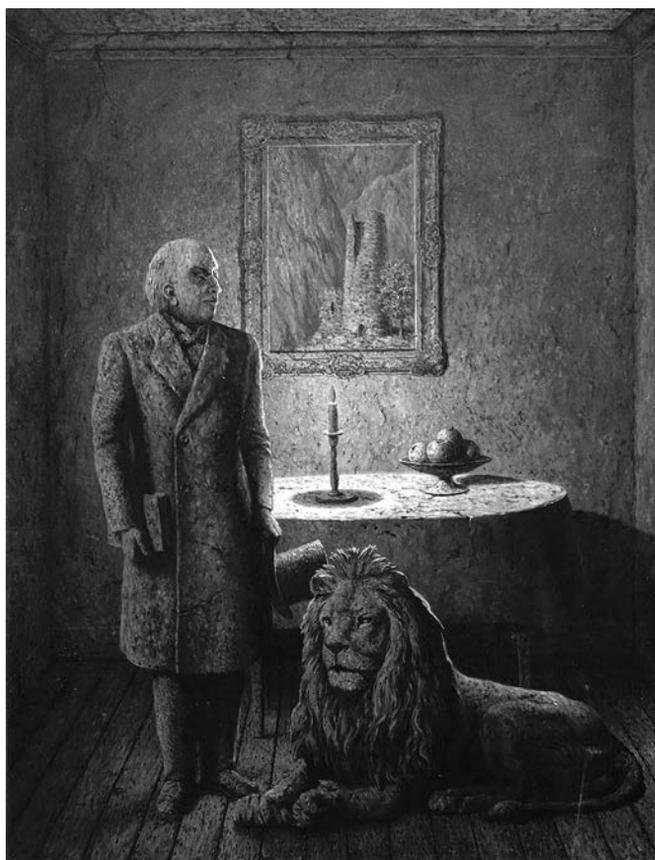
Я закурил Платонову сигарету, сделал пару жадных затяжек и затем достал дневник. Отыскал памятный день нашего знакомства и прочитал запись: «Новенький оказался нормальным пацаном. Сильно бьет правой. Но теперь мы друзья». И внизу отпечаток большого окровавленного пальца.

Татьяна ПАРСАНОВА

БЕСЦЕННЫЙ КЛАД ВОСПОМИНАНИЙ

СТИХИ

* * *

Бесценный клад воспоминаний
Истлел. И превратился в прах.
Москва — Орел... Вагон терзаний
И расставанья впопыхах.

Путей натянута уздечка...
Мелькают, душу веселя,
Поля, поля, деревня, речка
И вновь — поля, поля, поля...

А мысли, словно грунт непрочный,
Несет потоком под уклон...
Орел — Москва. Вокзал полночный
Разлука-встреча... Два в одном.

* * *

На моей штормом битой пристани
Ты единственным стать не смог.
Вечный странник, копатель истины,
Ты хоть в душу бы без сапог.

Дождик с неба холодным крошевом...
Стань мне зонтиком невзначай,
Растопи очаг в доме брошенном,
Мне с мелиссою сделай чай.

Руки стылые речью пламенной
Иль дыханьем своим согрей.

Что ж ты, милый, стеною каменной,
Ни окошечка, ни дверей.

Думы... Думы... Ночные вороны...
Гнезда черные в сердце вьют.
Сто дорог на четыре стороны
Новый душам сулят приют.

* * *

Память как кнут — сечет,
В души вселив раздрай.
Ночь предъявляет счет —
Быть иль не быть? Решай.

Время забытых фраз.
Кадры забытых тем.
Кто-то ушел от нас...
Кто-то ушел совсем...

* * *

Когда прогнозам всем назло
(Нелепо, невпопад)
Дарил октябрь нам тепло
И майский звездопад,

Когда цветов осенний вал
Надежду нам дарил —
Ты мне о главном не сказал,
Но был картинно мил,

Был гениально голосист,
И говорлив, как Брут...
Но календарь теряет лист,
Часы двенадцать бьют...

И вновь у боли на краю
Расходятся пути —
Бегу, чтоб в призрачном раю
Свободу обрести.

В суме — сгоревшей веры дым,
В кармане — чувств пятак.
Когда ж ты стал таким чужим?
И как?

* * *

Пара тысяч колючих дней...
Много? Мало?
Стала старше. А вот взрослей
Вряд ли стала...

Время, жизнь превращая в жмых,
Смотрит строго.
Пара тысяч ночей немых...
Мало? Много?

* * *

Суббота. Март. Как будто бы вчера...
И вдруг смотри — декабрь! Воскресенье!
Гирлянды, мандарины, мишура
И новогодних праздников круженье.

В ночь волшебства мечтам дается старт.
И время нам с лихвою, без сомненья!
Но календарь спешит — и снова март...
Июль, сентябрь... Декабрь. Воскресенье.

* * *

Не спокоен январь, не радушен, не кроток...
И вкушая сполна его норы крутой,
Город кутает зябкие плечи высоток
Кружевною, тончайшею снегофатой.

Бьется ночь мотыльком об окно до упада.
Фонари вдоль бульваров ровняют ряды.
И на девственно-белом листке снегопада
Кто-то первые, робкие пишет следы.

* * *

Пустословие в моде... Ну что ж, говори... Говори...
Закрываю глаза. Прячусь в домик-ракушку и вижу,
Как на алом холсте расцветающей, юной зари
Кто-то черною краской выводит мое «ненавижу».

А на сердце давно прижилась беспросветная грусть.
Километры дождей перемешаны с горькими снами.
Я — потерянный смех... Не зови... Я уже не вернусь.
В нелюбовь, как в спасение, я прорастаю корнями.

И не ведать тебе, что я прячу годами внутри
В ожиданье грозы, как курок, замирая на взводе.
Впрочем, что тебе я? Говори... Говори... Говори...
Пустословие в моде...

* * *

Заметил февраль вдоль бульваров. А мне смешно.
Там, где полночь, как щука икру, мечет наши сны —
Я все так же крылато-счастливая. Пусть давно
Заплела в мои косы зима серебро луны.

Пусть старел календарь. Но зачем зеркала мне врут,
Что бесстыдно владеет печаль уголками губ?
Там, где полночь — наш Ангел, как май изумрудный, крут.
На красивые встречи с любовью еще не скуп...

* * *

Выдано букв одинаково всем. Как в детстве...
Выдано нот — всем по семь, голосистых пташек...
Как им живется — горячему лету в соседстве
С вечно рыдающей осенью?
Крыльями машет
Мельница — время. Я с нею вступаю в драку.
(Где Дон Кихот? Мне ужасно его не хватает.)
Грусть моя цветом все ближе и ближе к мраку.
Полночь январская это дословно знает.

«Вечность» из льдинок — затея глупа по сути.
Город мой пуст. Вдоль бульваров гуляет ветер.

Зябка и стыло... А впрочем, я верю — будет
Новый рассвет, как все дети, невинно светел.
Кто-то все с горки. А кто-то назло потопам
Строит ковчеги. А кто-то сжигает Трою.

«Любит — не любит...» весной выдавали оптом.
Жаль, мне досталось «любит»... Тебе — второе...

* * *

Опять молчат и сны, и телефоны...
И даже ветер, что бродил окрест, замолк.
Ночные думы сумрачно бездонны —
Бредут и бьются о дверной замок,

Петляют между небом и стеною,
Забыв, что в степь боль возведена...
И только память говорит со мною,
Но оттого лишь гуще тишина...

* * *

Из подола неба ранние
Раскатились звезды сливами.
Загадали мы желание —
Чтобы быть всегда счастливыми.

Облака там были ватными.
Светлячки по полю — искрами.
Чтобы были мы крылатыми,
Чтоб умели верить искренне —

Там любовь рождалась вечная...
Там июли рдели вишнями...

Что ж ты сделал? Здесь — конечная.
Выходи. Мы стали лишними.

Станислав ЛЕМ

ДВА МОЛОДЫХ ЧЕЛОВЕКА

РАССКАЗ

Белый дом над ущельем казался пустым.

Солнце уже не жгло; грузное, красное, оно висело среди облаков, маленьких золотых пожарищ, остывающих до красноватого накала, а небо от края до края наливалось бледной зеленью такого неземного оттенка, что когда утихал ветер, то казалось мгновение это перейдет в вечность.

Если бы кто-нибудь стоял в комнате у открытого окна, он видел бы скалы ущелья в их мертвой борьбе с эрозией, которая миллионами бурь и зим терпеливо прощупывает слабые места, способные рассыпаться щебнем, и то романтически, то насмешливо превращает упрямые горные вершины в развалины башен или в искаленные статуи. Но там никто не стоял; солнце покидало дом, каждую комнату порознь, и словно напоследок заново открывало все, что там находилось: вещи внезапно озарялись и в этом фантастическом отсвете казались предназначенными для целей, о которых никто еще не грезил. Сумрак смягчал резкие грани скал, открывая в них сходство со сфинксами или грифами, превращал бесформенные провалы в глаза, оживленные взглядом, и эта неуловимая спокойная работа с каменными декорациями создавала все новые эффекты — хоть эффекты эти и становились все более иллюзорными, ибо сумрак постепенно отнимал цвета у земли, щедро заливая глубины фиолетовой чернью, а небо — светлой зеленью. Весь свет словно возвращался на небеса, и застывшие косогоры облаков отнимали остатки сияния у солнца, перечеркнутого черной линией горизонта. Дом снова становился белым — это была призрачная, зыбкая белизна ночного снега; последний отблеск солнца долго таял на небосклоне.

Внутри дома было еще не совсем темно; какой-то фотоэлемент, не вполне уверенный, настала ли пора, включил освещение, но это нарушало голубую гармонию вечера, и освещение немедленно погасло. Но и за этот миг можно было увидеть, что дом не безлюден. Его обитатель лежал на гамаке, запрокинув голову, на волосах у него была металлическая сеточка, плотно прилегающая к черепу, руки он по-детски прижимал к груди, будто держал в них нечто невидимое и драгоценное; он учащенно дышал, и его глазные яблоки поворачивались под напряженно сомкнутыми веками. От металлического щитка сетки плыли гибкие кабели, подсоединенные к аппарату, который стоял на трехногом столике, тяжелый, словно выкованный из шероховатого серебра. Там медленно вращались

Печатается по изданию: Лем С. Два молодых человека: Фантастический рассказ / пер. с польск. А. Громовой // Юный техник. 1975. № 4. С. 32–36.

четыре барабана в такт зеленовато мигающему катодному мотыльку, который, по мере того как сгущалась тьма, из бледно-зеленого призрачного мерцания превращался в источник света, четким контуром обводящего лицо человека.

Но человек ничего об этом не знал — он давно уже был в ночи. Микрокристаллики, зафиксированные в ферромагнитных лентах, посылали по свободно свисающим кабелям в глубину его мозга волны импульсов, и импульсы эти рождали образы, воспринимаемые всеми чувствами. Для него не существовало ни темного дома, ни вечера над ущельем; он сидел в прозрачной головке ракеты, мчавшейся меж звездами к звездам, и, со всех сторон охваченный небом, смотрел в галактическую ночь, которая никогда и нигде не кончается. Корабль летел почти со световой скоростью, поэтому многие звезды возникали в кольцах кровавого свечения, и обычно невидимые туманности обозначались мрачным мерцанием. Полет ракеты не нарушал неподвижности небосвода, но менял его цвета: звездное скопление впереди разгоралось все более призрачной голубишной, другое же, оставшееся за кормой, багровело, а те созвездия, что находились прямо перед кораблем, постепенно исчезали, будто растворяясь в черноте; два круга ослепшего беззвездного неба — это была и цель путешествия, видимая лишь в ультрафиолетовых лучах, и солнечная система, оставшаяся за выхлопами пламени, невидимая теперь и в инфракрасной части спектра.

Человек улыбался, ибо корабль был старый, и поэтому его наполнял шорох механических крыс, которые пробуждаются к жизни лишь в случае необходимости — когда неплотно закрываются вентили, когда индикаторы на щите реактора обнаруживают радиоактивную течь или микроскопическую потерю воздуха. Он сидел неподвижно, утонув в своем кресле, неестественно громадном, словно трон, а бдительные четвероногие сновали по палубам, шаркали в холодных втулках опустевших резервуаров, шуршали в кормовых переходах, где воздух жутко мерцал от вторичного излучения, добирались до темного нейтринного сердца реактора, где живое существо не продержалось бы и секунды. Беззвучные радиосигналы рассылали их по самым дальним закоулкам — там крысы что-то подтягивали, там — уплотняли, и корабль был весь пронизан шелестом их вездесущей беготни, они неустанно семенили по извилинам переходов, держа наготове щупальца — инструменты.

Человек, по горло погруженный в пенистое пилотское кресло, обмотанный, как мумия, спиралями амортизации, опутанный тончайшей сетью золотых электродов, следящих за каждой каплей крови в его теле, лежал с закрытыми глазами, перед которыми мер-

цал звездный мрак, и улыбался — потому что полет должен был тянуться еще долго, потому что он чувствовал, напрягая внимание, длинный китообразный корпус корабля, который вырисовывала перед его слухом, будто выцарапывая контуры на черном стекле, беготня электронных созданий. Никак иначе он не мог бы увидеть весь корабль целиком: вокруг не было ничего, кроме неба — черноты, набухшей сгустками инфракрасной и ультрафиолетовой пыли, кроме той предвечной бездны, к которой он стремился.

А в то же самое время другой человек летел — но уже вправду — в нескольких парсеках над плоскостью Галактики. Пространство штурмовало немymi магнитными бурями бронированную оболочку корабля, она уже не была такой гладкой, такой незапятнанно чистой, как давным-давно, когда корабль стартовал, стоя на колонне вспененного огня. Металл, самый прочный и стойкий из всех возможных, медленно таял под бесчисленными атаками пушоты, которая, приликая к непроницаемым стенкам корабля, таким земным, таким реальным, обсасывала его отовсюду, и он испарялся, слой за слоем, незримыми облаками атомов; но броня была толстая, созданная на основе знаний о межзвездном пространстве, о магнетических водопадах, о водоворотах и рифах величайшего из всех океанов — океана пустоты.

Корабль молчал. Он словно умер. По многомильным его трубопроводам мчался жидкий металл, но каждый их изгиб, каждая излучина были возвращены в тепло нутре земных Вычислителей, были заботливо избраны из сотен тысяч вариантов, проверены неопровержимыми расчетами, так чтобы ни в одном их участке, ни в одном стыке не зазвучал опасный резонанс. В силовых камерах извивались узловатые жилы плазмы, этой мякоти звезд; плазма напряженно билась в магнитных оковах и, не касаясь зеркальных поверхностей, которые она мгновенно превратила бы в газ, извергалась огненным столбом за кормой. Эти зеркала пламени, оковы солнечного огня сосредоточивали всю мощь, порожденную материей на грани самоуничтожения, в полосе света, которая вылетала из корабля, словно меч, выхваченный из ножен.

Все эти механизмы для укрощения протуберанцев имели свою земную предысторию, они долго созревали в пробных полетах и умышленных катастрофах, которым сопутствовало то спокойно-одобрительное, то испуганно-удивленное мерцание катодных осциллографов, а большая цифровая машина, вынужденная разыгрывать эти астронавтические трагедии, оставалась неподвижной, и лишь тепло ее стен, ласково греющее руки, как кафельная печь, говорило дежурному программисту о мгновенных шквалах тока, соответствующих векам космонавтики.

Огненные внутренности корабля работали бесшумно. Тишина на борту ничем не отличалась от галактической тишины. Бронированные окна были наглухо закрыты, чтобы в них не заглянула ни одна из звезд, багровеющих за кормой или голубеющих впереди. Корабль мчался почти так же быстро, как свет, и тихо, как тень, — будто он вообще не двигался, а вся Галактика покидала его, уходя в глубину спиральными извивами своих рукавов, пронизанных звездной пылью.

От индикаторов оболочки, от толстых латунных крышек счетчиков, от измерительных камер тянулись тысячи серебряных и медных волокон, сплетались под килем, как в позвоночнике, в плотные узлы, по которым ритмы, фазы, утечки, перенапряжения, превращаясь в потоки сигналов, мчались к передней части корабля, на доли секунды задерживаясь в каждом из встречных реле.

То, что в огнеупорном нутре кормы было звездой, распластанной под давлением невидимых полей, в блоках информационного кристалла становилось сложным танцем атомов, молниеносными па балета, который разыгрывался в пространстве величиной с мельчайшую пылинку. Впаянные в наружную броню глаза фотоэлементов искали ведущие звезды, а вогнутые глазницы радаров следили за метеорами. Внутри балок и шпангоутов, распирающих закругленные стены, несли бессменную вахту вдавленные в металл гладкие кристаллы — каждое растяжение, каждый поворот и нажим они превращали в ток, словно в электронный стон, которым они точно и немедленно докладывали о том, какое напряжение испытывает громада корабля и сколько она еще может выдержать. А золотые мурашки электронов днем и ночью неумоимо обрисовывали своим танцем контуры корабля. Внутри корабля всевидящий электронный взгляд наблюдал за трубопроводами, перегородками, насосами, и их отражения становились пульсацией ионных облачков в полупроводниках. Так со всех сторон корабля знаки беззвучного языка стекались к рулевой рубке. Там, под полом, защищенным восемью слоями изоляции, они достигали своей цели, впадая в нутро главной цифровой машины — темного кубического мозга.

Мерно вращались круговороты ртутной памяти, холостой пульсацией тока свидетельствовали о своей неустанной готовности контуры противометеоритной защиты, соседние цифровые центры, действуя в предельной точности абсолютного нуля, следили за каждым вздохом человека, за каждым ударом его сердца. А в самом сердце механизма притаились, выжидая, программы для маневра, для наведения на цель, программы для аварий и для величайшей опасности — вместе с теми, которые давным-давно были пущены в ход лишь на время старта, а теперь ждали долгие годы,

пока придет пора проснуться и начать действовать уже в обратном порядке — во время приземления. Все эти сложные, неумолимо бодрствующие устройства можно было растереть между пальцами, словно пыльцу бабочки, — и все же судьба человека и корабля решалась тут, среди атомов.

Черный электронный мозг был холоден и глух, как глыба хрустала, но малейшая неясность, задержка поступающих сигналов вызвала ураган вопросов, которые мчались в самые дальние закоулки корабля, а оттуда длинными сериями вылетали ответы. Информация сгущалась, кристаллизовалась, наполнялась смыслом и значимостью; в пустоте, среди зеленоватых щитов секундомеров стремительно возникали красные или желтые буквы важных сообщений...

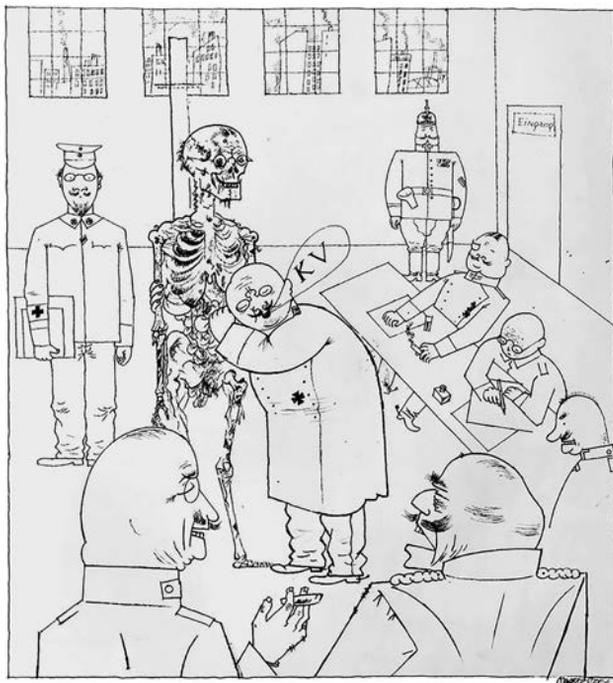
Но человек, лежащий в пилотском кресле, не читал этих сообщений. Он сейчас ничего не знал о них. Пестрая мозаика букв, которые заботливо сообщали ему о происшествиях в космическом полете, бесплодно озаряла разноцветными вспышками его спокойное лицо. Он не торопился читать ежедневную сводку — у него в запасе были долгие годы. Его губы чуть шевелились от медленного, спокойного дыхания, будто он собирался улыбнуться. Голова его удобно опиралась на спинку кресла, металлическая сетка, прижатая к волосам, прикрывала часть лба, гибкий тонкий кабель соединял ее с плоским аппаратом, будто высеченным из глыбы шероховатого серебра.

Он не знал в этот миг, что летит к звездам, — не помнил об этом. Он сидел на краю высокого обрыва, его поношенные парусиновые брюки были перепачканы каменной пылью, он чувствовал, как прядь волос, взлохмаченных ветром, щекочет ему висок, и смотрел на большое ущелье под знойным небом, на далекие крохотные дубы, на холодную пропасть, залитую воздухом, голубоватым и зыбким, как вода, на очертания каменных чудищ, уходящих вдаль, к горизонту, где многоэтажные глыбы казались песчинками. Он чувствовал, как солнечные лучи жгут непокрытую голову, как треплет ветер его рубашку из плотного полотна; он лениво двигал ногой в подкованном башмаке по той черте, где скала, внезапно изламываясь, смертельным скачком слетала на километры вниз. Излучина ущелья против того места, где он сидел, была залита тенью, из которой выступали самые высокие вершины, похожие на легендарных грифов или древних идолов.

И он, так прочно прикованный к Земле, глядя на громадную трещину ее старой коры, улыбнулся, чувствуя, как быстро пульсирует в нем кровь.

Дзерасса ХЕТАГУРОВА

POST MORTEM:
феномен образа живого
покойника в поэзии
модернизма
(В. И. Нарбут, Б. Ю. Поплавский,
Б. Брехт, Г. Г. Малиев)

В оформлении использована литография Г. Гросса «Годен к действительной службе». 1918 г.

Для модернизма, как направления в искусстве и литературе конца XIX — начала XX века, характерно стремление к обновлению художественного языка, поиск нового стиля и форм выразительности. Перемены коснулись всех сфер творческой деятельности. Старые нормы и правила либо полностью отрицались, либо реконструировались. Поэтика модернизма в авангардном пафосе создания видоизмененного художественного языка стремилась объединить сознание с подсознанием, суггестивность с реализмом, а двойственность, неоднозначность и полисемичность восприятия художественного слова стали базой в разработке литературных форм, тем и жанров.

Танатологические мотивы в искусстве были актуальны во все времена существования человечества, в неразрывной связке жизни-смерти, рождения-умирания-воскрешения. Поэтому обращение к ним в модернистском дискурсе не было удивительным, однако ожидаемо, что архетипичная тема смерти трансформировалась и все традиционное выворачивалось, меняя направление и привычную схему восприятия и трактовки. Так, тема возвращения мертвецов, привычная для фольклора и художественной литературы (от мировой мифологии, народной и авторской баллады до традиций готической литературы), в поэзии начала XX века обрела новые семантические пласты, рожденные в слиянии эстетики модернизма с индивидуальным, авторским воображением. Для подтверждения этого положения необходимо обратиться непосредственно к анализу стихотворений.

В тексте В. И. Нарбута (1888–1938) «Покойник» (1913) происходит видоизменение типичной схемы фольклорного мотива о возвращении умершего из мира мертвых в мир живых:

*В прихожей — выщербленный рукомойник
да на лежанке хромоногий кот.
А что, когда вдруг добренький покойник
сюда с погоста в сумерках придет?
Шатаясь, в николаевской шинели
с бобровым вылезшим воротником,
войдет, поскрипывая еле-еле
косым, ходьбою сбитым каблуком.
Потрет ладони, связки пальцев грея,
Никиту, может, кликнет впопыхах,
да, вспомнив, что давно прогнал лакея,
закашляется, захрипит в сердцах.
Сурово сдвинет брови, тучей-туча,
стряхнет на стул шинель с костлявых плеч,
и — встанет кот, испуганно мяуча,
коробясь, не осмелится прилечь...
Потом, разглаживая бакенбарды,
прильнувшие к изъеденным щекам,
направится в ту комнату, где карты
раскладывает дряхлая madame...¹*

Если в европейских средневековых балладах явление покойника служит какой-то определенной цели (искупление прижизненной вины, покаяние за грех, стремление мертвого любовника встретиться с живой невестой и др.), то у Нарбута приход мертвеца лишен смысла. Даже в композиционном плане само стихотворение подобно фильму, с пассивной фиксацией происходящего камерой, которая в равной мере отмечает все, что попадет в поле зрения: кот, рукомойник, покойник, шинель и т. д. Автор искусственно вынимает себя из текста и помещает в него читателя, который под умелым воздействием образной режиссуры Нарбута видит и чувствует гротескное сращение обыденного и ужасного, предметного и телесного в уникальной образной манере с уклоном в гиперболический натурализм. Точное высказывание Н. С. Гумилева о творческой манере Нарбута «Галлюцинирующий

¹ Нарбут В. И. Стихотворения / вступ. ст., сост. и прим. Н. Бялосинской, Н. Панченко. М.: Современник, 1990. С. 162.

реализм!» [5, с. 130] справедливо отнести и к стихотворению «Покойник», где страшное ассимилируется с будничным.

Феноменальное смещение акцентов в стихотворении Нарбута укладывается, с одной стороны, в эстетику карнавализации, когда образ и слово, по утверждению М. Бахтина, входят «в особое отношение к действительности» и подчиняются иным законам в своеобразном действии — «“жизнь наизнанку”, “мир наоборот”» [2, с. 121, 138]; с другой стороны, в подобное мироощущение у Нарбута вкрадывается иной эмоциональный фон — ужасное перестает пугать, диковинное стремится к привычному. У В. И. Нарбута «лирический сюжет создается приемом отстранения, при котором какая-либо художественная деталь получает несвойственный ей контекст» [6, с. 117], оттого и покойник персонифицируется в человека-двойника, входя в сферу живых, разрушая привычные границы в обыденной ритуальности своих действий (раздевание в прихожей, пожелание доброй ночи хозяйке).

Призрак-покойник Нарбута при всей своей внешней трупной атрибутике — облезлый воротник шинели, костлявые плечи, изъеденные щеки — сочетает в себе при этом характеристики живого человека: потирание ладоней, намерение крикнуть лакея и поздороваться с женой, приглаживая бакенбарды. Нонсенс происходящего сливается с нереальностью реальности: «перед нами покойник “живой”, действующий как при жизни... но в то же время это аномальная фигура. Его активность — это активность при видения» [4, с. 206].

Балладный мотив, когда призрак является в мир живых, в варианте Нарбута сочетает в себе как типичные характеристики ужасного (кот, который пугается нечистой силы, ночное время появления гостя, завывание холодного ветра), так и алогичное, авторское прочтение «страшного» в его будничном проявлении (выщербленный рукомойник, скрипящие половицы, хозяйка за пасьянсом, служанка, занятая уборкой). Нарбут тем самым расширяет границы реальности, допуская феноменальную ситуацию галлюцинации или бреда, когда «добренький покойник» неспешно, привычно возвращается домой без явной цели и задачи.

В модернистском тексте Нарбута о нестрашности страшного все подчинено неоднозначности, многоплановости: от поэтической образности до парадоксальной, вопросительной концовки текста, которая, с одной стороны, вполне типична для мистических

произведений: старуха-хозяйка слегла от увиденного, но с другой — закрадывается мысль о возможности невозможного: «— Повадился покойник. / Ужели богом власть ему дана?»² Ведь живой покойник тогда это не проявления нечистой силы, потому что он прислан Богом: нонсенс, который заставляет забыть о традициях готической литературы и вспомнить библейский символизм с благовещением и воскрешением. Тогда возможно допустить мысль, что покойник Нарбута пришел за душой хозяйки по воле Бога и у него есть власть и законное право сосуществовать в мире живых, не являясь в нем аномальным исключением.

Таким образом, в стихотворении «Покойник» Нарбут трансформирует известный фольклорный мотив о возвращении мертвеца домой, лишает его страха, добавляя обыденность, сводя феноменальную фантастику до натуралистичности реализма. Проявление эстетики модернизма явствует в самом подходе, когда «обращаясь к страшному, поэты становились то исследователями катастроф планетарного масштаба, то чуткими регистраторами общественного неблагополучия... либо участниками трагедии человеческого существования» [4, с. 217]. Подчиняя законы готической литературы современным реалиям, модернисты обращались к подсознанию и экспериментам с образностью поэтического языка. А в случае Нарбута его собственная ужасная судьба вытесняла все кошмарное из творчества, поскольку постреволюционная реальность пугала и потрясала своей нелогичностью и абсурдностью гораздо больше, чем привычное и понятное желание покойника просто вернуться в свой дом.

Тема сращения живого и мертвого нашла отражение также и в стихотворении поэта русского зарубежья Б. Ю. Поплавского (1903–1935) «Морской змей» (1925), где привычный мир вдруг превращается в царство смерти, а скелеты людей, животных и вещей кружатся в вихре галлюцинирующего бала мертвецов, где и сам лирический герой превращается в покойника:

*По улице скелеты молодые
Идут в непромокаемом пальто,
На них надеты башмаки кривые:
То богачи; иные — без порток.*

.....

²Нарбут В. И. Стихотворения... С. 163.

*Скелеты лошадей бегут на скачках,
На них скелетыши жокеев чуть сидят.
Скелеты кораблей уходят в скачку.
Скелеты туч влачатся к нам назад.*

.....

*Болтаются ботинки на костяшках.
В рубашку ветер шасть навеселе.
Летит монокля на землю стекляшка.
Я к зеркалу бросаюсь: я — скелет!*

.....

*Вот мюзик-холл... Неистовствуют дамы!
Взлетают юбок веера в дыму.
Разносят яства бесы с бородами,
Где яд подлит, подсыпан ко всему³.*

В безумной пляске у Поплавского оживают предметы, из скелетов сыплются насекомые, ноты прыгают по столам, залезая в карманы гостей, а музыкальные инструменты превращаются в неомифических монстров: скрипки-акулы, контрабасы-киты. Язык и образность Поплавского отличаются вызывающей экспрессией и намеренной эпатажностью, что является демонстрацией эстетического кредо как самого поэта, который всецело жил искусством и творческой энергией, так и репрезентацией актуальных тенденций времени: эксперименты модернизма со словом, образом и сознанием. Потому в поэзии Б. Поплавского все живое и неживое зеркально изменяется либо диффузно проникает друг в друга, так как «отсутствие или размытость границы между субъектом и предметным или природным миром, между человеком и миром материи» [3, с. 481] — одно из центральных понятий в концепции новой личности XX века.

Перетекание объектов в стихотворении «Морской змей» демонстрирует утверждение, что «окружающее пространство в лирике Поплавского графично, то есть принципиально не закончено, динамично» [11, с. 219]. Вселенная Поплавского двухмерна — как картина, в которой нет глубины и понятия перспективы, как супрематизм в поэзии, где условность и повышенная визуальность образа и есть сама суть творческой эстетики.

³ Поплавский Б. Ю. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1: Стихотворения / сост., вступ. ст., коммент. Е. Менегальдо. М.: Русский путь, 2009. С. 98.

Мертвое становится живым, предметы двигаются, звуки обретают плоть в карнавализации мира Поплавского, в котором отсутствуют радость и веселье, необходимые для праздника. Этот фантазмагорический пир является иллюзией, чье наваждение исчезает, обращаясь в морские волны: «Где дружеским холодным голоском / Дохнул нам ветер, не желая спорить. / И мы, за голый камень уцепясь, / Смотрели сумасшедшими глазами, / Как волны дикий исполняли пляс / Под желтыми пустыми небесами»⁴.

Стихотворение «Морской змей» декларирует главный принцип творческого мировидения Поплавского, когда «смешиваются воедино реальное и иллюзорное. Не только смешиваются, но порой даже меняются местами. И уже непонятно, что здесь явь, а что сон, ирреальность — мистические озарения поэта или современная ему европейская жизнь двадцатых годов нашего века» [7, с. 17]. Происходит сращение фантазмагорической образности (люди-скелеты, скачущие ноты, одушевленные предметы) с типичными атрибутами городского быта: театры, скачки, марши солдат, мюзик-холл, танцы, карты. Даже кажущееся пробуждение на морском берегу напоминает возвращение в реальность богемной молодежи Парижа из наркотического бреда под пустыми небесами, которые достались Поплавскому от эстетики декаданса рубежа XIX–XX веков. Ведь именно тогда, по словам М. Метерлинка, весь мир очутился «без крова, под неожиданным небом, не отдающим больше никаких приказаний»⁵.

В последних строках стихотворения Поплавского заключена разгадка символики его названия: «...блестя над корчами воды, / Вдруг вылетела женщина иль рыба / И вновь валились в длинные ряды / Колец змеи, бушующей игриво»⁶. Морской змей Поплавского — не причуда ума, а Левиафан — мифическое библейское чудовище, символ хаоса. Этот монстр для автора и есть современный мир, в котором размываются границы между привычным и иллюзорным, где живых не отличишь от мертвых и где звуки музыки реальнее людского общения. Тем самым поэт сознательно из «шокирующих сюрреалистических образов фантастической повседневности» погружается в свой хаотичный «“антимир” в поисках истинного» [9, с. 19].

⁴ Поплавский Б. Ю. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1: Стихотворения... С. 100.

⁵ Метерлинка М. Разум цветов / пер. с фр. Л. Вилькиной // Метерлинка М. Жизнь пчел. Разум цветов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 290.

⁶ Поплавский Б. Ю. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1: Стихотворения... С. 100.

Смерть у штурвала. Художник Э. Мунк

Таким образом, тема живых мертвецов в стихотворении Поплавского демонстрирует идею о перевернутом мире, где живописный бал-пиршество людей-скелетов — суть декоративная условность, эпатажный словесный кинематограф. Идеосфера Б. Ю. Поплавского — это модернистские поиски новой образности с разрушением границ традиционных норм и правил. Страшное у Поплавского не свойство потустороннего, а признак реальности — пульсирующие кольца Левиафана. Ведь мертвецы во фраках и нарядных платьях — типичные воплощения хаотичного водоворота жизни, спасение от которого можно найти лишь в творчестве, лишь в игре воображения.

К танатологической теме также обращался в своем творчестве известный немецкий поэт и драматург Бертольт Брехт (1898–1956) — в балладе «Легенда о мертвом солдате» (1918).

Стихотворение Брехта, несмотря на всю алогичность нарратива поэтического текста, где мертвого солдата вынули из

x.54

Фридрихштрассе. Художник Г. Гросс. 1918 г.

Миссис Огмор-Причард и ее два мужа-призрака.
Художник Д. Крисфилд-Чапман

могилы, чтобы он снова умер в сражениях за родину, тем не менее глубоко реалистично, поскольку является мощной сатирой на политический режим кайзеровской Германии, для которого человек не значит ничего, он лишь средство для достижения цели:

*Der Sommer zog über die Gräber her
Und der Soldat schlief schon
Da kam eines Nachts eine militä-
rische ärztliche Kommission.*

*Es zog die ärztliche Kommission
Zum Gottesacker hinaus
Und grub mit geweihtem Spaten den
Gefallnen Soldaten aus.*

*Der Doktor besah den Soldaten genau
Oder was von ihm noch da war
Und der Doktor fand, der Soldat war k.v.⁷*

*Лето простиралось над могилами,
И солдат уже спал.
Однажды ночью пришла
Военная врачебная комиссия.*

*Врачебная комиссия вереницей
Потянулась на кладбище.
Освященной лопатой выкопали
Умершего солдата.*

*Доктор тщательно осмотрел солдата
Или то, что от него осталось.
И доктор нашел солдата годным
для военной службы⁸.*

Живой мертвец Брехта в своей кажущейся абсурдности является идеальным воплощением типичных страхов периода Первой

⁷ Брехт Б. Сто стихотворений / сост. З. Унзельд; пер. с нем. и коммент. С. Городецкого. М.: Текст, 2010. С. 30, 32.

⁸ Здесь и далее все цитаты из стихотворения Б. Брехта приводятся в подстрочном переводе автора статьи.

мировой войны: «В солдатские мундиры одевали семнадцатилетних и пятидесятилетних и отправляли на фронт. Слово “KV”, означающее “Kriegsverwendungsfähig” (годный для несения военной службы), еще раз поражало ужасом миллионы семей. В народе говорили: уже людей вырывают из могил для военной службы» [12, с. 190–191]. Поэтому и Брехт передал в «Легенде о мертвом солдате» ужас народа, создав обличительную сатирическую балладу, актуальность которой выходила далеко за границы времени написания, поскольку «в силу своей идейной универсальности стихотворение соответствует социальным настроениям и эстетическим ориентирам всего XX века» [8, с. 6].

Вдохновением как для сюжета, так и самого поэтического языка Брехту послужили не только современные военные реалии, но и традиции немецкой народной поэзии XVI–XVII веков и литературной баллады XVIII века (Г. А. Бюргер, И. В. Гете, Ф. Шиллер). От фольклорных источников Брехт заимствовал нарочитую грубость и угловатость лексики, настроение бравады и предельную натуралистичную честность. А мотив умирания-воскрешения, так популярный в балладах, кардинально переосмысливается Брехтом, трансформируется сам процесс «не от умирания к воскрешению, а от воскрешения к умиранию, что и определяет идейную остроту его произведения: катастрофа произошла не только в умах, но постигла сам порядок мироздания» [8, с. 113]. Существование наизнанку в произведении Брехта передает ситуация, в которой покойник должен умереть еще раз ради политических бесчеловечных целей. Выкапывание из могилы и оживление трупа происходит как обряд черной мессы, ночью, и, как шабаш ведьм в безумном марше, заканчивается утром. Стихотворение Брехта является универсальным образцом антивоенной литературы, где через алогизм происходящего, абсурд и натурализм «пляски смерти» показана простая мысль о бесчеловечности любой войны.

Солдата Брехта извлекают из могилы, воскрешают, чтобы он вновь ушел на поля сражений, хотя до самих военных действий он не добирается. Центральное место в тексте занимают картины хоровода смерти, когда смердящий труп ведут в вихре истощенного веселья, марша и танцев через деревни под отчаянные крики «ура» и лай собак:

*Mit Tschindrara und Wiedersehn!
Und Weib und Hund und Pfaff!*

*Und mitten drin der tote Soldat
Wie ein besoffner Aff.*

*Und wenn sie durch die Dörfer ziehn
Kommt's, daß ihn keiner sah
So viele waren herum um ihn
Mit Tschindra und Hurra.*

*So viele tanzten und johlten um ihn
Daß ihn keiner sah.
Man konnte ihn einzig von oben noch sehn
Und da sind nur Sterne da⁹.*

*С чиндра-ра-ра и прощай!
И баба, и пес, и поп!
И среди всего этого мертвый солдат
Как пьяная обезьяна.*

*И когда эта процессия проходила через деревни,
То случалось так, что его никто уже не мог видеть,
Так много было людей вокруг него
С чиндра-ра-ра и ура.*

*Все так танцевали и пели вокруг него,
что его уже никто не видел.
Его можно было увидеть только сверху,
А там только звезды.*

Небо в произведении Брехта пусто — как дань идеям времени декаданса и последующего модернизма. Бог умер, человечество брошено в пустоту. Лишь равнодушные звезды блистают всем, не видя земных страданий и боли, абсурда и пошлости.

Таким образом, традиции эстетики модернизма проявляются в стихотворении Брехта на идейном уровне — предположить невозможное и разместить его в реальности, на лингвистическом — простой и яркий язык, грубая лексика и ритм, взятый из фольклорных первоисточников. Брехт также видоизменил понятие «страшное», он лишил ситуацию оживления трупа ее пуга-

⁹Брехт Б. Сто стихотворений... С. 36.

ющей ненормальности, его ужас не потусторонний, он исходит от бесчеловечности самой жизни. Из-за многочисленных трагедий на полях сражений, где умирали и калечились не только тела, но и разум людей, боязнь сверхъестественного уступала под натиском смертельной действительности.

Если покойники в произведениях Нарбута, Поплавского и Брехта действовали как одушевленно-неодушевленные объекты в художественном пространстве, то труп в стихотворении «Жалоба мертвеца» (1916) осетинского поэта начала XX века Г. Г. Малиева (1886–1942), напротив, обретает голос, личность и субъективный взгляд на несправедливые законы мироздания:

*Ах, объят холодной мглою
Мой подземный каземат,
Суждено мне злой судьбою
В нем недвижно, вечно спать.*

*Я не злой — в душе ехидно
Не завидую живым,
Лишь одно, одно обидно —
Кто об этом скажет им?*

*Для чего они лишили
Лик мой мертвый блеска дня?
Для чего они зарыли
В землю темную меня?¹⁰*

Мертвец Малиева действует как живой герой. У него есть переживания и мысли, желания. С одной стороны, такая концепция одушевленной смерти вписывается в систему мироощущения модернизма в ее стремлении к переосмыслению имеющихся представлений о мире и введению новой образности в поле идеосферы современного искусства. С другой стороны, в культуре и религиозных верованиях осетин мир мертвых, а конкретно культ умерших, занимает весьма большое место. Загробный мир представлялся им «в более грандиозных (в несколько раз больших), чем реальный мир, размерах. Последний они называли... призрачным миром ("мæнг

¹⁰ Малиев Г. Г. Произведения / сост. В. Малиев. Владикавказ: Ир, 2005. С. 118.

дуне”), а потусторонний мир — “истинным”... “большим миром” (“æцæг дуне”, “стыр дуне”). В нем каждый покойник занимал то место, которое он заслужил себе на земле» [10, с. 343]. Сильна была вера в то, что «по ту сторону могилы есть жизнь... как продолжение того, что предназначено нам в земной жизни. Поэтому души умерших имеют такую же потребность в пище, тепле и свете, как и живые люди» [10, с. 270]. Отсюда обширные поминки, устраиваемые мертвым, дабы накормить их по ту сторону смерти, клятвы и обещания на могилах, при мертвых, как при живых свидетелях и т. д.

Поэтому выстраданные чаяния и жалобы покойника в стихотворении Малиева не только художественный прием, типичный для поэта «большой эмоциональной силы» [1, с. 244], но и в какой-то мере вполне привычное отношение к мертвым, у которых есть сознание и потребности. Значение культа мертвых (или культа предков) является одним из основополагающих базовых установок национальной идентичности осетин и основой их миропонимания.

Однако мертвец Малиева выходит далеко за пределы архаических представлений о загробном мире, его лирический герой вполне современен для начала XX века, он остро ощущает несправедливость мира, лишившего его возможности видеть солнце, ощущать движение ветра и чувствовать полноценность существования. Известный осетинский ученый-филолог Ш. Ф. Джикаев считает ожившего покойника Малиева аллегорией свободы в целом и предполагает, что в «Жалобах мертвеца» мы: «Уынæм бæллицтæ æмæ æцæгдзинады æнусон быцæу. Нæй ирвæзæн тар мæсыг æмæ ныггæнд казематæй, — ахæм у поэты хъуыды» [13, с. 155] — «Видим вечный спор мечты и истины. Нет спасения из темной башни и закрытого каземата — такова мысль поэта»¹¹. То есть все на земле — и живое, и мертвое лишено свободы выбора бытия, обречено на прозябание в темноте. В этом заключается суровая правда, а мечта о свободе навсегда недостижима.

Традиционный обряд закапывания мертвого в землю приобретает у Малиева дополнительную смысловую нагрузку, в извечное противостояние живого-мертвого добавляется идея о вынужденном Ином (Чужом). Антагонизм и неприятие миром мертвеца Малиева связан с модернистским осознанием экзистенциальной личности «тошноты» бытия и невозможности найти понимание в социуме, где любой человек «мертвый при жизни и все же живой

¹¹ Перевод с осетинского автора статьи.

после катастрофы»¹². Мертвец у Малиева чужой — неживой, потому отвергнут людьми, которые считают свет солнца прерогативой только лишь дышащих, наземных существ.

Тем самым лирический герой Малиева разрушает привычный образ покойника: он не злой, не завидует живым, не немой труп, имеющий право лишь разлагаться глубоко в темной земле. Мертвец Малиева — образ личности, стремящейся к свободе, к свету, к звукам и обычным человеческим радостям. Однако все чуждое и непривычное отвергается живыми, потому мечта и истина недоступны ограниченности человеческого бытия. От традиционного сознания у Малиева взята сама возможность наделить покойника желаниями — как фольклорный персонаж из страны мертвых, он стремится к привычному укладу жизни, но как герой современности осознает невозможность сосуществования чужого и чуждого в мире обывателей, строго охраняющих границы реальности.

Заключение

Таким образом, в конце исследования приходим к следующим выводам.

Образ живого покойника в поэзии модернизма обрел особую популярность как символ многозначный, в котором традиционные характеристики гармонично сливаются с авторским прочтением. Так, в идеосфере Нарбута фольклорный мотив возвращения мертвеца домой обретает новое звучание — он лишается конкретной цели и необходимой эмоциональной нагрузки — пугать и устрашать. У Нарбута будничность вытесняет страх, так как прижизненные привычки мертвеца сопровождают его и после смерти. Реализм нереальности воплощается в натуралистичных деталях, образах, лексике. У Поплавского скелеты заполняют город и предаются активным развлечениям и праздности, в декоративном мире Поплавского покойника не отличить от живого, поскольку все вокруг является маской, обманом и игрой. Явь и фантазия меняются местами, страх перед потусторонним вытесняется смятением перед настоящим, где царит мифический Левиафан, символ хаоса. В свою очередь, для Брехта мертвый солдат является универсальным воплощением образа жертвы войны, в которой человек — лишь пешка. Ситуация оживления мертвеца в

¹² Кафка. Ф. Из дневников / пер. с нем. Е. Кацевой // Кафка. Ф. Дневники и письма. М.: ДИ-ДИК — ТАНАИС, Прогресс-литера, 1994. С. 165.

слиянии гротеска и реальности, абсурда и логики необходима автору для обличения убийственного антигуманизма войны. Средневековая аллегорическая «пляска смерти» у Б. Брехта становится картиной современности, в которой преступные политические цели уничтожают в человеке все человеческое.

Лирический герой Малиева — живой мертвец, стремящийся к невозможному: вернуться к солнцу, обрести свободу, ощутить движение стихий. Покойник у Малиева демонстрирует как связь с традиционной культурой и верованиями осетин (вера в загробную жизнь, культ предков), так и проблемы самоидентификации личности в современном мире (эффект отчуждения и процесс очуждения).

Темы умирания-воскрешения, возвращающихся мертвецов, так популярные в истории мирового фольклора и литературы, в готической прозе и поэзии, ориентированы были на определенный эмоциональный фон, сконцентрированный на таинственном, иллюзорном, страшном и пугающем. В творчестве представленных поэтов-модернистов эти мотивы получили новое прочтение, поскольку ужасающим и нелогичным для Нарбута, Поплавского, Брехта и Малиева являлось само время сдвигов, социальных перемен, войн и революций — начало XX века, а не сфера искусства. Поэтому границы условности и фантазии служат им спасением от кошмаров современности, где в кольцах Левиафана бьется человек и где мунковский «Крик» является не плодом воображения, а инвариантным состоянием сознания, соприкасающегося с реальностью.

ИСТОЧНИКИ

1. *Ардасенов Х. Н.* Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959.
2. *Бахтин М. М.* Проблема поэтики Достоевского. 1963. Работы 1960–1970-х гг. // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
3. *Бобринская Е.* Концепция нового человека в эстетике футуризма // Вопросы искусствознания. 1995. № 1/2.
4. *Васильев И. Е.* Страшное в творчестве поэтов-адамистов С. Городецко-го, В. Нарбута, М. Зенкевича // Известия Уральского федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 4.
5. *Гумилев Н. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006.

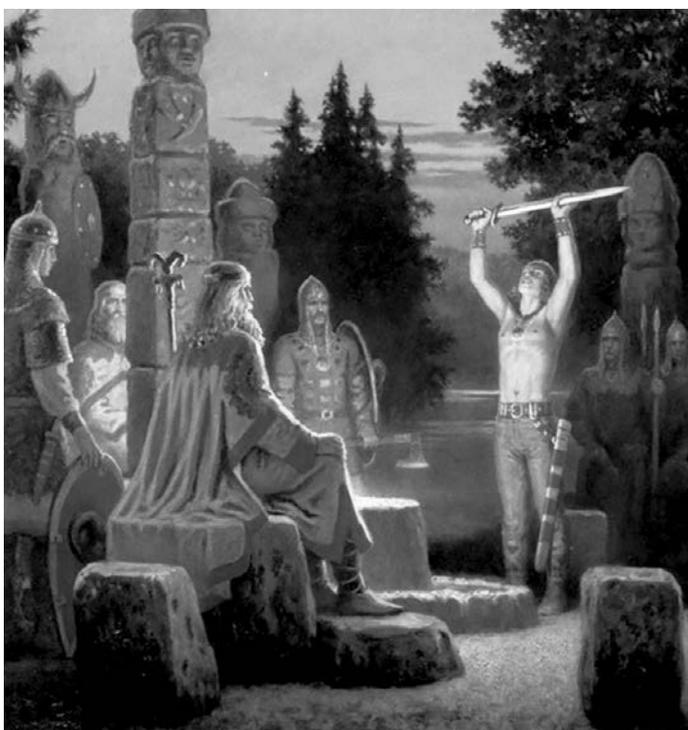
6. *Гущина К. Н.* Образ тела в лирике В. Нарбута «Плоть» // Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (65).
7. *Иванова С. А.* Время Поплавского // Поплавский Б. Ю. Сочинения / общ. ред. и коммент. С. А. Ивановой. СПб.: Летний сад; журнал «Нева», 1999.
8. *Козин А. А.* «Легенда о мертвом солдате» Б. Брехта: к вопросу об эволюции жанра // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Филологические науки. 2017. № 3 (164).
9. *Кочеткова О. С.* Идеино-эстетические принципы «парижской ноты» и художественные поиски Бориса Поплавского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
10. *Магоматов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Ир, 2011.
11. *Савинская О. А.* Изобразительное начало в лирике Б. Ю. Поплавского // Вестник Костромского гос. ун-та. 2008. Т. 14. № 4.
12. *Шнеерсон Г. М.* Эрнст Буш и его время. М.: Советский композитор, 1971.
13. *Джыккайты Ш.* Малиты Геуæрги // Джыккайты Ш. Ирон литературæйы истори (1917–1956 азтæ). Дзæуджыхъæу: Ир, 2003.

Аслан ГАЛАЗОВ

К вопросу этимологии
этнонима «русы»:
очерки славяно-иранских
культурно-исторических
связей

6. Иранский след в истории ранней Руси

С норманизмом как системой взглядов на истоки зарождения Руси сложно согласиться, поскольку, начиная историю Руси с призвания варягов, норманисты отсекают от русской истории, от истории восточных славян весьма значительный временной период — по меньшей мере тысячелетие. Тем более что речь идет об очень важном периоде, связанном с вызреванием этноса, его языка, культуры, мышления, когда в ходе его исторического развития, миграций, контактов с другими языками и культурами формируются основы самосознания, культурной идентичности, религиозно-этической сферы, самого характера и духа народа. Таким образом, норманисты совершают методологическую ошибку, упрощая сам процесс политогенеза, словно славяне, к которым пришли варяги, были «чистым листом бумаги».

Неудивительно, что норманизм с самого своего появления вызывал серьезные возражения ученых — историков, археологов, лингвистов, фольклористов, которые задавались естественным вопросом: а что происходило с восточными славянами и их предками до легендарного «призвания варягов»? Истории ранней, доваряжской Руси посвящена книга Георгия Вернадского «Древняя Русь», в которой отмечается важная роль иранских контактов. В частности, Вернадский писал: «Иранский период обладал фундаментальной значимостью для последующего развития русской цивилизации. Неуничтожимые следы иранского влияния все еще существуют на карте России, поскольку во множестве случаев

Окончание. Начало см.: Дарьял. 2025. № 2.

географические названия, в особенности в Южной Руси, происходят из иранского языка. Мы также находим производные от иранского в языках как славян, так и финнов в различной хозяйственной и земледельческой терминологии. Более того, как мы увидим, именно иранцы заложили основание политической организации восточных славян. Искусство Древней Руси было также пропитано иранскими мотивами. В русском народном (крестьянском) искусстве и ремеслах иранские традиции сохранились почти до наших дней. Кроме непосредственных контактов со славянами и с финнами, иранцы, занимавшие степи Южной Руси, служили также связующим звеном между греческой и персидской цивилизациями, с одной стороны, и народами Центральной и Северной Руси — с другой»¹.

Важное значение иранских контактов отмечают и лингвисты. Вяч. Вс. Иванов считал, что «по отношению к ранним славянам можно говорить об иранизации»². По мнению другого выдающегося лингвиста В. Н. Топорова, иранизмы в языке и мифо-религиозной сфере стали информативным маркером не только в истории славян, но и во всей древней истории Евразии: «В сложной картине соотношения евразийских культурно-исторических и языковых элементов одним из существенных ориентиров следует считать иранизмы, широко представленные в разных традициях к северу (а также к западу и к востоку) от иранских территорий (балты, славяне, кавказские народы, финно-угры, тюрки, енисейцы, тохары, тибетцы, монголы и т. п.). Иранский культурный комплекс, в основе которого лежал весьма устойчивый дуалистический принцип, оказался способным к исключительно мощной и направленной иррадиации тех или иных своих элементов... именно иранизмы позволяют уточнить ряд хронологических характеристик широчайшего ареала и соотнести тем самым разные этнокультурные комплексы внутри евразийского макросоюза»³.

Глубина славяно-иранских связей позволила некоторым ученым предположить существование в прошлом славяно-иран-

¹ Вернадский Г. В. Древняя Русь. М., 2004. С. 77.

² Иванов Вяч. Вс. Проблема изучения славянских языков // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма: Сборник тезисов. М., 1968. С. 5.

³ Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия. М., 1981. С. 146.

ского симбиоза на определенных пограничных территориях. Такого мнения, например, придерживался археолог академик В. В. Седов: «К периоду славяно-иранского симбиоза относится целый ряд языковых и культурных элементов, воспринятых или унаследованных юго-восточной частью раннего славянства из иранского мира. Языковое влияние проявляется в материалах лексики, элементах фонетики и грамматики. Это дало основание В. И. Абаеву утверждать, что в этногенезе рассматриваемой группы славян участвовал скифо-сарматский этнический субстрат. Анализ языковых иранизмов позволяет говорить о том, что в римское время складывается антская диалектная область. Иранское наследие в юго-восточной части расселения славян выявляется также в духовной культуре и антропонимике»⁴. Таким образом, «длительность и интимность»⁵ славяно-иранских контактов подтверждается как археологами, так и лингвистами.

Игнорируя иранское начало в сложении Руси, норманисты искажают историю и сущность русской культуры как самобытной евразийской цивилизации, которая формировалась, по выражению А. В. Головнева, именно «сдвоенной магистральностью»⁶, культурным синтезом, связанным с пограничным характером ее территории, одновременно разделяющей и связывающей Европу и Азию, Север и Юг, Запад и Восток не только в географическом, но и в культурно-экономическом плане.

Не учитывая иранский период политогенеза восточных славян, нельзя ответить на вопрос: что послужило импульсом и причиной превращения мирных славян-земледельцев в воинственных русов, живущих грабительскими походами и угрожающих самой Византии? Это изменение образа жизни, нравов и устремлений восточных славян, этот пассионарный взрыв и военно-политическую экспансию русов нельзя понять вне контекста длительных славяно-иранских контактов — в особенности в период раннего средневековья, когда после гуннского нашествия и установившейся вслед за этим власти Хазарского каганата происходит

⁴ Седов В. В. Этногенез ранних славян // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7. С. 598.

⁵ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы // Абаев В. И. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир, 1995. С. 300.

⁶ Головнев А. В. Антропология движения. Древности Северной Евразии. Екатеринбург, 2009. С. 423.

активное взаимодействие и симбиоз двух культур, двух идеологий: военизированной культуры номадов-алан и оседлой земледельческой культуры юго-восточных славян.

Норманисты по-своему отвечают на этот вопрос и связывают импульс пассионарности, овладевший славянами-земледельцами, с призыванием варягов. Но, исходя из сообщений письменных источников, в том числе из сведений ПВЛ, многочисленный и воинственный народ русов, возглавляемый каганом, успел заявить о себе до призвания Рюрика и появления варягов в Ладого. А сведения ПВЛ о том, что призванные варяги происходили из народа русов и что от тех варягов-русов якобы «прозвалась» Русская земля, представляются сомнительными.

7. Скифский период в истории славян

Длительное историческое соседство двух этносов предполагает наличие территорий, где происходит наложение культур и языков друг на друга, и, как следствие, возникает их симбиоз, который может стать почвой для рождения нового этнополитического образования. Естественно, что в этом случае на какой-то период возникает и определенный вид двуязычия. Проблему существования в прошлом определенного вида славяно-иранского двуязычия рассматривают в своей книге «Народы-братья, языки-братья» А. Х. Галазов и М. И. Исаев: «Особо важным свидетельством длительности и интенсивности контактов между языками служит наличие схождений в области фонетики или грамматики, ибо известно, что именно эти уровни языка являются наименее уязвимыми. В этой связи характерно, что ученые находят как фонетические, так и грамматические скифо-славянские схождения, относящиеся еще к скифо-европейскому периоду... Все это позволяет сделать некоторые выводы о том, что между скифами и славянскими племенами существовали такие языковые контакты, которые по своей близости можно характеризовать как определенный вид двуязычия... Вполне понятно, что степень интенсивности скифо-славянских контактов не все время была одинаково высокой. Это же можно сказать и о более поздних эпохах, когда речь идет о славо-сарматских и славо-аланских контактах, доходящих до эпохи переселения народов (IV век н. э.) и далее до пе-

риода Салтовской культуры (VIII–IX вв. н. э.) и Тмутараканской Руси (XI–XII вв. н. э.)»⁷.

В. И. Абаев, рассматривая лексические, грамматические и фонетические русско-осетинские схождения, отмечал важное отличие между лексическими и грамматическими изоглоссами: «Грамматические языковые изоглоссы немислимы без того, чтобы на стыке контактирующих языков наметились элементы двуязычия. Что касается лексических изоглосс, то двуязычие несомненно благоприятствует их распространению, но не является необходимым условием»⁸.

Вопрос о возможности существования в прошлом славяно-иранской культурной общности, в том числе и определенной формы двуязычия, поднимал академик Б. А. Рыбаков. В частности, он считал очевидным «сильное сращивание праславянской культуры со скифской, восприятие славянской знатью всех основных элементов скифской всаднической культуры (оружие, сбруя, звериный стиль) и в какой-то мере, может быть, даже языка». Рыбаков отмечал «существование своего рода скифского периода в истории праславянского языка, выразившегося в большом количестве иранизмов, включенных в славянские языки»⁹.

Языковые схождения и тем более та или иная форма двуязычия подразумевают тесные культурные контакты, культурный симбиоз, поэтому замечание Б. А. Рыбакова представляется очень важным: существование «скифского периода в истории праславянского языка» объясняет славяно-иранские схождения не только в языке, но и в религиозных представлениях, эпосе и фольклоре.

Существование в прошлом определенной формы славяно-иранской общности предполагал и А. А. Зализняк, основываясь на данных сравнительного языкознания. В работе «Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода» ученый приводит значительный по объему список славяно-иранских схождений в фонетике, морфологии, лексике: «Как можно видеть из нашего обзора славяно-иранских схождений, значительная часть этих схождений принадлежит к мифологической и религиозно-этической сфере. Есть все основания считать, что этот факт

⁷ Галазов А. Х., Исаев М. И. Народы-братья, языки-братья. Орджоникидзе: Ир, 1987. С. 63.

⁸ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы... С. 342.

⁹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979. С. 227, 195.

отражает существование в прошлом определенной религиозно-мифологической и культурной общности между иранцами и славянами, что хорошо согласуется с данными истории культуры и археологии. При этом общее направление влияния было от иранцев к славянам»¹⁰.

Выводы авторитетных ученых позволяют предположить, что процессы славяно-иранского этнокультурного симбиоза воспроизводились в различные исторические эпохи. Можно говорить не только о скифском, но и о сарматском и аланском периодах в истории ранних славян. То есть тезис Рыбакова о «восприятии славянской знатью всех основных элементов скифской всаднической культуры (оружие, сбруя, звериный стиль) и в какой-то мере, может быть, даже языка» применим и к другим периодам славяно-иранских контактов. В том числе это касается проблемы «русов», которые, по описаниям в древних письменных источниках и данным археологии, обнаруживают черты славяно-иранского симбиоза. Например, в обряде захоронения. Одних русов хоронят в катакомбах, подобных захоронениям сарматов и алан. Других русов кремируют, что больше характерно для древнеславянской традиции. Подобно сарматам и аланам, русы исповедуют воинскую, дружинную идеологию, культ меча и войны. Подобно сарматам, русы носят золотые браслеты и гривны. Но русы уже не всадники, как скифы или сарматы, и все набеги и войны производят на кораблях, что указывает на культуру древних славян, селившихся вдоль рек и, естественно, освоивших в совершенстве искусство речных корабельщиков.

В пользу гипотезы существования очагов славяно-иранского этнокультурного симбиоза и, соответственно, определенной формы двуязычия может говорить и фрагмент сочинения середины X века византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении Империей», где в разделе, посвященном Руси, среди прочего даются названия Днепровских порогов на «русском», затем на славянском языке, а затем дается перевод на родной для автора греческий. Названия на славянском языке легко прочитываются с современного русского. А вот «русские» названия Днепровских порогов с современного русского не прочитываются. Они явно имеют иноязычную природу. Норманисты пыта-

¹⁰ Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 41.

лись дать названиям порогов скандинавскую или германскую этимологию, но успеха не добились.

Ряд ученых предложил иранскую этимологию: большинство «русских» названий порогов прочитываются с современного осетинского. Например, подробный анализ названий Днепровских порогов был проделан М. Ю. Брайчевским в статье «“Русские” названия порогов у Константина Багрянородного»: «Таким образом, все семь имен получили безупречные осетинские этимологии, хорошо соответствующие тексту источника. Конечно, проявление слепой случайности здесь исключается. Предлагаемый вариант интерпретации во всех семи случаях превосходит норманнский уже тем, что не оставляет ни одного имени без надлежащего разъяснения. Следовательно, “Русь” Константина Багрянородного — это не норманнская и не славянская, а сарматская “Русь”, сливающаяся с тем таинственным народом Рос, который древние авторы еще в последние века до нашей эры размещают в юго-восточном углу Восточно-Европейской равнины»¹¹.

Не вдаваясь в подробности этого отдельного фронта в споре норманистов и антинорманистов, отметим лишь, что было бы странным, если бы иранское название реки Днепр не имело бы иранских названий своих порогов, учитывая скифо-сарматскую историю этого региона и большое количество обнаруженных в Поднепровье скифских и сарматских курганов и захоронений. Было бы также удивительно, если бы варяжские названия Днепровских порогов смогли закрепиться в течение короткого исторического периода, когда варяги гипотетически могли действительно путешествовать по этим порогам.

Общепризнано, что названия Днепр, Дон, Днестр, Дунай имеют иранское происхождение и указывают на длительное, многовековое пребывание на этих территориях северных иранцев: скифов, сарматов, алан. Следовательно, иранские названия Днепровских порогов в силу длительного господства в этом регионе иранского языка, его высокого «престижного потенциала», представляются более вероятными. Тем более что большинство названий двусложные и содержат в себе как основу слово «форс» («фор, форос, ворс»): «Улворси, Валуфорос, Айфор», что соотносится с осетинским *fars/fors* «бок», «порог», «край»; авест. *para*

¹¹ Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Варяго-русский вопрос в историографии. М.: Русская панорама, 2010. С. 196.

(*fara*) (сторона, направление, край), в санскрите *parsva* (бок, сторона, фланг, окрестности). Одна из местностей в современной Осетии носит название Донифарс (у края, у порога реки). Можно также упомянуть в этой связи бухту Форос в Крыму.

В описании Днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного существует четкое разделение русского и славянского, из которого следует, что «русский» — это не славянский язык. Возможно ли предположить, что под «русским» скрывается варяжский/скандинавский? Сомнительно. Все же скандинавы были достаточно хорошо известны византийцам: и под именами отдельных народов, и под общим именем норманнов. Если названия Днепровских порогов имеют скандинавскую этимологию, как полагают норманисты, то почему скандинавское влияние никак не фиксируется в русском языке, в топонимике, гидронимике, в археологических данных, в фольклоре — как это происходит в случае с влиянием языка северных иранцев? Не могло ведь скандинавское влияние исчерпываться названиями порогов Днепра? Кроме того, «русские» названия порогов в тексте Константина Багрянородного подаются как более древние, предшествующие славянским. А если так, то это еще один аргумент против германо-скандинавской этимологии и в пользу этимологии иранской.

Итак, названия Днепровских порогов, которые Константин приводит на «русском» и на славянском, являются, вероятнее всего, примером застывшего во времени славяно-иранского двуязычия. Очевидно, что названия порогов источнику Константина сообщал рус или славянин, свободно владевший и славянским, и «русским». Отсюда можно сделать предположение о существовании в данный исторический период некой славяно-иранской общности и, соответственно, определенных форм двуязычия. Например, название реки *Днепр* есть не что иное, как славянизированная форма скифского *Данапр*. Здесь, как и в случае с названием *Днестр* (из скифского *Данастр*), мы имеем дело с характерным для старославянского языка стяжением гласных (голос — глас). Другим примером славянизации иранских гидронимов является название реки Северский Донец. Название *Донец* имеет корень *дон* (вода, река) иранского происхождения и славянский формант *ец*. Подобные лингвистические процессы говорят о славяно-иранском симбиозе и славянизации части регионов, в которых прежде господствовали скифо-сарматские языки. Таким об-

разом, как пишет Брайчевский, «сарматскую Русь сменяет Русь славянская»¹².

На вероятность существования в прошлом определенной формы славяно-иранского двуязычия указывает не только большое количество иранизмов в русском языке, но и иранские следы в «Слове о полку Игореве», где, к примеру, встречается архаичное слово *карна*: «За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли»¹³. Если со словом *Жля* все ясно — оно сохранилось в современном русском (жалеть, сожаление), то слово *Карна* — это архаизм (арх. *карити* — оплакивать), заимствованный из иранского, который не сохранился в современном русском в древнем виде, но имеет однокоренные слова *крик*, *кричать*. В славянской мифологии Карна — богиня смертного плача. Слово *карна* сближается с осет. *хъæр* (крик); *хъырнын* (подпевать, оплакивать); *хъарæг* (причитание женщин над покойником); *хъарæг кæнын* (оплакивать покойника, причитать над покойником).

Наконец, в пользу гипотезы существования в прошлом определенной формы славяно-иранского двуязычия говорят иранские названия славянских богов языческого пантеона, о которых упоминалось выше и которые были подробно проанализированы А. А. Зализняком, считавшим, что «славянский пантеон структурно и материально близок к индоиранскому и в особенности к иранскому»¹⁴.

8. Эволюция этнонима «русы»

Лексема *рохс/рухс* появляется первоначально как первая часть двусложного этнонима *роксоланы*, что в переводе с иранских языков означает не что иное, как «светлые аланы». По своему значению лексема *рохс* (светлый, светлые) близка названию родственного роксоланам сарматского племени аорсов (белый, белые). Существенным здесь является отделение «светлого», «белого», то есть благородного, царствующего племени, рода или сословия от «черни»: земледельцев и ремесленников, рабов и зависимых людей. Возможно, названия «роксоланы» (светлые

¹² Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов... С. 196.

¹³ Слово о Полку Игореве. М.: Худ. лит., 1985. С. 36.

¹⁴ Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений... С. 41.

аланы) и «аорсы» (белые, благородные) аналогично по смыслу «царским скифам». Как отмечал А. Г. Кузьмин, «слово “рус” очень древнее и существовало у разных индоевропейских народов, обозначая, как правило, господствующее племя или род»¹⁵. Вероятно, понятие «светлости» и света вообще имело не только социальный, но и религиозный аспект, усиливающий значение благородства, знатности, господства.

Первое упоминание о русах как об отдельном народе возникает в сирийском источнике VI века — «Церковной истории» Псевдо-Захарии, где говорится о народе *Hros*. Первое упоминание о русах в западных источниках появляется в 839 году в Бертинских анналах, где речь идет о народе *Rhos*¹⁶. Таким образом, мы имеем *Hros* в сирийском источнике VI века и *Rhos* в латинском источнике IX века. В последующих упоминаниях росов или русов фонема *h* исчезает. Наличие этой фонемы в самых ранних упоминаниях о русах показательно. Мы имеем дело с выпавшей, «стершейся» фонемой, восходящей к иранской первооснове *Rohs/Ruhs*, которая является частью этнонима *роксоланы*. *Hros* и *Rhos* — не что иное, как два варианта метатезы иранского *Rohs* в двух различных языках. Как известно, метатеза — это перестановка звуков или целых слогов при усвоении иноязычного слова, переходе слова из литературного в разговорный или диалектный, а также в детской речи. *Hros* и *Rhos* из иранского *Rohs* — очевидные примеры метатезы.

Роксоланы занимают территорию между Доном и Днпром со II века до н. э. В тот же исторический период аорсы занимают обширные области Поволжья, Подонья и Северного Кавказа. С этого времени начинаются контакты предков южных восточнославянских племен с роксоланами, аорсами и другими сарматскими племенами, которые в первых веках нашей эры покрываются общим именем алан. В ходе длительных славяно-иранских контактов и вероятных процессов смешения и симбиоза культур иранская лексема *рохс/рухс* входит в славянский язык, утрачивает фонему *h* и становится в период VIII–IX веков самоназванием славянского племени полян.

Итак, эволюция названия «русы» видится как переход иранского этнонима с юго-востока на северо-запад, на славянскую почву,

¹⁵ Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 31.

¹⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 288–289.

что соотносится с гипотезой ряда ученых о миграции салтовских алан в область среднего Поднепровья и смешении с южными восточнославянскими племенами. От этнонима, обозначающего племенную и военную знать сарматов и алан, — к этнониму, обозначающему воинственный народ русов-славян Поднепровья, выделившийся из восточнославянской среды в результате симбиоза с аланами. Затем, уже на славянской почве, название «русы» приобретает черты этносоционима, обозначающего воинское сословие, нобилитет, и этнотопонима, обозначающего территорию Южной Руси, земли полян и соседних с ними племен. В конечном итоге, будучи первоначально связанным с племенем полян, название «русы» в течение нескольких веков покрывает все восточнославянские племена.

Таким образом, распространение названия «русы» шло от Киева к Новгороду, с юга на север, а не наоборот.

9. Семантика лексемы «рус»

Попробуем рассмотреть семантический диапазон лексемы «рус» на материале однокоренного ряда: русы — русский — Руслан — Роксолана. Очевидно, что «русы» и «русый» имеют один корень. «Русый» означает «светлый». Слово «светлый» имеет два значения. «Светлый» — как описание внешнего облика: светлой кожи, светлого цвета волос, глаз. И «светлый» — в значении благородства, знатности, высокого социального статуса (Ваша светлость, светлый князь, свет, светское общество) — как антитеза черни.

Имя Руслан хорошо известно благодаря поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», которая отсылает читателя ко временам древней былинной Руси и к популярному в народе сказанию о Еруслане Лазаревиче. Общеизвестны иранские мотивы в сказании о Еруслане, в частности заимствования некоторых сюжетов и образов из поэмы «Шахнаме» Фирдоуси. Имя Руслан также имеет иранскую этимологию и, очевидно, происходит от этнонима *русалан* — так именовали в некоторых древних источниках роксоланов. Руслан — это славянская адаптация иранского *рухсалан* (светлый алан) с выпадением фонемы *h* и характерным для старославянского стяжением гласного (Рухсалан — Русалан — Руслан). Имя Руслан, таким образом, несет в себе солнечную семантику света, благородства, царственности.

Женское имя Роксолана получило широкую известность с начала XVI века. Так звали наложницу, а затем и любимую жену османского правителя Сулеймана Великолепного. Роксолана была славянкой и происходила родом с территории нынешней Украины, где многие века до вторжения гуннов господствовали роксоланы. Роксоланы исчезли, но оставили свой след в памяти населяющих эти места народов как имя собственное в двух формах: Роксолан (Роксолана) и Руслан (Руслана). Точно так же через два столетия после того, как аланы, ушедшие с гуннами в Европу, растворяются в ее народах и исчезают со страниц европейских хроник, в Европе остается аланская топонимика и появляется имя собственное Алан (Аллен), весьма популярное до сих пор.

Вернемся к слову «русый». Понятие «русый» обладает спектром цветовых значений: светлый, соломенный, светло-коричневый, желтый (золотой), рыжий, красноватый. В санскрите для обозначения солнца можно найти такие слова, как *rus* (блестящий, серебристый), *aruna* (красноватый, оранжевый, утренняя заря), *rakta* (красный). В авест. — *raohs* (светлый, яркий), *arusa* (красный, огненный, пламя); в шугнанск. — *роухни* (светлый, блестящий); в итал. — *rosso* (красный). Таким образом, лексема «рус» вмещает в себя цветовой диапазон от белого до красного. В русском языке этот диапазон отражен в семантической дистанции между близкими по значению и родственными словами «русый» и «рыжий». Солнечный свет может быть просто дневным светом (белым), но также желтым (золотым, рыжим) и красным (алым, оранжевым). Как нельзя лучше это отражает авестийское *aurus*, которое означает одновременно и «белый», и «красный», и «малиновый, алый». Авестийское *aurus* соотносится с санскритским *arusa* (красный, огненный, пламя, солнце).

Семантика лексемы «рус» непосредственно связана с солнечным светом. Б. А. Рыбаков отмечал у древних славян «почитание “света” как эманации высшей божественной силы», а также существование в древнеславянской картине мира «идеи света, овеществленного в солнце и в динамике его небесного хода»¹⁷. Значения знатности, благородства, царственности возникают именно в связи с солнцем: бог-солнце, король-солнце, князь-солнце (Владимир Красно Солнышко).

¹⁷ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. С. 2.

10. Славяно-иранские языковые схождения

Одним из свидетельств длительности и интенсивности славяно-иранских контактов являются многочисленные схождения в языке — не только в лексике, но и в таких устойчивых к внешним влияниям сферах языка, как грамматика и фонетика. Выдающийся лингвист, иранист В. И. Абаев в работе «Скифо-европейские изоглоссы» отмечал особую близость осетинского языка к языкам европейского ареала — в отличие от других иранских языков. «Такое положение не должно удивлять, — пишет Абаев. — <...> Скифская группа иранских языков, к которой принадлежит осетинский, была от глубокой древности глубоко продвинута в Европу и много веков соседствовала с европейскими, особенно восточно-европейскими языками, в то время как остальные индоиранские языки уже давно переместились на восток и на юг и утратили всякий контакт с Европой. Как и следовало ожидать, особенно многочисленны изоглоссы, связывающие осетинский со славянскими языками. Здесь мы имеем не только лексические, но и некоторые важные грамматические связи. Что указывает на длительность и интимность контактов»¹⁸. Абаев рассматривает две важные осетино-славянские грамматические изоглоссы: «перфектирующую функцию превербов и генитив-акузатив»¹⁹. Кроме того, ученый обратил внимание на очень информативную ирано-славянскую фонетическую изоглоссу — фрикативный «г» (осет. *гъ*), характерный для южнорусских наречий. По мнению Абаева, «изоглосса *у(h)* информирует нас о более глубоком и значительном участии скифо-сарматского элемента в этногенетическом процессе на Юге России»²⁰.

Исследованием славяно-иранских языковых схождений, помимо В. И. Абаева, в разное время занимались такие крупные ученые, как Вс. Миллер, М. Ю. Брайчевский, М. Фасмер, А. А. Зализняк, О. Н. Трубачев, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров и другие. В этой связи следует отметить работу А. А. Зализняка «Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода», в которой ученый анализирует большой объем славяно-иранских и славяно-арийских языковых схождений, а также заимствования из иранского в праславянский и восточнославянский. А. А. Зализняк

¹⁸ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы... С. 300.

¹⁹ Там же. С. 342.

²⁰ Там же. С. 339.

выделяет несколько аспектов славяно-иранских языковых связей, представляющих особый интерес для науки. Один из них, по его мнению, имеет непосредственное отношение к истории происхождения славянских языков. «Решение вопроса о характере славяно-иранских языковых связей важно для определения места славянских языков в диалектном членении и.-е. языковой области. Необходимо установить, можно ли и следует ли возводить славяно-иранские языковые схождения (все или какую-то часть) к общеиндоевропейской эпохе и, соответственно, делать вывод о соседстве между славянскими и иранскими племенами, не прерывавшемся со времен и.-е. общности»²¹.

Схождения в русском и осетинском языках включают в себя базовые, первичные понятия, описывающие физический мир, предметы материального быта, а также абстрактные категории, в том числе относящиеся к религиозно-этической сфере, что указывает на древность и родственность этих языковых связей. Приведем некоторые примеры русско-осетинских языковых схождений, которые лишь в малой степени отражают значительный по объему фонд славяно-иранских изоглосс.

Схождения в морфологии восходят, очевидно, к индоиранской, индоевропейской базе. Например, морфема *st*. Осет. *сты* '[они] есть' — рус. *есть*. Сочетание *st* является, по-видимому, древней и.-е. морфемой, обозначающей «сущность», «наличие» (рус. *суть*, *сущность*, *есть* — осет. *сты* '[они] есть' — нем. *ist* — англ. *is*), а также все, что «статично», все, что стоит, что есть («стан», «стоять», «стул», «стол», «стержень», «стебель», «старый», «кость», «есть», «здание», «место» и т. д.) — осет. *стон* 'место, территория; обычная часть известных топонимов: *Ирыстон*, *Гуырдыстон* и т. д.; *сыст* 'встань', *стæг* 'кость' — англ. *state* 'страна, государство'.

Одно из многочисленных названий солнца в санскрите — *aruna* 'красноватый, оранжевый, утренняя заря'; в авестийском — *arusa* 'красный, огненный, пламя'. Очевидно, что морфема *ar* имеет значение некой энергии: «огненного, красного, освещающего, согревающего». Русские слова с морфемой *al/ar*: «алый», «жар», «пар», «жарить», «парить», «варить». Везде морфема *ar* подразумевает присутствие огня, источника света, тепла и энергии, отсюда: «яркий, ярый, яриться, разъярится, ярило». В осетинском: *арт*

²¹ Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений... С. 41.

'огонь'; *æppa* 'сумасшедший, буйный, разъяренный'; *æлдар* (Абаев полагал, что *æлдар* происходит от *арм-дар* — рукодержец; простирающий руку: *арм* 'рука', *дар* 'держатель, носитель' (князь, властодержец). И в русском, и в осетинском морфема *ar/al* восходит, по-видимому, к одной и той же индоиранской основе (авест. *far* 'огонь'). Также англ. *war* 'война', *army* 'армия', бог войны Арес.

К индоиранской архаике восходит и морфема *mr*, являясь обо-значением смерти и покоя (санскр. *Amrita* 'Бессмертная'). Осет. *mard* 'смерть' — рус. *смерть*, *умереть*, *мор* — англ. *murder* 'убийство', испан. *amargo* 'горестный, печальный'.

Местоимения и числительные в русском и осетинском языках также обнаруживают параллели. Например, осет. *æз* 'я' — др.-рус. *азь* 'я'; осет. *ды* 'ты' — рус. *ты*; осет. *мæн* 'мой' — рус. *мой*; осет. *дыууæ* 'два' — рус. *два*; осет. *æртæ* 'три' — рус. *три* (метатеза); осет. *сæдæ* 'сто' — рус. *сто*. Система счета и местоимения, очевидно, также восходят к санскриту и индоиранской древности.

Термины кровного родства в русском и осетинском различны, за исключением очень важного слова «мать» — осет. *мад*. Осет. *фыд* 'отец' имеет параллели с романо-германскими языками: осет. *фыд* 'отец' — нем. *fater*, англ. *father*, лат. *pater*, итал. *padre*; в то время как рус. *отец* восходит, по мнению ученых, к греческому *atta*.

К первичным понятиям, описывающим мир, предметы материального быта, абстрактные категории, можно отнести такие схождения, как осет. *хорз* 'добрый, хороший' — рус. *хороший*, др.-рус. солнечное божество *Хорс*; осет. *стыр* 'большой, великий, высокий' — рус. *старый*, *старший* (др.-рус. *Стрибог*) — исл. *stor* 'великий'; осет. *даргъ* 'длинный' — рус. *долгий*; осет. *бур* 'желтый, бурый' — рус. *бурый* — англ. *blonde*; осет. *рухс* 'свет, светлый' — рус. *русый*; осет. *зонд* 'знание' — рус. *знание*, *зонд*, *зондировать* — авест. *zend* 'знание'; осет. *зонын* 'знать' — рус. *знать* — санскр. *zainti* 'знать'; осет. *тæвд* 'горячий, жаркий' — рус. *теплый*, *топить* (*печь*), *топка*; осет. *тайын* 'таять, растворяться' — рус. *таять*; осет. *дуар* 'дверь' — рус. *дверь* — англ. *door*; осет. *кæрт* 'двор, огороженный участок' — рус. *град*, *город* — англ. *court* — сканд. — *гард*; осет. *фæрæт* — рус. *топор* (примыкает к др.-ир. *tapara*²²); осет. *хуымæллæг* 'хмель' — рус.

²² Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. С. 79.

хмель — авест. *houma*; осет. *хлена* 'рожь' — рус. *хлеб*; осет. *зæрдæ* — рус. *сердце* — лит. *sirdis* — хеттск. *kardi* — лат. *cor* — греч. *kardia*; осет. *куырд* 'кузнец' — др.-рус. *курчий* 'кузнец' — рус. арх. *курить* (в значении разжигать).

К терминам, описывающим человеческие эмоции, можно отнести следующие схождения: осет. *хъырнын* 'подпевать, оплакивать' — рус. арх. *карити* 'оплакивать', диалектная форма *карна* 'плач'. (Карна и Жля — гипотетические божества горя и плача, упоминаемые в «Слове о полку Игореве»: «За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли»); осет. *хъæр* 'крик' — рус. *крик*; осет. *хъæлæс* 'голос' — рус. *голос*; осет. *æрра* 'бешеный, сумасшедший, неистовый' — рус. *ярость, ярый, яриться*.

Особый интерес вызывают схождения в религиозно-этической сфере. Осет. *бар* 'право, воля' — рус. *выбор, вера*. У Зализняка: «*věra* — по форме близко к зап.-и.-е. словам (лат. *vērus*, др.-в.-нем. *wār*, др.-ирл. *fír*), однако по значению славянскому слову точнее всего соответствует авест. *var* 'выбирать' в специальном религиозном значении 'добровольно выбирать себе веру', также *fravar* 'исповедовать веру'; ситуация усложнена, правда, тем, что индоиран. *var* часто возводят к и.-е. *wel (лат. *volō*) и т. д.»²³.

Осет. *бæркад* 'изобилие' — рус. *благо, благополучие*. У Зализняка: «*blagъ* — ав. *bərag* 'ритуал, обряд', *bəraxda* 'желанный', *bərajayeti* 'благоволить, почитать' (ср. инд. *Bṛ̥has-pāti* — божество домашнего очага и ритуала). — осет. *бæркад, бæрæчет*».

Осет. *æфсарм* 'совесть, стыд' — рус. *срам*. У Зализняка: «рус. *sramъ* — ав. *ššarema* 'стыд' (срам), пехл., перс. *šarm*, осет. *æfsarm* 'стыд'); без распространителя *-m*- согд. *šfar* 'стыд', *šfars* 'стыдиться»²⁴.

Наконец, само слово «бог» считается несомненным заимствованием из иранского *baga* (Фасмер, Абаев). В. И. Абаев, в частности, писал: «Я разделяю мнение тех, кто считает это важное в культурно-историческом плане слово не исконно славянским, а заимствованием из североиранского. В пользу этого говорит то, что: 1) слово отсутствует в балтийских, а также других европейских языках; 2) на славянской почве оно не имеет никаких внутренних этимологических связей, в то время как на арийском оно связано с основой *bhag* — «подавать», «наделять», «дарить» со множе-

²³ Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений... С. 44.

²⁴ Там же. С. 44.

ством дериватов; 3) значение «бог» присуще только иранскому и славянскому, но чуждо индийскому»²⁵.

Таким образом, поскольку понятие «света» также относится к первичной, базовой группе понятий и одновременно к религиозно-этической сфере, лексема «рус» могла войти в восточнославянские языки из иранского *rohs/ruhs* в ряду других иранских заимствований понятийной, предметно-бытовой и религиозно-этической лексики.

11. Славяно-иранские схождения в религиозной сфере

Славяно-иранские схождения в религиозной сфере общепризнаны. По мнению А. А. Зализняка, «близость религиозной модели и религиозной терминологии у славян и иранцев объясняется, по-видимому, как сохранением и.-е. наследия, так и одинаковым развитием»²⁶. Другой выдающийся российский лингвист Вяч. Вс. Иванов считал, что «языческая религия славян и связанная с ней картина мира, реконструируемая для времени перед распространением у них христианства, сложилась под несомненным иранским влиянием»²⁷.

В частности, ученые сходятся во мнении, что имена славянских языческих богов Хорса и Симаргла являются заимствованием из иранского, а ряд других богов восходит к индоиранской основе, отражая, возможно, более архаичное скифское влияние. «Бог грома Рerиупъ (имя которого имеет широкие соответствия в и.-е. языках) сближается, в частности, с индийским богом грозы (дождя) Parjánya. Славянское божество Svarogъ в хронике Малалы отождествляется с Гeфестом. Мнения относительно его функций и происхождения его имени расходятся. Очень старым является сопоставление его имени с инд. svàr, súar, ав. hvarə 'небо, небесное сияние' и далее с инд. Svargá 'небеса, небесное блаженство'. Я. Розвадовский считает имя этого бога древнейшим общеарийским заимствованием в праславянский... Подобно индоиранскому

²⁵ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы... С. 339.

²⁶ Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений... С. 43.

²⁷ Иванов Вяч. Вс. Проблемы изучения славяно-иранских связей. М., 1988. С. 5–7.

Vrtrahán, Сварог порождает небесный огонь, солнце, которое в славянской мифологии представляет Хърсъ Dažьbogъ. Обожествляемый огонь именовался у славян Svarožičь. Имя Хърсъ считается несомненным заимствованием из иранского. Наиболее пространственным является возведение его к североиранской форме, соответствующей ав. *hvarə xšaētəm*, ср.-перс. *xvaršēt*, перс. *xuršīd* 'сияющее солнце'. Другую этимологию дает С. П. Обнорский ("Язык и литература", т. 3, 1929, 241–258), который возводит славянское слово к осет. *xorz* (*xwarz*) 'хороший'; его поддержал В. И. Абаев ("Осетинский язык и фольклор", 1, 595–596). Другое имя обожествляемого солнца — Dažьbogъ — Р. Якобсон понимает как 'податель богатства' и сравнивает функционально и семантически с инд. *Bhága*-»²⁸. Как можно увидеть из анализа А. А. Зализняка, славянские боги иранской этимологии связаны преимущественно с культом солнца, небесного света и огня.

Особый интерес среди славянских языческих богов с иранской этимологией вызывает Стрибог — древнеславянское божество с неустановленными функциями. Поскольку в «Слове о полку Игореве» ветра названы «Стрибожьими внуками», ряд ученых считает Стрибога богом ветров. Но, возможно, Стрибог — это старший или верховный бог? Фасмер предполагает заимствование из древнеиранского *Stribya* — «возвышенный бог»²⁹. В подобном качестве культ Стрибога сближается с культом «Бога Высочайшего», игравшего, как считает Е. В. Вдовченков, «ключевую роль» в религиозной жизни древнего сарматизированного Танаиса II–III веков³⁰. Корни этого культа некоторые ученые (Ю. Б. Устинова, М. Тачева-Хитова) связывают с иранским соляным божеством.

Славянский Стрибог и сарматский «Бог Высочайший» сближаются с осетинским *Стыр Хуыцау* 'великий, верховный бог'. Фасмер приводит название польского местечка *Strzyboga*, определенно означающего «старший бог». Везде в первой части двусложных имен присутствует лексема *стр*. Осетинское *стыр* 'большой,

²⁸ Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений... С. 41.

²⁹ Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. С. 777.

³⁰ Вдовченков Е. В. Социальная история сарматов Нижнего Подонья. М.: Аквилон, 2018. С. 135–142.

взрослый, великий' и русское *старый, старший*, очевидно, имеют один корень, восходящий к древней индоиранской основе. Ср. др.-инд. *sthirás* 'крепкий, сильный', лит. *stóras* 'толстый, объемистый', др.-исл. *stórr* 'большой, сильный, важный, мужественный'. Тот же корень *stp* с тем же значением «большой, великий» мы находим в названии реки Днестр (скифск. Данастр): из иранского *дон* 'вода' и *стыр* 'большой, великий', то есть большая или великая река, а также в названии Стыр — притока Припяти.

Появление в восточнославянском пантеоне Стрибога, верховного или старшего бога, могло отражать религиозно-идеологическое осмысление и обоснование раннефеодальных отношений (князь и дружинники — земледельцы и ремесленники; старшие, великие князья — удельные князья). Подобную точку зрения высказывал Б. А. Рыбаков, отмечая, что «"Пантеон Владимира" был, с одной стороны, ответом христианству, а с другой — утверждением княжеской власти и господства класса воинов-феодалов»³¹.

Культ солнца, огня и света, воплощенный в соответствующих божествах, следует признать наиболее существенным в славяно-иранских религиозных схождениях, что нашло отражение в многочисленных солярных образах в мифах, сказках, декоративном искусстве русских и осетин. Солярная, языческая природа этих культур отчасти сохранилась в православии.

12. Славяно-иранские схождения в эпосе и фольклоре

Ученые давно обратили внимание на значительный ряд схождений между древнейшим пластом русских былин и осетинскими сказаниями о нартах. Например, Л. А. Лелеков отмечал наличие «особых типологических сходств в русском былинном эпосе и древних иранских сказаниях, выходящих за рамки всемирных литературных параллелизмов»³², что указывает на глубокие родственные связи между двумя эпическими традициями.

³¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. С. 1.

³² Лелеков Л. А. Иран и Восточная Европа в VIII–X веках // Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана на тему «Проблема периодизации искусства Ирана и его взаимосвязь с искусством других народов в средние века». М., 1973. С. 20.

Славяно-иранскими схождениями в эпосе и фольклоре занимались В. Ф. Миллер, В. И. Абаев, Ж. Дюмезиль и другие крупные ученые.

Схождения связаны прежде всего с героическим, богатырским аспектом русских былин, являющихся по своей сути, как и нартский эпос, сказаниями о богатырях и их подвигах и отражающих дух воинской, дружинной культуры, основанной на принципах военной демократии. Очевидные параллели существуют в описании пиров и мужского застолья как атрибутов дружинной культуры, которые можно найти и в нартском эпосе, и в цикле русских былин, связанных с князем Владимиром Красно Солнышко.

Важным культурным схождением в русских былинах и осетинских нартских сказаниях представляется высокий социальный статус женщины — особенность, которая считается наследием сарматской традиции. В русских былинах фигурируют женщины-воительницы, поляницы, совершающие подвиги, убивающие врагов, но становящиеся ласковыми и любящими женами после замужества, как, например, Настасья Микулишна, супруга Добрыни Никитича. Это соотносится со сведениями греческих авторов, рассказывающих об амазонках, которые до замужества должны убить несколько врагов.

Пример такого же высокого статуса женщины в суровом мире мужчин-воинов мы встречаем и в нартском эпосе осетин в образе Шатаны. Шатана — супруга старшего из нартских богатырей, Урузмага. Нарты идут к Шатане за советом и помощью. В голодное время она открывает свои кладовые, устраивает пир и насыщает целый народ. Силою молитвы Шатана способна вызвать снег или бурю. Она — культурный герой эпоса, создатель пива, ритуального напитка. В образе Шатаны ученые видят следы матриархата. Нартский эпос содержит также сказания о женщинах-воительницах, которые перекликаются с древнейшими женскими образами русских былин.

Эпос и фольклор, несомненно, отражают элементы материальной и духовной культуры далекого прошлого. В этой связи интересно рассмотреть образ коня, который играет важную роль и в русском, и в осетинском эпосе. Известно, что древние славяне не разводили и не культивировали лошадей. Пешее войско было главной военной силой славян. Тем не менее уже в X–XI веках дружины русских князей, по крайней мере их свита, — это преимуще-

ственно всадники. Конь, в особенности боевой конь, помимо средства передвижения, стал важным элементом социального статуса и частью культуры. Особую роль коня в эпосе и фольклоре славян отмечал Ф. И. Буслаев. «Может быть, со временем найдутся былины и сказания, которые дадут новый материал для характеристики этого древнего быта корабельщиков; но, сколько можно судить по изданному теперь, надобно, кажется, признать за исторический факт, что в обиходе богатырского эпоса цикла Владимирова корабль уже потерял всякое значение. Из этого можно заключить, что или вообще незначительно было влияние мореходных, заморских варягов на русский богатырский эпос, или это влияние изгладилось в течение веков, не находя себе поддержки в условиях земледельческого быта племен, расселившихся по необозримым равнинам. Как бы то ни было, только вовсе не корабль, а конь играет главную роль в жизни русского богатыря. И доселе о новорожденном сыне говорится в народе поговоркою: “Дай бог вспоить, вскормить, на коня посадить”»³³.

Вероятнее всего, всадническую культуру славяне впервые восприняли от скифских и затем сарматских племен. Иранской всаднической культуре М. И. Ростовцев посвящает отдельную работу «Иранский конный бог и Юг России»³⁴. Образы богов-всадников в религиозной традиции древних славян, которые прослеживаются в русском народном декоративном искусстве, подробно рассматривались академиком Рыбаковым³⁵. Иранского бога-всадника можно без труда опознать в образе осетинского Уастырджи (святого Георгия) — божества из осетинского нартского эпоса, покровителя воинов и путников, который передвигается верхом на крылатом коне. Конь имел сакральное значение в жизни северных иранцев — кочевников, скотоводов и воинов. Поэтому в эпосе и фольклоре осетин конь — это друг и соратник героя. Конь обладает именем, характером, предчувствует опасность, связан с потусторонним миром. Конь разговаривает с хозяином, дает ему советы, предупреждает об опасности и яростно сражается, когда сражается его хозяин. Подобные отношения героя и его коня можно встретить и в русских былинах и сказках.

³³ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. Воронеж, 1987. С. 137.

³⁴ Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на Юге России. Владикавказ, 2012.

³⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

Франко Карпини, рассуждая о сакральном значении коня в культуре северных иранцев, указывает на двойственность его семантики: «Конь как мифорелигиозный символ в культурах, внесших свой вклад в становление западного средневековья, двулик. Одна ипостась его героическая, солярная. Другая — погребальная, хтоническая»³⁶. Наблюдение Карпини во многом объясняет религиозный смысл захоронения коней в скифских курганах. Конь не только друг и товарищ в испытаниях, но и проводник в царство мертвых. И в то же время это символ солнца, света, огня. Карпини обнаруживает глубокую символическую связь между культом коня и культом металлов. Оба культа имеют двойственную солярно-хтоническую природу и являются отражением религиозного дуализма. «На византийских иконах, где изображена борьба св. Георгия с драконом, мы видим красного коня. Из ноздрей его вылетает сноп огненных искр, клубы дыма. Это огнедышащий конь. Лучше не скажешь о его природе, связанной со стихией огня. Однако некоторые все же считали этого коня порождением воды или подземного царства. Но смеем утверждать, что боевой друг св. Георгия — конь солярный, уранический, борьба его с водными и подземными чудовищами имеет символическое значение. Это схватка животворных сил неба с безликими, слепыми силами хаоса, которые гнездятся под землей. В индоевропейской мифологии, равно как и в тюрко-монгольской, ассоциация “конь — огонь” предполагает также “металл — огонь”. Подобно славному коню, металлы, в особенности железо, имеют двойное происхождение: небесное, метеоритное, или подземное, хтоническое»³⁷.

Помимо всаднической культуры и культа лошади, северные иранцы принесли с собой в Европу искусство металлургии. По мнению Франко Карпини, «живя в азиатских степях, скифы овладели двумя главными искусствами: верховой ездой и обработкой металлов»³⁸. Очевидно, что в постскифский период развитие металлургии у древних восточнославянских племен было в значительной степени связано с культурным влиянием сарматов, закованных в броню вместе с лошадьми, вооруженных высокого качества железными мечами, шлемами, доспехами, что предпо-

³⁶ Карпини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. С. 64.

³⁷ Там же. С. 85.

³⁸ Там же. С. 44.

лагает хорошее знание искусства металлургического производства.

В осетинском нартском эпосе в пантеоне богов-небожителей почетное место занимает Курдалагон, бог-кузнец, закаливший в своей небесной кузне главных героев нартского эпоса. Это говорит о принципиальной важности металлургического и оружейного производства в жизни северных иранцев. В русской фольклорной традиции нет аналогичного героя, но кузнецы являются, как правило, людьми «вещными», «премудрыми», сохраняя, таким образом, сакральный ореол, окружающий процесс выплавки металла. В этой связи стоит отметить, что В. И. Абаев связывал «исконным родством» древнерусское *корчий*, *кърчий* 'кузнец' и осетинское *kurd* 'кузнец'³⁹.

13. Словен и Рус — потомки Скифа

Карамзин называл популярное в XVII–XVIII веках «Сказание о Словене и Русе», известное более чем в ста списках, не сказанием, а сказками. Отчасти соглашаясь с Карамзиным, попробуем руководствоваться старой русской мудростью: «Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок», которая как нельзя лучше соответствует легендарному сказанию о Словене и Русе и попыткам извлечь из него отражения реальных исторических событий.

Сказание сообщает о важном событии исторического масштаба: братья Словен и Рус во избежание междоусобицы решают покинуть свою причерноморскую родину в поисках нового места обитания. Они идут на север, доходят до озера Ильмень и основывают города Словенск и Руса (Старая Русса). Очевидно, что не все славяне и русы покидают родину, иначе речь бы не шла о желании избежать междоусобицы. Таким образом, гипотетически мы имеем дело с описанием миграции части древних славяно-русов, обитавших на юге России, на северо-запад.

Сказание четко разделяет Словена и Руса, при этом называя их братьями, происходящими от общего предка Скифа. Причерноморская родина вполне согласуется со скифскими предками и указывает на то, что Словен и Рус были частью скифского мира.

³⁹ Абаев В. И. Из истории слов // Абаев В. И. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир, 1995. С. 601.

При этом Словен и Рус — представители новой, постскифской, сарматской эпохи. Имена потомков Словена и Руса — Великосана, Асана, Авесхасана, которым Александр Македонский якобы адресует свое послание, имеют явно неславянское звучание.

Словен и Рус, хотя и имеют каждый свой удел, управляют совместно одной страной. Они спаяны в сказаниях так крепко, как будто речь идет об одном человеке. Возможно, сказания зафиксировали определенный этап симбиоза восточных славян и северных иранцев, о вероятности которого писали В. В. Седов и Б. А. Рыбаков. Во всяком случае, такая связка и в то же время разделение Словена и Руса, а также их общее происхождение от скифского предка указывают на исторические славяно-иранские контакты.

Таким образом, сказание совершенно определенно связывает происхождение русов со скифами, а не с варягами, и какими бы сказочными ни были эти сведения, они отражают древние славяно-иранские контакты, сохранившиеся в народной памяти в виде легенд.

Заключение

Исследование истории возникновения этнонима «русы», сопоставление данных лингвистики, археологии, письменных источников, фольклора приводят к заключению, что более вероятной является иранская, сармато-аланская гипотеза происхождения этнонима «русы» в значении «светлые», «благородные», «царственные».

Такое заключение базируется на логической последовательности.

1. Лексема *рохс/рухс* связана с сарматами и аланами, являясь первой частью двусложного этнонима *роксоланы*, и восходит к древнему индоиранскому понятию света, солнца, царственности. В неизменном виде эта лексема сохранилась в современном осетинском языке — потомке сармато-аланских наречий. *Рохс/рухс* в осетинском все так же означает «свет, светлый».

2. Скифы, сарматы и аланы на протяжении длительного исторического периода, более тысячелетия, контактировали с праславянскими и древнеславянскими племенами в области Дуная, Днестра, Днепра и Дона, на что указывают данные лингвистики,

топонимики, истории, археологии, фольклора и мифорелигиозной сферы.

3. В местах наиболее активных контактов северных иранцев и славян в различные исторические эпохи образовывались очаги славяно-иранского этнокультурного симбиоза, складывались определенные формы двуязычия, происходили процессы ассимиляции и смешения этносов.

4. Влияние шло от иранцев к славянам.

5. В русском языке существует достаточно большое количество иранизмов.

6. Этноним «русы» с большой долей вероятности был унаследован юго-восточными славянами от сармато-аланских племен роксоланов и аорсов в местах активных контактов и этнокультурного симбиоза в ряду массива других заимствований из иранского в славянский.

Хенрик Ловмянский отвергал иранскую этимологию этнонима «русы» и какую-либо его связь с роксоланами, полагая сомнительным, «чтобы кочевой народ, который быстро прошел от Меотиды (Азовского моря) к нижнему Днестру, мог оставить после себя такой длительный топонимический след, как название Русь»⁴⁰. Существенное возражение здесь вызывает трактовка влияния сарматов на Восточную Европу. «Кочевой народ» сарматов (роксоланы, языги, аорсы, сираки, аланы) не «быстро прошел от Меотиды к нижнему Днестру», а занял эти обширные территории на века и вступил в длительные отношения со славянскими племенами на Дунае, Днестре, Днепре и на Дону.

Сармато-аланское население Поднепровья, Подонья, Приазовья, Северного Кавказа переживает гуннское нашествие и в VII–X веках становится важной военно-политической составляющей Хазарского каганата. На нижнем Дону аланы (ясы русских летописей) фиксируются источниками вплоть до нашествия монголов в XIII веке, когда вместе с половцами они мигрируют в Венгрию. Таким образом, от роксоланов и аорсов начала нашей эры до ясов позднего средневековья наблюдается преемственность сармато-аланской культуры на Юге России и Юго-Востоке Украины.

Возникновение этнонима «русы», вероятно, относится ко временам Хазарского каганата, когда активизировались контакты салтовских алан, населявших лесостепную зону междуречья

⁴⁰ Ловмянский Х. Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985. С. 73.

Северского Донца и Дона, и южных славянских племен Среднего Поднепровья. Интенсивность этих контактов привела к образованию в VIII–IX веках славяно-иранской этнополитической общности. Именно в этот период иранское *рухс/рохс* могло трансформироваться в славянское *рус/рос* и быть взято в качестве самоназвания новым воинственным народом. Другими словами, ранние русы, отличавшие себя как от славян, так и от алан, были, вероятнее всего, продуктом славяно-иранского симбиоза. *Сармато-аланский импульс в сложении Ранней Руси представляется очевидным.*

В IX–X веках Русь, как и вся Европа, испытывает влияние скандинавов. Складывается знаменитый торговый путь «из варяг в греки», ставший важным экономическим фактором объединения восточнославянских и финно-угорских племен и формирования Древней Руси. В этот же период активно развиваются политические отношения с Византией, происходит крещение Руси, идет сложение сильного древнерусского государства.

Контакты славян и северных иранцев продолжают, но уже как политические и династические связи Киевской Руси с ясами нижнего Дона, а также с аланами Северного Кавказа. Устанавливается культурный паритет. Связующим аспектом сохранившихся контактов было православие, а также существование в одном культурном и политическом поле, определявшемся влиянием Византии, Хазарского каганата, арабов, половцев и других военно-политических сил.

Татаро-монгольское нашествие в XIII веке и окончательный разгром алан Тамерланом в XIV веке обрывают тысячелетние ирано-славянские контакты на несколько веков. В. И. Абаев отмечал, что главной характеристикой этого сложного периода в истории северокавказских алан является обрыв ареальных связей и падение престижного потенциала языка⁴¹. После добровольного вхождения Осетии в состав России в 1774 году контакты возобновляются, и наблюдается интенсивное обратное влияние русского языка, культуры, религии (христианства) на осетинскую почву. Русский язык и культура стали для запертого в горах Кавказа небольшого народа, осколка некогда огромного мира северных иранцев, известных теперь под именем «осетины», подлинным «окном в Европу», в новый мир эпохи Просвещения и Модер-

⁴¹ Абаев В. И. Значение ареальных контактов в истории языка // Абаев. В. И. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир, 1995. С. 342.

на. Покровительство и культурное влияние России помогли осетинам не только выжить, сохранить язык и культуру, но и добиться серьезных результатов в образовании, культуре, экономике, пройти несколько этапов модернизации, обрести государственность в составе Советской России.

Войдя в состав России, осетины принимали самое активное и доблестное участие во всех ее войнах, зарекомендовав себя как отважные и непревзойденные всадники, продолжая всадническую и воинскую традицию, которая берет свое начало от скифов и сарматов. Даже в Великую Отечественную войну, которую называли войной моторов, осетин генерал Исса Плиев умело использовал кавалерию для стремительных рейдов по тылам противника, а к середине войны сумел «скрестить» кавалерию с танками и сформировать крайне эффективные конно-механизированные бригады. Будучи малым народом по численности, осетины внесли достойный вклад в историю России: не только по количеству героических кавалеров и Героев Советского Союза, но и по числу первоклассных ученых, инженеров, писателей, художников, музыкантов, деятелей культуры и искусства.

Таким образом, добровольное вхождение Осетии в состав Российской империи в 1774 году стало для осетин восстановлением исторических контактов с большим славянским миром и восточнохристианской культурной традицией. Средневековая Алания традиционно ориентировалась на православную Византию и была ее союзником на Кавказе. В этом смысле историческая преемственность культурного и цивилизационного выбора Осетии очевидна.

АВТОРЫ НОМЕРА

АБАЕВ Василий (Васо) (1900–2001) — выдающийся ученый-филолог, иранист-осетиновед, академик РАН, профессор, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР, действительный член Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии (1966), член-корреспондент Финно-Угорского общества в Хельсинки (1973), лауреат Госпремии СССР (1981), дважды лауреат Госпремии им. К. Хетагурова, заслуженный деятель науки РСФСР и Грузинской ССР. Автор работ по общему и сравнительному языкознанию, иранистике и осетиноведению, осетинскому фольклору и литературе. Одна из основных работ — «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (1958–1989); в нем прослеживается этимология и история осетинских слов на материале 190 языков мира и связи осетинского языка с иранским и индоевропейскими, а также с тюркскими, финно-угорскими и другими языками.

ГАЛАЗОВ Аслан родился в 1967 году в Орджоникидзе (Владикавказ) СОАССР. В 1984-м окончил среднюю школу № 5. В 1986 году был призван на срочную службу в армию. Выпускник факультета филологии СОГУ (1991). В 1994–1995 годах проходил обучение в Американском Университете (АУ) в Вашингтоне, получил степень магистра искусств. В 1996–1998-м — сотрудник литературно-художественного журнала «Дарьял», редактор. В 1998–1999 годах проходил обучение во ВГИКе на режиссерских курсах, мастерская В. А. Мана. В 2000–2011-м — директор творческих программ Фонда «Мир Кавказа». Режиссер художественных кинокартин «Ласточки прилетели» (2007), «Детство Чика» (2021), а также ряда короткометражных и документальных фильмов. Автор общественно-политических статей в журнале «Дарьял» и газете «Северная Осетия».

ГАЛАЗОВ Руслан (1940–2014) — осетинский художник, писатель и журналист. Родился во Владикавказе, с 1991 года проживал в Испании. Рисовать начал в конце 80-х годов, выставлялся в России, Финляндии, Франции и Испании. В 2006 году получил бронзовую медаль на Зимнем салоне живописи в Барселоне за картину «Японка», созданную под впечатлением прозы Агутагавы. Опубликовал пять книг, в том числе антологию рассказов на русском и испанском языках в мадридском издательстве «Атенеа». В 1999 году за рассказ «Жажда» стал финалистом международного конкурса им. Х. Л. Борхеса (Лос-Анджелес, США). Многие работы Галазова представлены в галереях Мадрида и Парижа, хранятся в коллекциях России, Великобритании, Финляндии, Норвегии, Испании и Аргентины.

ДЖИКАЕВ Шамиль (1940–2011) — осетинский ученый-филолог, поэт, переводчик и общественный деятель. Народный поэт РСО-Алания, профессор, лауреат Госпремии им. К. Л. Хетагурова. Родился в селении Дзомаг, Южная Осетия. В 1964 году окончил филфак СОГПИ. Работал редактором Северо-Осетинского радио и студии телевидения. В 1970 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1990 года — завкафедрой осетинской литературы факультета осетинской филологии СОГУ. С 2002 года — декан этого факультета. Автор более 150 научных трудов по фольклору и литературе, шести поэтических сборников и трех пьес. Перевел на родной язык драмы «Король Лир» Шекспира, «Царь Эдип» Софокла, «Сирано де Бержерак» Ростана, стихи Р. Бернса, Ф. Шиллера, М. Лермонтова и др. Трагически погиб в 2011 году.

ЙИЛЕМНИЦКИЙ Петр (1901–1949) родился в городе Кишперк (Летоград), Австро-Венгрия. Чех по происхождению. Педагог и писатель, основатель словацкого соцреализма в литературе. Писал вначале по-чешски, позднее по-словацки. Автор рассказов и романов, соединяющих в себе лиричность и социальную проблематику, за что получил неофициальное прозвище «словацкого Горького». Родился в семье машиниста, окончил учительское училище в Левичах. После распада Австро-Венгрии и образования Чехословакии работал учителем, служил в армии. В 1922 году стал членом Компартии Чехословакии. В 1926–1928 годах жил в СССР. Большую часть этого времени провел в чешском селе Павловка под Анапой, где работал учителем в школе. Позже в Москве был слушателем Государственного института журналистики. В июне 1928 года возвращается в Чехословакию, где становится редактором словацкой коммунистической газеты «Правда». В 1942 году арестован гестапо за участие в антифашистском сопротивлении и отправлен в концлагерь. В 1945-м писатель возвращается в Словакию. С 1948 года работает атташе по культуре в Посольстве Чехословакии в Москве, где и скончался от сердечного приступа.

КИБИРОВ Тимур (настоящая фамилия Запов) — советский и российский поэт-концептуалист, переводчик. Родился в 1955 году в Шепетовке Хмельницкой области. Окончил историко-филологический факультет Московского областного педагогического института (1981). Печатается с 1986 года. Автор поэм «Лесная школа», «Жизнь Константина Устиновича Черненко», книги стихов «Общие ме-

ста». Лауреат премий «Поэт» (2008), «Большая книга» (2020), а также Премии Правительства РФ (2010) и Госпремии РСО-Алания им. К. Л. Хетагурова (2007).

КОСТАНДОГЛО Татьяна — поэт, прозаик, журналист. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентский госуниверситет, позже — пединститут в Черкассах (Украина). В настоящее время живет и работает в Москве. Литературную деятельность начала, будучи в составе Литфонда СССР. Печаталась в журналах и газетах, является автором поэтических сборников «Я прикоснулась к тайне бытия», «Не разлуки страшны, а встречи» и др. Автор книг «Сила твоя — в тебе», «Пятый воздух. Версия убийства Марины Цветаевой».

ЛЕМ Станислав (1921–2006) — выдающийся польский философ, футуролог и писатель. Книги автора переведены на более чем 50 языков, продано более 40 млн экземпляров.

МАЛИЕВ Васо (1938–2017) — осетинский писатель, драматург и поэт. Сын выдающегося осетинского поэта и публициста Георгия Малиева. С 1957 по 1961 год обучался на литературном факультете Северо-Осетинского пединститута. Работал в газете «Растдзинад». С 1969 по 1970 год обучался на Высших литературных курсах в Москве. С 1990 года являлся главным редактором литературного журнала «Ираф».

МАМСУРОВ Темирболат (1845–1898) считается первым осетинским поэтом и родоначальником осетинской литературы. Стихи поэта выходили отдельной книгой дважды: в 1965 году в Цхинвале и в 1982 году в Орджоникидзе. Основные произведения: «Сагъæстæ» («Думы»), «Авдæны зарæг» («Колыбельная песня»).

ПАРСАНОВА Татьяна родилась на хут. Рябовском Волгоградской области в семье донского казака. Стихи начала писать в 10 лет. Публиковалась в журналах и интернет-альманахах «Молодая гвардия», «Аврора», «Дон», «Дарьял», «День поэзии XXI век» и др. Награждена памятной медалью «Военная разведка» (Москва, 2019) за цикл стихов об Афганистане, знаком отличия «Невечерний свет» (Санкт-Петербург, 2019). В настоящее время живет и работает в Наро-Фоминске.

САЛАГАЕВА Зоя (1924–2011) — советский и российский осетинский литературовед и фольклорист, доктор филологических наук, профессор Северо-Осетинского госуниверситета, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, составитель академического издания осетинского фольклора в двух томах «Ирон адæмон сфæлдыстæд» («Осетинское народное творчество») и исследователь творчества Коста Хетагурова.

САЛБИЕВ Тамерлан родился в 1962 году в Орджоникидзе. Окончил факультет иностранных языков СОГУ им. К. Л. Хетагурова и аспирантуру филологического факультета МГУ. По базовому образованию германист. Кандидат филологических наук. Автор статей и монографий, посвященных проблемам социальной и культурной антропологии осетин. Перевел с англ. языка монографию Л. Дие-нша «Русская литература в изгнании. Жизнь и творчество Гайто Газданова».

СЕКИРИН Сергей — художник. Родился в 1987 году во Владикавказе. В 2007 году окончил Владикавказское художественное училище, а в 2014-м — Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. С 2014 по 2020 год сотрудник творческой мастерской монументальной живописи Российской академии художеств под руководством В. А. Мильниковой. Член Санкт-Петербургского союза художников. Картины находятся в музеях и частных собраниях России и за рубежом.

ХАРЕБОВ Батрадз родился в 1950 году в селении Дзау Южной Осетии. Окончил среднюю школу в Цхинвале и географическое отделение СОГУ им. К. Хетагурова. Защитил кандидатскую диссертацию Института экономики АН СССР. Срочную службу в армии проходил в ГДР. Работал в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте, где прошел путь от младшего научного сотрудника до завотделом экономики. В разное время работал в газете «Северная Осетия» и СОИГСИ. Стоит у истоков создания Министерства информации и печати РЮО. С 1990 года стал активно заниматься журналистикой. Член Союза журналистов РФ, РЮО и РСО-Алания. Заслуженный журналист РЮО, председатель Союза журналистов РЮО. Автор более 80 работ по демографии, социологии, экономике труда. Автор книг «Русские в Южной Осетии», «В нужное время, в нужном месте», «О ком хочу сказать». За сборник «Публицистика» удостоен Госпремии им. К. Хетагурова. В настоящее время возглавляет информационно-аналитическое управление Парламента РЮО.

ХЕТАГУРОВА Дзерасса родилась в 1977 году в Орджоникидзе СОАССР. Окончила факультет русской филологии СОГУ (мировая художественная культура). Кандидат филологических наук («Творчество Алихана Токаева и эстетика символизма»). В настоящее время работает научным сотрудником во Владикавказском научном центре РАН.

ХУГАЕВ Ирлан родился в 1965 году в Орджоникидзе. В 1989 году окончил филологический факультет СОГУ. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН. Автор стихотворного («Вериги воли», 2013) и прозаического («Вечный огонь», 2018) сборников. Публиковался в журналах «Дарьял», «День и ночь», «Дети Ра», «Образы жизни» и др. Живет во Владикавказе.

ШАОВ Ибрагим родился в 1977 году в Майкопе. Кандидат юридических наук, доцент. Публиковался в литературных журналах «Юность», «Сибирские огни», «Дарьял», «Литературная Кабардино-Балкария», «Южный маяк». Три рассказа озвучены для радио ГТРК «Адыгея». Финалист литературной премии «Гипертекст» (2024; повесть «Пациент 132»); вошел в длинный список Международной премии им. Ф. Искандера (2024; серия рассказов).

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

Журнал основан в 1991 году и поддерживает
традиции литературной периодики
в Северной Осетии.

Издается на русском языке и представляет
осетинский и в целом кавказский
литературный процесс
русскоязычному читателю.

«Дарьял» стремится соответствовать
своему времени и отвечать на его запросы.

Выходит шесть раз в год.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
18668

В оформлении обложки использован офорт «Васо Абаев»,
художник М. Джикаев

ЖУРНАЛ «ДАРЬЯЛ» — ЭТО:

- Литературно-художественное издание, представляющее культуру и искусство Осетии всему миру
- Поле для исторических и философских дискуссий
- Площадка для молодежных экспериментов и идей
- Дружелюбная творческая среда, объединяющая народы Кавказа

 vk.com/darial.review | t.me/darialreview